

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока

З. А. Арабаджян

ОТ РЕЗА-ХАНА ДО РЕЗА-ШАХА

Истоки иранской модернизации
1921–1925 гг.

Москва
2022

УДК 94 (55)
ББК 63.3(5Ирн)61
А79

Рекомендовано
Ученым советом Института востоковедения РАН

Ответственный редактор
Н. М. Мамедова, канд. экон. наук, ФГБУН ИВ РАН

Рецензенты
В. Я. Белокреницкий, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН
Н. А. Филин, д-р ист. наук, ФГБУН ИВ РАН

Арабаджян, З. А.

А79 От Реза-хана до Реза-шаха: истоки иранской модернизации 1921–1925 гг. : [Монография] / З. А. Арабаджян ; Ин-т востоковедения РАН, Центр изучения стран Ближнего и Среднего Востока ; [отв. ред. Н. М. Мамедова]. — Москва : ФГБУН ИВ РАН. — 2022. — 290 с.

ISBN 978-5-907543-19-5 (пер.)

В монографии освещаются события смены династии Каджаров в Персии и прихода к власти Реза-шаха Пехлеви в 1925 г., инициировавшего масштабные реформы по переходу Ирана от традиционного общества к обществу модерна. Исследование проведено с привлечением иранских и европейских источников, дипломатических донесений советского полпредства в Тегеране из фондов Архива внешней политики Российской Федерации.

Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов вузов, а также для всех интересующихся историей Ирана.

УДК 94 (55)
ББК 63.3(5Ирн)61

*На передней стороне переплета на фото: коронация монарха
Персии Реза-шаха Пехлеви, Тегеран, 25 апреля 1926 г.*

ISBN 978-5-907543-19-5 (пер.)

© Арабаджян З. А., 2022
© ФГБУН ИВ РАН, 2022

*Столетию моего отца
Артема Завеновича Арабаджяна
посвящается*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Введение	9
Глава I. Реза-хан на пути к посту премьер-министра в 1923 г.....	20
Глава II. Выборы в Меджлис пятого созыва	73
Глава III. Первые мероприятия правительства Реза-хана	85
Глава IV. Движение за республику	103
Глава V. Реванш Реза-хана и борьба с парламентской оппозицией	135
Глава VI. Восстание шейха Хаззаля	163
Глава VII. Шахство или регентство?	189
Глава VIII. Конец драмы	210
Глава IX. Первая миссия Артура Мильспо (1922–1927 гг.) – финансовая основа модернизации в Иране	244
Заключение	271
Приложение. Премьер-министры Ирана (с августа 1918 по декабрь 1925 г.).....	282
Библиография	284

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды попав в архив Министерства иностранных дел России, исследователю уже трудно из него выбраться. В 2017 г. автор этих строк начал собирать материалы для своих научных изысканий в Архиве внешней политики Российской империи. Во время работы над книгой «Иран в годы Первой мировой войны» для поиска документов, касающихся 1918 г., пришлось ознакомиться и с материалами, хранящимися в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), где для специалистов открыты некоторые источники советской эпохи. Информация, содержащаяся в них, оказалась чрезвычайно интересной. Она освещала события в Иране первой половины 20-х гг. XX в., с такой подробностью и тщательностью, высвечивая ряд малоизвестных или совсем неизвестных отечественному читателю страниц иранской истории, что появилась мысль написать работу, предлагаемую ныне вниманию иранистов, востоковедов, историков и всякого человека, интересующегося этой страной.

Наиболее важным источником для написания настоящей работы явился Бюллетень Полномочного представительства СССР в Персии, который по инициативе полпреда Б. З. Шумяцкого выпускался ежемесячно. За время его службы в Тегеране в период с сентября 1922 г. по февраль 1925 г. было выпущено 30 бюллетеней. В предисловии к последнему из них Б. З. Шумяцкий, срок командировки которого заканчивался, охарактеризовал данный документ следующим образом: «Уезжая, я уже не смогу принимать участие в выпуске мартовского и апрельского бюллетеней. Тем не менее, мне бы хотелось отметить, что наши бюллетени в деле информирования о Персии играли все время значительную роль, и я был бы признателен т. Юреневу и всем моим теперешним сотрудникам, которые будут с ним работать, если он и они продолжат это дело, обеспечи-

вая будущему марксистскому историку нашей работы в Персии изучение этой страны на основе наших, может быть не всегда исчерпывающих, но зато всегда более объективных материалов и наблюдений консулов-практиков»¹.

Несомненно, информация этих бюллетеней была востребована в работе центрального аппарата НКВД. Но для современных историков-иранистов спустя почти сто лет эти произведения, созданные кропотливым и высокопрофессиональным трудом сотрудников советского полпредства, являются поистине бесценными. Они не только сообщают важную информацию о политических процессах в Иране, советско-иранских отношениях, действиях иностранных государств, финансово-экономических и прочих миссий в стране, но и дают оценку происходящему по горячим следам.

Дело в том, что когда историк пишет свое исследование о давно прошедших событиях, он рассуждает с позиций так называемой постправды. Иначе говоря, он уже знает, чем они закончились. Авторам дипломатических документов, депеш, аналитических материалов будущее недоступно. Именно поэтому прогнозы и рекомендации, сделанные в процессе событий, особенно ценны. Здесь следует добавить, что вся орфография и пунктуация источников, которые цитируются автором, сохранена в первоизданном виде.

1921–1925 гг. являются особым этапом истории Ирана. Почти во всех исследованиях иранских авторов, особенно в период правления династии Пехлеви, это время стоит как бы особняком. Например, известный иранский журналист, публицист, писатель, литературовед и политик Али Дашти в 1975 г. выпустил книгу под названием «Пятьдесят и пять»². Смысл ее названия состоял в том, что в то время исполнилось 50 лет, как основатель новой династии Реза-хан стал наследственным монархом Реза-шахом Пехлеви. А пять лет – это период с 1921 по 1925 г., за который Реза-хан Мирпандж, до того мало кому известный полковник персидской казачьей бригады, совершил свое восхождение к вершине власти.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 04. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50856. Л. 5.

² Дашти А. Панджах ва пандж. Техран, 1354.

До иранской революции 1978–1979 гг. в Тегеране существовал музей, освещавший историю страны во время правления последней династии. Примечательно, что экспозиция музея открывалась с зала, который назывался «Зал рождения» (таларезех). Он был посвящен событиям иранской истории именно в рассматриваемый период. Все экспонаты и комментарии были нацелены на то, чтобы всячески подчеркнуть роль основателя династии в спасении страны от многочисленных бедствий и высветить его достижения. Разумеется, после падения монархии этот музей исчез, многие взгляды на общественно-политические процессы изменились кардинально. Но что остается, на наш взгляд, неизменным, так это оценка смысла событий, происшедших в 1921–1925 гг. Та эпоха действительно была временем рождения в первую очередь нового Ирана – Ирана эпохи модерн. Происходившие перемены были продиктованы самой жизнью, и в этом плане они были объективным процессом. В результате стечения обстоятельств объективная и назревшая необходимость в изменениях продвигалась волей, поступками, представлениями о благе и руками Реза-хана. Поэтому на процессе модернизации, реформирования страны отражались и все достоинства, слабости и пороки этой исторической личности.

Предлагаемая вниманию читателей проблематика напрямую касается вопросов модернизации, которые в данном случае рассматриваются на иранском материале. Острая необходимость модернизации время от времени вставала и встает перед многими странами. В истории нашей страны было несколько периодов, в которые делались такие попытки. Далеко не все из них были успешными. В частности, у историков нет единства мнений в оценке результатов модернизации Петра I. Наиболее впечатляющей была сталинская модернизация 30-х гг., когда СССР всего примерно за 10 лет был превращен из аграрно-индустриальной в индустриально-аграрную страну. Сегодня Россия также остро нуждается в новой модернизации, и нелишним будет посмотреть как на свой собственный опыт (в первую очередь), так и на опыт других стран от Китая до Сингапура. Возможно, и иранский пример в какой-то части может быть показательным.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить С. Г. Иванова – моего доброго друга и наставника в годы первой (еще в советский период) командировки в Иран за консультации историко-лингвистического характера, данные автору во время написания этой работы, и членов моей семьи за помощь в подготовке рукописи к печати. Особую благодарность автор выражает Международному институту социальной истории Королевской академии искусств и наук Нидерландов (The International Institute of Social History of the Royal Netherlands Academy of Arts and Sciences) и лично профессору Тураджу Атабаки (Touraj Atabaki), предоставившему фотографии для иллюстрирования моей книги.

ВВЕДЕНИЕ

К началу XX в. Иран безнадежно отставал от европейских держав и являлся абсолютистской монархией, в которой полностью господствовали феодальные отношения. Англия и Россия превратили его в полуколониальное государство, опутали займами, концессиями и даже имели на его территории свои вооруженные силы в лице консульских конвоев, поскольку в провинциях свирепствовали банды феодалов и племенных вождей. Однако пройденный страной путь социально-экономического и общественно-политического развития настоятельно требовал серьезных перемен. Имевшее место брожение умов привело к нарастанию требований изменения формы правления в сторону конституционной монархии со всей атрибутикой буржуазного общества. Поскольку власть оказалась неспособна провести глубокие комплексные реформы или задавить недовольных силой, то накопившиеся противоречия нашли свое разрешение в Конституционной революции 1905–1911 гг.

Революция закончилась странно. С одной стороны, она оказалась подавлена. В конце декабря 1911 г. выступление наиболее радикальной части конституционалистов и националистов, которое было направлено против господства России и Англии в Иране и, скорее, может считаться национально-освободительным восстанием, было разгромлено как войсками России и Англии, так и войсками иранского правительства. Но с другой – революция победила, поскольку абсолютистская монархия оказалась свергнутой, в стране появилась конституция и Меджлис (парламент), а власть шаха сильно ограничили. Именно Меджлис стал самым влиятельным органом государственной власти в стране. При этом на престоле с июля 1909 г. сидел малолетний монарх Солтан Ахмед-шах, который до лета 1914 г. оставался лишь тенью своих регентов. Однако и после наступления совершеннолетия он не отли-

чался сильной волей и желанием уделять время государственным делам даже в пределах полномочий, отведенных ему конституцией.

Правда, кроме формальных признаков есть и сущностные. Ведь вся эпопея с революцией по замыслам ее лидеров преследовала такие цели, как ускоренное социально-экономическое развитие, обеспечение безопасности населения на всей территории Ирана, преодоление колониальной зависимости от Англии и России, наведение в стране порядка, обуздание коррупции на всех уровнях, создание светской правовой системы и пр. Но новая политическая система не справилась с этими задачами. Это нельзя объяснить даже начавшейся Первой мировой войной, во время которой все воюющие стороны превратили территорию страны, формально заявившей о своем нейтралитете, в арену боевых действий.

Основной причиной отсутствия реальных перемен был характер власти. Если раньше он был феодально-монархическим, то после победы конституционалистов стал феодально-олигархическим. Под прикрытием буржуазных идей, лозунгов, принципов, разумеется, с местной иранско-шиитской спецификой, страной стали править различные олигархические группы. Они опирались на волю парламентского большинства, вооруженную силу правительственных формирований и особенно воинственных кочевых и полукочевых племен (бахтиары, кашкайцы, луры, курды, арабские племена юга Ирана и пр.). Олигархические группировки воспринимали формальные атрибуты буржуазного устройства общества как благодатную возможность самим править страной и обогащаться без оглядки на волю верховного суверена, каким ранее был шах.

Вопрос об обретении реального суверенитета был в центре обсуждения представителей местных элит, но все ограничивалось словами о любви к родине и страстном желании стать самостоятельной державой. Более того, обрести реальный суверенитет не помогла Ирану даже Великая Октябрьская Социалистическая Революция. Когда молодая Советская Россия вывела все русские войска с иранской территории, безвозмездно отказалась от всех неравноправных договоров, концес-

сий и простила все долги иранского правительства³, Великобритания воспользовалась ситуацией и полностью оккупировала его территорию.

Более того, англичане взяли курс на полное закабаление Ирана и превращение в свой протекторат. С этой целью было подготовлено Англо-персидское соглашение 1919 г. и Соглашение о займе в размере 2 млн фунтов стерлингов из 7% годовых, подлежащих погашению в течение 20 лет⁴. Согласно этому документу, Англия брала под контроль иранскую армию, финансы, все природные ресурсы, получала монопольное право на строительство железных дорог и пр. На все эти и иные нужды предполагалось тратить заемные деньги, возврат которых обеспечивался поступлениями от всех иранских таможен и других доходов правительства. Англичане «великодушно» разрешали правительству досрочно погасить долги по этому займу, но не из средств, «связанных с каким-либо Британским займом, о котором оно может договориться»⁵. Разумеется, британцы не допускали и мысли, что иранцам будет позволено занять деньги у другой страны или частных финансовых структур, чтобы расплатиться с ними.

При подготовке данного соглашения его инициаторы и главные лоббисты в лице премьер-министра Восуга од-Доуле, министра финансов Сарема од-Доуле и министра иностранных дел Носрета од-Доуле (принца Фируза) получили от англичан взятку в размере 131 тыс. фунтов. Указанная сумма также была зачтена как долг иранского правительства в счет займа по Соглашению.

Подписание этого кабального документа вызвало протесты по всей стране среди представителей различных классов и социальных групп – от простых крестьян до самого Ахмед-шаха. Последний так и не скрепил его своей подписью. Для преодоления сопротивления шаха Восуг од-Доуле направил принца

³ Общая сумма прощенных долгов, процентов по ним и стоимость подаренных иранской стороне концессий составила около 70 млн рублей золотом.

⁴ Полный текст см.: Новая эпоха в истории Персии и англо-персидский договор. Баку, 1920. С. 22–24.

⁵ Новая эпоха... С. 24.

Фируза сопровождать монарха во время его европейского вояжа с тем, чтобы во время пребывания в Лондоне уговорить шаха подписать Соглашение. Однако монарх, несмотря на робость и податливость характера, в своей речи во время официального приема у английского короля даже не упомянул о злосчастном документе. Касаясь давления, оказанного на шаха в Лондоне, иранский историк Х. Макки отмечал: «Достоинством внимания обстоятельством является то, что с первого дня заключения Соглашения Ахмед-шах был против него. Даже в Лондоне, как ни настаивали сопровождающие его лица и члены свиты на том, чтобы шах принял это соглашение, он стойко и храбро отверг его. Хотя Наср уль-Мольк Хамадани сказал шаху о страшных последствиях этого упорного сопротивления, которое в конце концов приведет к падению Каджаров, это не возымело действия»⁶.

Данное соглашение и попытки английских политиков, особенно лорда Керзона, запугать иранцев подняли беспрецедентную волну антианглийских эмоций. Отражая настроения общества, поэт Фаррохи Йазди писал:

Мы не будем великодушны к подлости,
Не будем прислушиваться к указаниям посольства,
Государство не уподобим эмирату
Потому, что мы не сдаемся.
Лорд Керзон заволновался
И начал читать элегии.

К поднявшимся массовым протестам и выступлениям против Англии добавился и внешнеполитический фактор. В начале мая 1920 г. произошла советизация Азербайджана, и у Советской России появилась общая граница с Ираном. К этому добавилась и высадка отрядов Красной армии, преследовавших отступавших денкинцев, в Энзели, ее столкновения с англичанами и их отступление из некоторых районов Гиляна, где была провозглашена Гилянская Советская Республика. В такой обстановке Восуг од-Доуле, как главный инициатор подписания Англо-персидского соглашения, был вынужден подать

⁶ Макки Х. Мохтасари аз зендегани-йе сийаси-йе солтан Ахмад-шах. Техран, 1323. С. 164.

в отставку (25 июня 1920 г.). Скорее всего, англичане решили, что фигура эта слишком одиозна для общественного мнения Ирана и не сумеет довести начатое до конца.

На посту председателя правительства его сменил Мошир-од-Доуле – человек с безупречной политической биографией, который оказался в крайне сложном положении. С одной стороны, будучи убежденным иранским националистом, он категорически не желал признавать и продвигать Соглашение. С другой стороны – из-за крайне расстроенных иранских финансов он не мог обеспечить даже минимальных государственных расходов без получения денег от англичан. В такой ситуации новый премьер-министр просит английского посла, чтобы авансы в счет кредита, предусмотренного Соглашением, продолжали выдаваться либо финансирование осуществлялось за счет доходов от Англо-Персидской нефтяной компании (АПНК). Однако англичане понимали, что этот политик ни при каких обстоятельствах не будет сторонником Соглашения и, используя надуманные предлоги, добились его отставки.

Новым главой кабинета стал Сепакдар-е Азам Фатоллахан Акбар. Однако и он не спешил продвигать указанный вопрос. Под давлением англичан Сепакдар созвал чрезвычайный Верховный Совет, состоявший из членов шахской фамилии, высшего духовенства, министров и принцев (ноябрь 1920 г.). Но после обсуждений Совет отказался брать на себя ответственность за решение по этому делу и заявил, что все затруднения происходят потому, что Меджлис до сих пор не начал работать. Вероятно, такое решение было принято с учетом резко негативного отношения Ахмед-шаха к Соглашению.

Действительно, в то время парламент в стране не функционировал. Меджлис третьего созыва прекратил свое существование в 1915 г., и из-за проходивших на территории Ирана военных действий между участниками Первой мировой войны к выборам Меджлиса четвертого созыва приступили лишь в конце 1917 г. По сложившейся традиции выборы продолжались долго и формально к 1921 г. были завершены. Но правительство не могло созвать Меджлис по причине отсутствия кворума, который срывался самими парламентариями. Депутаты-национали-

сты считали, что этот парламент неправомошен выносить решения по Соглашению, и бойкотировали заседания. Они объясняли свою позицию тем, что выборы проходили под давлением марионеточного проанглийского кабинета Восуга од-Доуле и большинство его депутатов являются англофилами.

Весь ход событий показывал англичанам, что в сложившейся ситуации они не сумеют добиться желаемого результата. Было признано целесообразным отказаться от Соглашения, обеспечив господствующее положение Великобритании в Иране другими средствами. Ставку сделали на переворот. Он должен был быть произведен под антианглийскими лозунгами людьми, которые в действительности являлись англофилами⁷. Проблема состояла в том, чтобы найти подходящего человека на роль вождя переворота. Совещания проходили в английской миссии. После долгих поисков и раздумий отпали кандидатуры Джафара Голи-хана Сардар Асада Бахтиари (сына одного из вождей Конституционной революции Али Голи-хана Сардар Асада Бахтиари) и майора жандармерии Фазулла-хана Басирдивана.

Англичане стали выбирать между Носретом од-Доуле и Сеидом Зия эд-Дином Табатабаи. Первый являлся сыном принца Абдул-Хоссейна Фарманфарма и прямым праправнуком Фатх Али-шаха. За него стояли представители династии Каджаров. Сеид Зия происходил из семьи сеида, всегда выступал за ислам и с 16 лет издавал газету «Неда-е Эслам» (Зов Ислама), в силу чего мог быть поддержан духовенством. Он устраивал англичан, поскольку был их твердым сторонником и даже в прессе печатал статьи в пользу Соглашения и премьер-министра Восуга од-Доуле, не боясь мести националистов. Первая кандидатура пользовалась поддержкой самого лорда Керзона, который решил, что переворот должен возглавить именно он. Носрету од-Доуле было предписано явиться в Иран до 20 февраля 1921 г. и исполнить задуманное. Однако Сеид Зия не смирился с таким решением и через своего друга английского дипломата Ховарда убедил английского посланника Нормана не отказываться от его услуг.

⁷ Подробно о перевороте третьего хута см.: Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996. С. 32–48.

В итоге переворот возглавил Сеид Зия. Существуют разные версии, объясняющие это обстоятельство. По первой – Носрет од-Доуле просто не успел прибыть в Тегеран к нужной дате. По другой, сообщенной другом Носрета од-Доуле Абуто-рабом Пезешкианом, тот прибыл в столицу за несколько дней до назначенного срока и обсуждал переворот с посланником Норманом: «Английский посол изложил план и детали переворота, согласно которым предполагалось арестовать ряд известных политических деятелей. Носрет од-Доуле резко выступил против этого и сказал: «Я и лорд Керзон договорились о перевороте в целом, но в деталях этого дела я должен быть полностью свободен. Поэтому я не могу принять данного предложения. Арест некоторых уважаемых людей в Тегеране, которые большей частью являются моими родственниками или друзьями, для меня неприемлем. Но прочие Ваши установки я обязуюсь выполнить»⁸. Такие требования и несговорчивость не понравились Норману, и на совещании в английской миссии было принято решение сделать ставку на Сеида Зия.

После того, как был определен политический лидер переворота, было необходимо найти вооруженные формирования, силами которых он будет совершен. Вариантов оказалось немного. Британскими силами Северной Персии воспользоваться было невозможно, поскольку никто не поверил бы в антианглийский переворот, совершенный английскими войсками, а кроме того, в ответ на такие действия Советская Россия могла бы ввести свои войска в Иран. От услуг жандармерии решили отказаться, т. к. еще раньше отвергли кандидатуру майора жандармерии Фазулла-хана Басирдивана. Оставались только персидские казаки. Однако и среди них руководителя военной части переворота нашли не сразу. Начали перебирать старших казачьих офицеров. Сначала остановились на кандидатуре Голи Мирза-хана, но из-за его неплохих отношений с русскими от нее решили отказаться. Другой офицер – Амир Мовассах Нахчеван, с которым беседовал Сеид Зия, сам отказался возглавить мятеж, сомневаясь в его успехе

⁸ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 1. С. 165.

и опасаясь последствий в случае провала. Кроме того, он считал Сеида Зия слишком незначительной политической фигурой, чтобы связываться с ним. Однако по некоторым данным именно он рекомендовал обратить внимание на другую кандидатуру: «Затем предложение было сделано господину Амиру Мовассаху Нахчевну. Указанное лицо не согласилось, но поскольку считало, что проблемы (переворота) не избежать, то рекомендовало господина Реза-хана Мирпянджа и заявило, что с делом может справиться только он <...> и его кандидатура была принята»⁹.

Реза-хан был именно тем человеком, который устраивал англичан – решительный военный, готовый выполнить то, что ему прикажут. В прошлом он не занимался политикой, и не было никаких признаков того, что он желал бы в нее войти. Он родился 15 марта 1878 г. в деревне Алашат в провинции Мазендеран в семье простого иранского офицера Аббаса Али-хана, который умер через несколько месяцев после рождения сына и не принадлежал к знатным и богатым родам. В отличие от Садара Хомаюна, Амира Мовассаха и др. Реза-хан не имел титулов. Все это позволяло предположить, что он согласится работать под началом такого сравнительно малоизвестного политика, как Сеид Зия. Также он был крайне критично настроен по отношению к большевикам, что в глазах англичан было немаловажным.

По замыслам Сеида Зия и англичан, Реза-хан должен был стать не партнером, а простым исполнителем их воли, поэтому его даже не посвятили в истинные цели и детали переворота. Ему сказали, что в стране очень тяжелое положение, народ доведен до нищеты, аристократы, члены правительства, депутаты Меджлиса – все коррумпированы и совершенно не заботятся об Иране, а только набивают свои карманы. В связи с этим группа патриотов, поддерживаемая Ахмед-шахом, решила изменить ситуацию, отправить изменников в тюрьму и облегчить участь простых людей¹⁰.

⁹ Джами. Гозаште чераг-е рах-е аянде аст. б. м. 1359. С. 44.

¹⁰ Мааш. Альмас ва риг. Нью Йорк, 1989. С. 50.

После того как в ночь с 20 на 21 февраля 1921 г. переворот, вошедший в иранскую историю как переворот третьего хута, свершился, оба его руководителя обнародовали свои обращения к нации. В воззвании Реза-хана, опубликованном 22 февраля 1921 г., говорилось следующее: «Соотечественники! Священная обязанность беззаветного служения шаху и родине послала нас на поля страшной войны в Гиляне. Именно отважные казаки, имея нехватку обмундирования, обуви, провианта и оружия, подставляли свою грудь убийственному огню многочисленных групп мятежников от Казвинских ворот до берега моря. И сейчас по воле Божьей и требованию Его Величества нам представилась возможность, и вот мы в Тегеране. Мы не оккупировали столицу, ибо не можем поднять оружие в месте, где находится наш священный венценосный государь. Истинный смысл нашего прихода в Тегеран – забота о государстве и правительстве и освобождение их. Мы желаем такого правительства, во всех сторонах земли которого тысячи детей не прощались бы с жизнью от голода и несчастий. Правительства, которое не было бы игрушкой в руках иностранных политиков. Правительства, которое из-за нескольких сот тысяч туманов не продавало бы Иран и не унижало бы страну. Все мы солдаты, все мы служим государству. Да здравствует шахиншах Ирана! Да здравствует народ Ирана!»¹¹

Приведенное свидетельствует о том, что Реза-хан не был в курсе составленного заговора и информировался лишь в той степени, в какой англичане считали это необходимым. Более того, за свои заслуги он был награжден всего лишь почетным титулом «Сардар Сепак» (вождь или полководец войска, армии) и назначен командиром казачьей дивизии. Широко распространено мнение, что в награду его тут же назначили военным министром, но это не так. Когда 1 марта 1921 г. Сеид Зия сформировал свое правительство, Реза-хан не вошел в него, а военным министром стал майор жандармерии Масуд-хан. Это значило, что и Сеид Зия, и стоявшие за ним англичане решили, что данный деятель сделал свое дело и более им не нужен. Военным

¹¹ Полный текст обращения Реза-хана см.: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 1. С. 253–256.

министром Сардар Сехах стал только в конце апреля 1921 г., поскольку Сеид Зия уже чувствовал шаткость своих позиций и, стремясь привлечь его на свою сторону и опереться на него и армию, представил Ахмед-шаху данную кандидатуру.

Новый премьер-министр опубликовал свое обращение 26 февраля 1921 г. Оно было полно демагогических обещаний. В частности, в нем объявлялось об аннулировании Англо-персидского соглашения 1919 г. Однако значение переворота третьего хута состояло не в этом акте, поскольку всем уже было ясно, что реализовать положения указанного документа невозможно. Историческая роль тех событий состоит в том, что благодаря им на авансцену иранской политики вышел дотоле мало кому известный казачий полковник Реза-хан Мирпьяндж Сардар Сехах, который шаг за шагом стал подниматься к вершинам власти, создав тем самым предпосылки для смены династии. Данная перемена произошла независимо от воли и желания всех участников событий: англичан, Сеида Зия, шаха и самого Реза-хана. Это был поворотный момент в истории Ирана, момент прихода человека нового времени, националиста, человека эпохи модерна, человека, несмотря на свой низкий образовательный уровень, цепкого ума, видевшего будущее страны во всесторонней модернизации. Появление Реза-хана на иранском политическом небосклоне еще раз подтвердило, что в истории закономерность часто реализуется в форме случайности.

Первоначально его модернизаторские усилия сосредотачивались только на армии, которую было необходимо создать из разрозненных и слабо связанных друг с другом формирований: казаки, жандармы, южноперсидские стрелки, традиционные иррегулярные провинциальные полки (фоуджи). Последние напоминали собой стрелецкие полки, когда солдаты часть времени служили, а часть торговали в своих лавках, занимались личными охранниками к какому-либо богатому человеку и пр. Параллельно было необходимо бороться с феодальной вольницей, ханами и вождями кочевых племен, грабившими население, пользуясь крайней слабостью центрального правительства. Реза-хан начал решать все перечисленные задачи, кото-

рые вошли в историю как политика централизации страны. В рамках военной реформы он разбил всю страну на военные округа и стал расставлять близких ему людей на должности их командующих. В связи с этим в 1921 и большей части 1922 г. он не выходил за пределы своих официальных задач, лишь постоянно требуя большего финансирования для нужд вооруженных сил страны. Благодаря тому, что стоявшие перед ним задачи решались успешно, авторитет Реза-хана в армии и обществе постепенно рос, и он стал позволять себе конфликтовать с деятелями, составлявшими высшую политическую элиту Ирана. В 1921–1923 гг. иранские правительства менялись по несколько раз в год, перед взором народа проходил бесконечный сонм премьер-министров и министров. Неизменным оставалось одно: пост военного министра занимал только Реза-хан. Однако так долго продолжаться не могло, и в 1923 г. он стал претендовать на большее.

Глава I

РЕЗА-ХАН НА ПУТИ К ПОСТУ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА В 1923 г.

В конце 1922 – начале 1923 г. кабинет Кавама ос-Салтане шатался под ударами Национального блока, сформированного левыми и националистами. Крайне негативно к премьер-министру относилось и советское полпредство, считая его лидером старой феодальной реакции, а его правительство – англофильским. Но и он вел борьбу со своими противниками по нескольким направлениям.

В связи с позицией советского полпредства он распространял информацию о том, что Москва его поддерживает, и только полпред Б.З. Шумяцкий проводит своевольную линию в Тегеране. В этом Кавама ос-Салтане активно поддерживал иранский посланник в Советском Союзе Мошавер уль-Мамалек, постоянно преподносивший в НКВД действия Б.З. Шумяцкого как недопустимое вмешательство во внутренние дела Ирана. В одной из телеграмм посланник писал премьер-министру: «Прошу спокойно ожидать окончания интриги против Вас. Здесь ее осуждают и на днях ликвидируют. Русские делегаты торговой комиссии на днях поведали мне об отозвании Поверенного¹². Подробности передадут Вам Бехмен и мой сын, возвращающийся с докладами»¹³.

В январе 1923 г. сын Мошавер уль-Мамалека Абдуль-хосейн-хан Модир од-Доуле прибыл в Тегеран и, встречаясь с депутатами Меджлиса от Национального блока, в частно-

¹² В действительности Б.З. Шумяцкий занимал свой пост до мая 1925 г.

¹³ АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 116. Д. 50759. Л. 7.

сти с Сулейманом Мирзой, Мосавватом, Зенджани и др., пугал их тем, что в случае отставки Кавама ос-Салтане Иран ждут бедствия из-за России: «Мы не можем допустить, чтобы русские свалили Кавама. Тогда они окончательно обнаглеют. Вы их знаете только по ласковым речам Шумяцкого, а мы знаем по Москве, по России»¹⁴.

Стремясь удержаться у власти, премьер-министр не только запугивал Ахмед-шаха последствиями агрессивных действий СССР, но в качестве аргумента подготовил ему доклад о ходе торговых переговоров между двумя странами, которые протекали тяжело и неоднократно приостанавливались, поскольку обе стороны хотели получить для себя максимально выгодные условия. В частности, советская сторона ввела европейские таможенные тарифы для иранских товаров, а Кавам ос-Салтане ввел крайне высокий таможенный тариф на советские товары. Кроме того, Кавам ос-Салтане сделал еще и денежный подарок шаху в размере 60 тыс. туманов по случаю возвращения монарха незадолго до этого из путешествия по Европе.

Параллельно делались попытки договориться и с основными противниками. В частности, на встречу с Б.З. Шумяцким был направлен сторонник Кавама ос-Салтане Раис от-Тоджар Хорасани, который должен был убедить его изменить отношение к кабинету министров и повлиять на депутатов Национального блока. Однако результатов эта встреча не дала. Имели место и контакты с самим Национальным блоком, которому предлагалось согласиться на включение Кавама ос-Салтане в состав нового кабинета в качестве министра иностранных дел. Также на встрече с депутатами межфракционного совещания он просил о поддержке, обещая немедленно возобновить торговые переговоры с Советским Союзом. Однако большинство депутатов, чувствуя свою силу, не пошли на сделку с ним.

Окончательным ударом по кабинету министров стали события, имевшие место 18 января 1923 г. в Меджлисе и связанные с позицией иранского правительства по участию в переговорах в Лозанне, где вырабатывались условия мира после

¹⁴ Там же. Л. 7 об.

победы Турции в греко-турецкой войне 1919–1922 гг. и обусловилась ситуация, сложившаяся в Месопотамии. Иранское правительство, подыгрывая англичанам, отозвало из Багдада своего политического представителя, чем вызвало подозрения в признании английского протектората над Месопотамией. Также вне зависимости от достоверности в политических сферах Тегерана распространялись слухи о том, что на конференции будет рассматриваться вопрос о создании под эгидой некоего Петроса (командира отрядов айсоров в годы Первой мировой войны) независимого Халдейского государства, границы которого должны простирались до западного побережья озера Урмия, а также вопрос о создании независимого Курдистана¹⁵.

Иранский кабинет не проявил должной настойчивости для обеспечения полноправного участия своего представителя на этом мероприятии. На свои робкие запросы он получил отказ под тем предлогом, что Иран не воевал и не воюет с Турцией, не имеет интересов на Черном море, а вопрос о границах Ирана и Месопотамии подниматься в Лозанне не будет¹⁶. Такая позиция англичан контрастировала с целями советского полпреда, который в октябре 1922 г. предлагал иранскому правительству прояснить свою позицию в связи с Лозаннской конференцией. Тогда Кавам ос-Салтане ответил, что Иран к Черному морю и проливам отношения не имеет.

На указанном заседании Меджлиса, принявшем резко антианглийский характер, эмоционально выступил лидер клерикальных сил аятолла Модаррес. Он сообщил о многочисленных письмах из Кербелы и Неджефа от высших духовных лиц, содержавших информацию о бедственном положении мусульман под английским гнетом и беззакониях, творимых в этом крае, который, получив марионеточного эмира, якобы стал независимым. Завершая свою речь, Модаррес сказал: «В довершение всего, англичане – опекуны и попечители всего мира и в особенности мусульман, обратившие некогда свое благосклон-

¹⁵ Там же. Л. 29.

¹⁶ Там же. Л. 29 об.

ное внимание на Персию и благодетельствовавшие ее знаменитым и пресловутым договором, в последнее время заключили договор с Месопотамским «эмиром», являющимся договором односторонним. <...> Я здесь в Меджлисе, являющимся центром Персии, и могу сказать, средоточием внимания большинства мусульман, выражаю свое возмущение и негодование на притеснения, чинимые Английским Правительством над Месопотамией»¹⁷.

Это заседание Меджлиса усилило и без того крайне отрицательное отношение депутатов к правительству, заподозренному в сговоре с англичанами по отношению к Месопотамии и курдскому вопросу. Особое впечатление на всех произвела речь аятоллы Модарреса, который почти всегда поддерживал Кавама ос-Салтане и воздерживался от критики премьер-министра за проанглийский курс. На указанном заседании судьба кабинета была решена, хотя формально она даже не обсуждалась.

Еще одним фактором, приведшим к падению кабинета, стала борьба за концессию на добычу нефти на севере Ирана, т. н. северную нефть, которую предполагалось отдать одной из американских компаний – «Стандарт Ойл оф Нью-Джерси» или «Синклер Консолидейтед Ойл Корпорейшн». При этом мнения самих американцев разделились: посланник лоббировал интересы «Синклер», а приглашенный на должность генерального казначея иранских финансов А. Мильспо – «Стандарт Ойл». В январе 1923 г. Кавам ос-Салтане собрал совещание по данному вопросу, на котором с докладом выступил А. Мильспо. Реза-хан также участвовал в нем как лицо, более других заинтересованное в увеличении финансовых возможностей государства, поскольку львиная часть расходов шла на реформирование и обновление вооруженных сил. Смысл сделанного доклада состоял в том, что вывести Иран из финансового тупика может лишь срочная сдача концессии на добычу северной нефти. При этом А. Мильспо предлагал передать ее компании «Стандарт Ойл», поскольку она является «наиболее солид-

¹⁷ Там же. Л. 30 об., 31.

ной и денежной»¹⁸. Премьер-министр и военный министр согласились с данной рекомендацией, и совещание решило продвигать указанный вопрос в заданном направлении. Такое решение вызвало недовольство американской миссии, а также сторонников «Синклер Ойл» из числа политической элиты, в частности принца Фируза, который перестал поддерживать главу кабинета, что также оказало влияние на судьбу правительства. Позднее советское полпредство даже считало, что в падении Кавама ос-Салтане «уход Носрет од-Доуле из кавамовского лагеря сыграл далеко не последнюю роль»¹⁹.

Принц Фируз 12 января 1923 г. сообщил представителю советского полпредства, что он и его друзья не видят более смысла поддерживать кабинет министров. А на следующий день и военный министр Реза-хан сообщил, что «он и шах» считают, что премьер-министру пора уходить²⁰.

Несмотря на это, Кавам ос-Салтане не желал безоговорочно покидать свой пост. 24 января 1923 г., когда председатель Меджлиса Мотаммен уль-Мольк открыл заседание, на котором должен был решаться вопрос о способе, коим следует добиться отставки правительства, выяснилось, что отсутствует кворум, поскольку премьер-министр в здании парламента собрал своих сторонников (18 человек) на совещание. Тем не менее Национальный блок вручил председателю Меджлиса заявление за подписью 47 депутатов о недоверии Каваму ос-Салтане, которое было переправлено ему. Премьер-министр ответил, что готов подать в отставку, если его кооптируют в парламент, поскольку он был избран от Мешхеда, но покинул ряды депутатов, согласившись возглавить кабинет министров. Парламентарии отвергли это предложение.

Утром 25 января 1925 г., когда Меджлис собрался на заседание, Кавам ос-Салтане, поняв, что компромисса достигнуть не удастся, прислал сообщение о том, что подает шаху прошение об отставке, что он и сделал. В тот же день парламент посетил Реза-хан и попросил парламентское большинство в связи

¹⁸ Там же. Л. 23.

¹⁹ Там же. Л. 23.

²⁰ Там же. Л. 12.

со сложностью переживаемого страной момента и во избежание кризиса как можно скорее представить шаху кандидатуру на пост главы правительства, желательную Меджлису.

У Национального блока не было иной кандидатуры, кроме Мостоуфи уль-Мамалека, и 27 января 1923 г. состоялось голосование. Было подано 55 голосов «за», причем одним из них стал голос Кавама ос-Салтане, который принял участие в голосовании, несмотря на то что его мешхедский мандат не был утвержден. «Против» голосов не было, но сторонники бывшего премьер-министра во главе с принцем Фирузом воздержались, мотивируя это тем, что их отношение к новому правительству будет зависеть от его программы. Аятолла Модаррес в момент голосования отсутствовал²¹.

Мостоуфи уль-Мамалек, занимавший пост премьер-министра уже в пятый раз, в то время считался безукоризненным, чистым и неподкупным националистом. Его целями являлись независимость, свобода и суверенитет, право на самостоятельное существование страны. Он никогда не считался ни русофилом, ни англофилом. Его отношения с Ахмед-шахом всегда были хорошими. В тяжелые времена, особенно в период Первой мировой войны, шах много раз назначал его премьер-министром или своим помощником и советником в решении трудных и деликатных политических вопросов. Однако на этот раз у монарха были сомнения, вызванные слухами, исходившими от Кавама ос-Салтане, о том, что кандидат в премьер-министры имеет слишком близкие отношения с советским полпредством и русские с его помощью надеются распространять в Иране большевизм. В ходе личной беседы Ахмед-шах сообщил Мостоуфи уль-Мамалеку об этих сомнениях, и тот опроверг указанные домыслы как совершенно беспочвенные²².

После этого Мостоуфи уль-Мамалек был назначен премьер-министром и начал формирование кабинета. К 13 февраля 1923 г. правительство было создано, хотя в него вошли не лидеры Национального блока, но деятели, благожелательно

²¹ Там же. Л. 14.

²² Там же. Л. 20.

настроенные к нему и его программе. Премьер-министр занимал еще и пост министра внутренних дел. Реза-хан сохранил пост военного министра, Наср-уль-Моляк – министра финансов, Момтаз уль-Моляк – министра юстиции, Мохташам ос-Салтане – министра просвещения. Единственным членом Национального блока, получившим министерский пост, стал Зока уль-Моляк Форуги, который возглавил МИД.

Однако некоторые посты, в частности, министра общественных работ, министра почт и телеграфов, были оставлены вакантными. По мнению некоторых советских газет, это было сделано для того, «чтобы путем привлечения в кабинет наиболее приемлемых лидеров враждебных партий бывшего “большинства” ликвидировать или хотя бы ослабить оппозицию новому правительству»²³.

В первый же день новое правительство делает два важных шага по улучшению экономических отношений с СССР. Первый – дает указание иранскому послу в Москве Мошавер уль-Мамалеку и Тагизаде, возглавлявшему иранскую делегацию на прерванных по указанию Кавама ос-Салтане торговых переговорах, предпринять все необходимые меры по их возобновлению. Второй – приказывает таможенному управлению отменить заградительные тарифы для российских товаров, установленные в 1920 г. правительством Восуга уд-Доуле, и вернуть льготный тариф для них. Данный вопрос был крайне важен для двусторонней торговли, поскольку благополучие торговцев, ремесленников, помещиков и крестьян всего севера Ирана в большой степени зависело от этой торговли. Это определялось тем, что в условиях архаичности транспортной системы Ирана того времени для товаров, произведенных на севере страны, экономически возможным и рентабельным был только экспорт в Советскую Россию. Кроме торгового договора предполагалось заключение почтовой, телеграфной, консульской и других конвенций с РСФСР.

Во внутренней политике был взят курс на реформирование правовой системы – установление единого судопроизводства,

²³ Бакинский рабочий. 11.03.1923.

введение уголовного и гражданского кодексов. В сфере финансов – проведение налоговой реформы и наведение порядка в работе финансовых органов в провинциях и иранских таможен, чем руководила группа американских экспертов во главе с А. Мильспо, в т. ч. предполагалось ввести единый имущественный налог. В оборонной политике был взят курс на формирование армии на основе всеобщей воинской обязанности, а в качестве промежуточного этапа – на добровольческой основе. В соответствии с планами Национального блока правительство высказалось за ускоренное введение местного самоуправления в лице энджуменов, передачу в сферу их ответственности также и школьного обучения. Все эти вопросы имели большое значение в деле модернизации страны.

В конце января – начале февраля 1923 г., т. е. накануне падения правительства Кавама ос-Салтане и в первые недели нахождения у власти нового премьер-министра, произошло на первый взгляд совершенно незначительное в политическом плане событие. Разразился скандал, вызванный публикацией в газете «Гийам», редактором которой был Мусавизаде, друг и единомышленник литератора Фарроха – издателя гилянской газеты «Туфан»²⁴. В третьем номере от 23 января 1923 г. «Гийам» опубликовала статью бывшего издателя газеты «Иран-е Азад» Зия уль-Ваэзина с критикой Кавама ос-Салтане, содержащую претензии и к персоне Ахмед-шаха за то, что он не выполнял своих прямых обязанностей и не обращал внимания на действия правительства: «Каким бы ни был бесчестным, разгульным и корыстным шах, все-таки он должен считаться с народом. Среди своих развлечений и корыстолюбивых развлечений он все же должен принять меры к тому, чтобы власть не оставалась больше в руках человека, правление которого создает среди народа волнение и возмущение против монархии. <...> Не составляет ли большого несчастья для персидского народа то обстоятельство, что настоящий шах не проявляет никакого интереса к стране и государственным делам? <...> Шах только и думает о развлечениях и прогулках в Европу. <...> Едет в путе-

²⁴ Обе газеты придерживались крайне левого, если не левацкого, направления.

шествие чуть ли не тайком, чуть ли не инкогнито, а возвращается почему-то с торжеством и помпой»²⁵.

За публикацию этой статьи, оскорбительной для шаха, газета «Гийам» была закрыта, а на ее издателя Мусавизаде заведено уголовное дело, которое должен был разбирать только что впервые учрежденный в Иране суд присяжных. Фаррох старался придать этому делу особый резонанс. В своей газете в день начала процесса (4 февраля 1923 г.) он опубликовал заголовочную статью, в которой писал: «... сегодня в половине десятого утра в первый раз за 17 лет конституции будет проведен в жизнь п. 8 Основного закона, согласно которому все персы равны перед законом»²⁶. Далее он писал, что поскольку в статье газеты «Гийам» было усмотрено «оскорбление Величества», то его друг Мусавизаде будет судиться с самим шахом. Таким образом он пытался превратить рутинный процесс над редактором, обвиненным в «оскорблении Величества», в личную тяжбу. Фаррох даже поздравил шаха с тем, что тот согласился на этот суд.

Во время судебного заседания прокурор указал обвиняемому на то, что суд не является обычным гражданским судом, где вместе с повесткой ответчику предъявляется копия искового требования, что суд носит особый характер. Это делалось для того, чтобы дать понять, что шах как частное лицо не судится с журналистом, а с ним судится государство из-за нарушения закона о печати. После таких объяснений обвиняемый попросил 10 дней для ознакомления с материалами дела, и второе заседание было намечено на 13 февраля 1923 г.

Министерство юстиции 5 февраля 1923 г. выпустило опровержение публикации Фарроха: «В номере 36 газеты “Туфан” от 4.02 с. г. появилась статья под заголовком “Шах и Мусавизаде”, из содержания которой явствует, что автор, заблуждаясь, представляет себе, что в суде по делу Мусавизаде Его Величество является истцом. Для устранения этого недоразумения настоящим доводится до общего сведения, что при-

²⁵ АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 116. Д. 50759. Л. 39 с об.

²⁶ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 116. Д. 50758. Л. 25 об.

влечение г. Мусавизаде к суду никакого отношения к августейшей особе шаха не имеет. Редактор газеты “Гийам” привлечен к судебной ответственности за нарушение статей 31 и 34 Закона о печати по требованию прокурора, на обязанности которого лежит преследование преступлений против закона»²⁷.

О приведенных выше публикациях было доложено во дворец. Эта новость, хотя вся местная пресса и выступила с осуждением действий журналистов и в поддержку монарха, произвела на придворные круги, начиная с самого Ахмед-шаха, самое тяжелое впечатление. Шах очень нервничал в связи с тем, что серьезно считал, что ему придется идти в суд. Он впал в глубокую печаль и несколько дней не выходил из эндеруна (внутренние покои). Вызвал было к себе принца Фируза, слывшего в определенных кругах мастером на все руки и умнейшей головой государства, но в итоге не пожелал с ним встречаться. Среди царедворцев было распространено мнение, что публикации Фаррохи инспирированы Мостоуфи уль-Мамалек и советской миссией. В связи с этим полпредство вышло на контакт с шахом через посредника и дало ему знать, что никакого отношения к происшедшему не имеет и не связано с издателем Фаррохи, что ранее имевшиеся связи с ним при новом правительстве Мостоуфи уль-Мамалека не существуют, а сама миссия возмущена последними публикациями. В отчете в Москву Б.З. Шумяцкий писал: «На наши заверения шах, через того же посредника, ответил, что он нам верит и понимает, что никакой связи между нами и скверной газетной историей не имеется»²⁸.

Премьер-министр и националисты также приложили максимум усилий для ликвидации указанного инцидента и для того, чтобы второе заседание суда не состоялось. Мостоуфи уль-Мамалек лично посетил шаха и заверил его, что ему не придется идти в суд. Для этого Мусавизаде и Зийа ул-Ваэзину было предложено совершить путешествие на юг страны для участия в освещении подготовки к выборам в Меджлис и сказано,

²⁷ Там же. Л. 26.

²⁸ Там же. Л. 27.

что их работа будет очень полезна для национально ориентированных сил. Обоим журналистам вручили хорошие суммы денег на дорожные расходы, и 10 февраля 1923 г. они покинули Тегеран.

Рассмотренный частный эпизод, может, и не заслуживал бы столь пристального внимания, если бы не стал новым и очень опасным симптомом резкого падения авторитета монарха и всего царствовавшего дома, тем более что упреки в адрес шаха относительно его нежелания заниматься государственными делами и стремления путешествовать в Европе были справедливы. Никому из его предков или родственников не могла прийти в голову мысль прибыть в суд для тяжбы с журналистом. По-своему это происшествие свидетельствовало о нараставшем династическом кризисе в Иране, выход из которого пока не был ясно очерчен. Ситуация могла пойти по нескольким направлениям: попытка замены монарха на иного представителя династии Каджаров, смена династии или установление республиканского правления по примеру соседней Турции.

Вопрос транзита власти, хотя пока и неявно, начал вставать в политическую повестку дня страны. На то, по какому пути будет развиваться ситуация, из внешних акторов наибольшее влияние имела Великобритания, тем более что воздействие России после революции и гражданской войны существенно ослабло. В связи с этим целесообразно рассмотреть принципы работы англичан с местными общественно-политическими группами. Британия никогда не опиралась на одну социальную страту. Условно англичане в качестве своей политической базы имели три большие общности.

Первая – крупные политические деятели, представлявшие феодальную аристократию, в частности бахтиарская племенная знать (Сардар Асад, Самсам ос-Салтане и пр.), родовая феодально-помещичья знать (Сепахдар Тонекабуни и пр.), принцы династии Каджаров (Фарманфарма, Зелль ос-Солтан и пр.), чиновно-служилая знать (Восуг од-Доуле, Кавам ос-Салтане, Кавам уль-Мольк Ширази, принц Фируз и пр.). Последняя группа соединяла в себе как знатность рода, так и карьеру государственных чиновников.

Вторая группа состояла из чиновников средней руки, связанных с англичанами через общность материальной сферы и интересов в политике и культуре. К ней можно отнести таких чиновников, как Модир уль-Мольк, Насер уль-Мольк, его брат Фахим од-Доуле, Мирза Иса-хан (получил образование в Англии) и др. Эта группа имела своих представителей почти во всех сменявших друг друга кабинетах и примыкала к той или иной силе в соответствии с английскими и своими интересами в каждый данный момент. Как правило, ее представители не поднимались по карьерной лестнице выше заместителя министра. В современной терминологии этих людей можно назвать аппаратчиками среднего уровня и выше.

Третья группа состояла из интеллигенции, журналистов, местных свободолобцев из различных слоев и направлений, в т. ч. ремесленников, рабочих и мелких торговцев. В разное время к ней можно было отнести Тагизаде, Сеида Зия Табатабаи, Джахангир-хана Суре Эсрафил и пр. Как правило, ее представители считались молодыми политиками, которые и должны входить в «молодой кабинет».

Чаще всего политические столкновения происходили между представителями первой и второй групп. Но время от времени появлялись небольшие группировки или даже отдельные сильные личности, имевшие контакты с какой-либо из названных групп, не примыкая ни к одной из них. Наиболее яркими примерами были Реза-хан и в какой-то степени Кавам ос-Салтане.

Разумеется, англофильские действия указанных групп не следует трактовать прямолинейно, а ее членов считать находившимися на жаловании у англичан. У каждой из них имелись свои интересы, и порой они совершенно искренне поддерживали английскую политику, а то и выступали против нее. Британцы очень успешно и тонко использовали все эти элементы и любили в определенные моменты подбрасывать общественному мнению идею использовать для «спасения» Ирана «молодые силы» и «молодое правительство».

Данная мысль вытекала из одной традиции иранской политики, сложившейся еще в XIX в., которая состояла в том, что в составе правительств присутствовали одни и те же лица

на постах министров и премьер-министров. Иранский общественный деятель М. М. Каземи писал об этом: «Правительства постоянно менялись, состав их не выходил за пределы ограниченного числа людей, и в них всегда включались Мостоуфи уль-Мамалек, Мошир од-Доуле, Мотаммен уль-Мольтк, Момтаз од-Доуле, Момтаз уль-Мольтк и еще несколько человек, с той только разницей, что они назначались в разные министерства»²⁹.

Вот почему в обществе возник устойчивый запрос на т. н. «молодой кабинет», поскольку никто не верил, что старые политики смогут решительно улучшить положение в стране. Однако каждый раз, когда нужно было на практике осуществить эту идею, ничего не получалось, поскольку при обсуждении кандидатов в состав «молодого кабинета» оказывалось, что таких почти нет. К ним можно было отнести энергичного молодого Мосаддыка ос-Салтане, пользовавшегося большим авторитетом у националистов, Сеида Хасана Тагизаде – одного из крупных деятелей эпохи Конституционной революции 1905–1911 гг. и Хосейн-хана Элаи, в 1923 г. направленного в США в качестве иранского посла.

В 1921 г., когда авторитет Советской России в Иране поднялся достаточно высоко, англичане активизировали идею «молодого кабинета», организовав переворот третьего хута. В качестве политического вождя переворота, как отмечалось, был избран Сеид Зия Табатабаи как представитель молодых сил. При этом кандидатура принца Фируза (Носрет од-Доуле) была ими отвергнута, поскольку он принадлежал к каджарской знати, хотя в то время был совсем не старым человеком. На роль военного руководителя переворота поставили никому не известного в то время казачьего полковника Реза-хана Мирпянжа.

В связи с указанным Реза-хан, не являвшийся выходцем из семей традиционной иранской знати, воспринимался именно как один из людей, соответствующих критериям на пост министра «молодого кабинета». В дальнейшем его работа на посту военного министра в иранском общественном мнении снискала ему уважение и славу твердого государственного деятеля, бес-

²⁹ Каземи М. М. Рузгар ва андише. Техран, 1350. С. 74.

компромиссно бющегося за интересы страны, борющегося с сепаратистами всех оттенков и не привыкшего отступать.

В отечественной литературе и произведениях иранских авторов эпохи династии Пехлеви широко распространено мнение о том, что во время своего восхождения на политический Олимп он всегда прямо шел к намеченной цели. Однако такой подход сильно упрощает и примитивизирует его личность. В иранских, и не только, условиях такого рода персона могла бы быть хорошим государственным деятелем, исправно выполняя поставленные кем-то задачи. Но быть сильным политиком с такими качествами, как прямолинейность, неуступчивость, несклонность к компромиссам хотя бы в определенных обстоятельствах, невозможно. А Реза-хан, несмотря на свое невысокое происхождение и военную карьеру, которая, казалось бы, должна приучать к строгому следованию приказам, уставам, артикулам, все-таки был политиком, и политиком гибким, а при необходимости и тонким, способным и наступать, и отступать, а если надо, то и польстить. Вот только несколько примеров вышесказанному.

В 1922 г. у него были очень хорошие отношения с Кавамом ос-Салтане, исправно обеспечивавшим финансовые потребности армии. Даже в декабре 1922 г., когда положение премьер-министра еще казалось прочным, Реза-хан просил советского полпреда Б.З. Шумяцкого «помириться» с премьером якобы для того, чтобы потом легче свалить его³⁰. Но уже в начале января 1923 г., когда появились первые признаки возможной отставки правительства, военный министр «впал в некоторую меланхолию и даже на несколько дней заболел»³¹. Спустя еще несколько дней Реза-хан заявил «под строгим секретом», что «он и шах» решили, в конце концов, предоставить премьер-министру отдых, или же послать его куда-нибудь наместничествовать»³².

Имеются многочисленные свидетельства его не слишком лестных высказываний об Ахмед-шахе, но они относятся к завершающему этапу борьбы Сардар Сепеха с династией Каджаров или времени, когда он сам уже стал шахом. Однако в бытность

³⁰ АВП РФ. Ф. 04.1923. Оп. 18. П. 116. Д. 50759. Л. 22.

³¹ Там же.

³² Там же.

еще военным министром он не скупился на изъявление верноподданнических чувств. Так, в январе 1922 г. сделал «возлюбленному монарху» денежный подарок в размере 50 тыс. туманов. При этом совсем не из своих личных средств. Реза-хан использовал долг Торгового дома братьев Туманянц перед шахом, составлявший 50 тыс. туманов, и изъял у них земельную собственность, которую продал, а деньги подарил шаху³³. История умалчивает о том, дарил ли он их от своего имени или назвал источник их происхождения.

Тогда же, в январе 1922 г., он присвоил Ахмед-шаху чин капитана иранской армии, приказал сшить для монарха красивый мундир и организовал смотр войск, джигитовку, стрельбы. В завершение мероприятия войска тегеранского гарнизона парадным строем прошли перед шахом, облаченным в новенький мундир.

Последний персидский монарх Султан Ахмед-шах (в первом ряду в центре) из династии Каджаров и наследник престола Мохаммад Хасан Мирза в окружении придворных и членов правительства. Между ними – военный министр Реза-хан (в третьем ряду в центре).

Источник: Архив Международного института социальной истории Королевской академии искусств и наук Нидерландов

³³ Там же. Л. 22.

Также специфичным было отношение Реза-хана к Мостоуфи уль-Мамалеку. В 1922 г. – период прочного положения Кавама ос-Салтане – военный министр был скептичен по отношению к Мостоуфи уль-Мамалеку и даже называл его «охотником» и «сумасшедшим». Но когда шах после голосования в Меджлисе вызвал к себе нового кандидата в премьер-министры, «Реза проявил свою великодушную снисходительность к “охотнику” и “сумасшедшему” и, встретившись с ним у входа в шахские апартаменты, заявил ему, что он, Реза, “согласен” и со словами “пойдем вместе” проследовал с новым премьером к шаху»³⁴.

Как только кабинет Мостоуфи уль-Мамалека был сформирован в феврале 1923 г., сторонники Великобритании заговорили о том, что опять не получается «молодого кабинета», и начались неофициальные объединения т. н. «молодых сил», которыми стали нестарые по возрасту чиновники-англофилы из правительств Восуга од-Доуле, Сеида Зия и Кавама ос-Салтане. Из них был сформирован своего рода клуб активистов «молодых сил». Его возглавил заместитель министра иностранных дел Энтезам уль-Мольк. Усилению этой специфической иранской ситуации способствовали и действия Реза-хана. Пока шла борьба Национального блока за программу кабинета Мостоуфи уль-Мамалека, военный министр внешне не проявлял политической активности, но старался укрепиться в провинциях, усиливая там контроль военных, хотя военное положение официально было отменено. Вероятно, он исходил из того, что раньше были основания для установления военной диктатуры из-за волнений на окраинах и острой нехватки финансов. Однако, когда ситуация улучшилась и волнения в основном были подавлены, а армия исправно получала финансирование, Реза-хан решил двигаться к цели через установление диктата начальников военных округов на местах. Такие предположения можно сделать на основании того, что во многих провинциях подолгу не было губернаторов, например, в Азербайджане и Хорасане. Формально ими управляли заместители или временно исполняющие обя-

³⁴ Там же. Л. 23.

занности губернаторов, но фактически – командующие дивизиями, расквартированными там. В других провинциях, где губернаторы имелись, они чувствовали себя очень неуверенно, если только не являлись ставленниками военного министра.

На фоне подготовки выборов в Меджлис правительство Мостоуфи уль-Мамалека, проводившее политику, поддерживаемую Национальным блоком, подвергалось давлению со всех сторон: Реза-хана, Двора, английской миссии. К лету 1923 г. у него уже не было поддержки парламентского большинства, поскольку ряд групп вышел из Национального блока. Однако правительство отказывалось уходить в отставку до тех пор, пока данный вопрос не будет официально поставлен в Меджлисе. В преддверии выборов в Меджлис лидеры Национального блока считали целесообразным, чтобы в ходе парламентских дебатов проявилась суть некоторых объединений, выступавших в облиии националистов, но в действительности ими не являвшихся, в частности группы Тадайона, перешедшей в оппозицию.

Первая атака на правительство была предпринята 2 июня 1923 г. Она оказалась неудачной: когда депутат Давер начал свою гневную речь против кабинета министров, депутаты Национального блока покинули зал пленарных заседаний. Выступление продолжалось, несмотря на то что кворум уже отсутствовал. Тогда кто-то из депутатов послал председательствовавшему аятолле Модарресу записку, где указал, что без кворума настоящее собрание следует считать митингом, а значит, его нужно перенести в более подходящее место³⁵.

9 июня 1923 г. на заседании Меджлиса аятолла Модаррес подал официальный запрос с требованием об отставке правительства:

«Во имя Господа Милостивого и Милосердного
Председателю Национального Представительного Собрания.

Я, нижеподписавшийся, вношу интерпелляцию по поводу курса, принятого Правительством в иностранной политике.

21 шевала 1341 г. Модаррес»³⁶

³⁵ АВП РФ. Ф. 04.1923. Оп.18. П. 116. Д. 50757. Л. 16

³⁶ Там же. Л. 17.

На следующий день Зока уль-Мольт Форуги как министр иностранных дел заявил о готовности правительства ответить на запрос, но попросил Модарреса точнее сформулировать суть интерpellации, составленной неясно и неопределенно. На это аятолла Модаррес заявил, что не видит такой необходимости, поскольку «он будет интерpellировать не по поводу каких-либо отдельных фактов, а относительно общей линии поведения»³⁷.

Заседание, на котором решалась судьба кабинета, состоялось 11 июня 1923 г. Аятолла Модаррес выступил с пространной речью³⁸, но не привел никаких конкретных фактов и обвинений, заявив, что за премьер-министром «провинностей не числится, а имеются только оплошности»³⁹. Витиевато излагая длинную и непростую историю взаимоотношений Ирана с Англией и Россией, он не произносил при этом названия указанных стран. Говоря о России, оратор крайне негативно охарактеризовал советскую власть: «Должны мы зорко следить, чтобы наши интересы не пострадали, до тех пор, пока, дай-то Бог, эта революция сменится, наконец, каким-нибудь основным порядком. Естественно, что если в соседстве с кем-нибудь окажутся весьма неудобные порядки, что делать такому человеку? Обязанность такого человека денно и ночью следить за подобным соседом, чтобы, упаси Господи, не случилось от него какой-либо беды»⁴⁰. Имея в виду Англию, оратор заявил: «Первый сосед нам не так страшен, как второй. Южная полиция⁴¹ убралась самым дружеским образом. Лошадей своих частью продали, частью увезли. Ружья и патроны частью самым дружеским образом увезли, частью самым дружеским образом сожгли»⁴². Относительно премьер-министра он заявлял, что у него нет силы сопротивляться, а сложившееся положение

³⁷ Там же. Л. 17.

³⁸ Почти полный текст см. в АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп.18. П. 116. Д. 50757. Л. 17–21.

³⁹ АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп.18. П. 116. Д. 50757. Л. 18.

⁴⁰ Там же. Л. 20.

⁴¹ Имелись в виду части Южно-персидских стрелков, в годы Первой мировой войны созданные англичанами.

⁴² АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп.18. П. 116. Д. 50757. Л. 20.

невыносимо⁴³. Ближе к окончанию выступления аятолла Модаррес перешел к главному: «Я не считаю удобным, чтобы правительства находили себе особых друзей. <...> Я не люблю, чтобы какое-нибудь иностранное государство выражало особые симпатии к кому-либо из наших деятелей»⁴⁴.

Таким образом, не предъявив каких-либо конкретных упреков, не указывая на конкретные ошибки правительства, аятолла Модаррес обвинил Мостоуфи уль-Мамалека в хороших отношениях с советской стороной, с которой в это время усиленно шли переговоры по торговому соглашению, почтовой и телеграфной конвенциям, проводимые в Москве Тагизаде и Мошавер уль-Мамалеком.

От Национального блока аятолле Модарресу ответил Сулейман Мирза, заявивший, что обличитель сам сказал об отсутствии провинностей, а только об оплошностях премьер-министра, но оплошности имеются в работе любого правительства. Лидер социалистов отметил, что все ждали объяснений, но их не последовало, а говорилось лишь о невыносимом положении. Упрек в отсутствии силы сопротивления относится в большей степени к правительству Кавама ос-Салтане в период Лозаннской конференции. Также выступил и Форути, отметивший, что правительство настаивало на интерpellации, поскольку не видело за собой никакой конкретной вины, предательства интересов страны, и речь Модарреса, не представившего никаких доказательств и фактов, подтвердила это. По данной причине у правительства нет возможности защищаться. Министр иностранных дел относительно переговоров с СССР по торговому договору пояснил, что они затрудняются коренными отличиями в экономическом и социальном устройстве двух стран, из-за чего он очень сильно отличается от торговых договоров с другими государствами. Форути подчеркнул, что переговоры идут 12 месяцев, из которых только 4 месяца приходятся на период пребывания у власти нынешнего кабинета. За это время удалось согласовать

⁴³ Там же. Л. 19.

⁴⁴ Там же. Л. 20.

большинство разногласий, а оставшиеся трудности близки к разрешению⁴⁵.

После этого сам Мостоуфи уль-Мамалек выступил с речью, в которой заявил, что никогда не стремился к власти, а занимал посты только по поручению шаха, Меджлиса или иранского народа. Объясняя свое нежелание подать в отставку сразу после того, как оппозиция потребовала этого, он сказал: «Мое сопротивление, мое упорство вызваны теми самыми причинами, которые были изложены господином Зока уль-Мольком (Форуги – *прим. авт.*), и я чрезвычайно благодарен господам, сделавшим запрос таким образом, что все присутствующие смогли убедиться, что с моей стороны не последовало никакой провинности, никакого предательства по отношению к государству. Точно так же не признаю за собой и оплошностей, о которых говорил господин Модаррес. Не признаю и смело заявляю, что мой кабинет, выполняя свой долг, ни в чем не сплывал. Все, что я мог и все, что было возможно, – я сделал, или уже почти довел до конца (имеется в виду торговый договор с Советской Россией – *прим. авт.*). Сами заявления господина Модарреса отчетливо показывают, что в действительности никаких обоснованных возражений не имелось, но были лишь неприязненность и нерасположение. Ввиду этого я питаю живейшую благодарность за то, что при всем нерасположении ко мне ничего другого, кроме того, что сказано, заявлено не было. <...>

Теперь, когда вопрос выяснен, и когда правила, о которых говорил Зока уль-Мольк, выполнены – заявляю, что не настаиваю на своем пребывании у власти и ничуть больше к этому не стремлюсь, хотя интерпелляция и показала, что противники правительства были движимы нерасположением и неприязнью. Я хорошо знаю, что положение теперь таково, что подобные мне люди успеха в делах иметь не могут. Кроме того, в этом государстве, к несчастью и к прискорбью, люди, желающие заняться делом, должны и брать, и давать “аджил”⁴⁶. Я же

⁴⁵ Там же. Л. 21 об., 22.

⁴⁶ Аджиль – смесь из разных сортов орехов и изюма. Брать и давать аджил значит брать и давать взятки.

не беру и не даю, а к тому же и оставаться не желаю. Посему, период отсутствия Меджлиса, который, по мнению некоторых, является временем “резанья барашков”, я представляю тем, у кого имеется хороший аппетит. Мой же желудок испорчен и варит плохо. Поэтому я покидаю это место, отправляюсь к Его Величеству и, оберегая достоинство большинства палаты, прощаюсь и иду к шаху предложить свою отставку»⁴⁷.

После этого премьер-министр спустился с трибуны и в сопровождении министров покинул Меджлис. Единственным членом кабинета, не покинувшим парламент вместе с ним, был Реза-хан. Примечательность данной речи состояла в том, что Мостоуфи уль-Мамалек не побоялся сказать то, о чем все знали, но что не принято было произносить вслух. Он назвал многие вещи своими именами, вскрыл внутренние механизмы и нелицеприятную сторону иранской политики и парламентаризма. Обращает на себя внимание и второе идиоматическое выражение, использованное им. Периодом или сезоном забоя ягнят является весна, и считается, что в этот момент мясо барашка такое нежное, что отличный шашлык можно жарить из любой части тушки, даже не филейной. Срок действия Меджлиса истек через 11 дней после рассматриваемого заседания, а пока пройдут выборы и следующий парламент обретет законные полномочия, пройдет месяц или полтора. Этот период являлся самым благоприятным для политических дельцов, взяточников и представителей нечистоплотной бюрократии для сколачивания капиталов и обдельывания своих темных дел. Его-то Мостоуфи уль-Мамалек и называет порой забоя барашков.

Речь и уход главы кабинета министров были встречены бурным выражением эмоций зрителей галерки, выражающих как его поддержку, так и осуждение. Из здания Меджлиса волнение перекинулось на площадь, где в ожидании результатов заседания собралась большая толпа народа. Люди приветствовали Мостоуфи уль-Мамалека и не давали ему возможности направиться к шаху. В итоге он оказался вынужденным покинуть территорию парламентского комплекса через другие ворота.

⁴⁷ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 116. Д. 50757. Л. 22 об., 23.

Горячие головы призывали народ идти к шаху и сказать ему о своей любви к премьер-министру и поддержке правительства. В этот момент на площади Бахарестан появился батальон солдат, вызванный Реза-ханом, находившимся в Меджлисе. Войска перекрыли дорогу толпе, шедшей к шахскому дворцу в Фаррахабаде. Внезапно офицер, командовавший войсками, приказал солдатам атаковать безоружный народ, и они пошли в штыковую атаку, сопровождаемые конными и пешими полицейскими. Толпа была мгновенно рассеяна, и пострадавших с колотыми ранами стали отправлять в больницы и в полицейские участки.

После разгона демонстрации Меджлис возобновил работу. Выступали главным образом ренегаты, вышедшие из Национального блока, Хаэризаде и Тадайон. Смысл их речей сводился к критике правительства и как бы объяснял резкую перемену их собственной политической позиции. Более всех возмущался речью премьер-министра Кавам ос-Салтане, который небезосновательно принял на свой счет его слова про аджилъ и резанье барашков. Он даже выразил негодование по поводу непристойной речи Мостуфи уль-Мамалека и сказал, что такие слова задевают все находившиеся за последнее время у власти кабинеты, в т. ч. его собственные и правительство Мошира од-Доуле. При этом он выразил протест не только от себя, но и от имени последнего⁴⁸.

В конце заседания выступил принц Фируз, который неожиданно, поскольку был одним из тех, кто усиленно добивался отставки кабинета, потребовал, несмотря на уход правительства, провести голосование о доверии ему. Но председатель Меджлиса Мотаммен уль-Мольк сказал, что раз правительство само ушло в отставку, то в голосовании нет смысла.

После отставки кабинета министров встал вопрос о новом главе правительства. Неожиданно между Национальным блоком и его противниками возникло единодушие взглядов по персоне премьер-министра, и они остановили свой выбор на Мошире од-Доуле, хотя мотивы у каждой из сторон были разные. Англо-

⁴⁸ Там же. Л. 39.

филы понимали, что за какую-нибудь крайнюю по взглядам фигуру из своего лагеря они не наберут большинства голосов. Националисты, сторонники Национального блока, не имели авторитетной сильной кандидатуры, способной внушить доверие большинству парламентариев. В итоге указанная кандидатура прошла единогласно, и 14 июня 1923 г. шах подписал соответствующий указ.

Через два дня Мошир од-Доуле, совместивший пост премьер-министра и министра внутренних дел, представил свой кабинет в следующем составе: Реза-хан – военный министр, Мосаддык ос-Салтане – министр иностранных дел, Зока уль-Мольк Форуги – министр финансов, Хаким уль-Мольк – министр юстиции, Хаким од-Доуле – министр почт и телеграфа. Посты министров общественных работ, торговли и земледелия остались вакантными.

На последнем заседании Меджлиса четвертого созыва (22 июня 1923 г.) Мошир од-Доуле представил свою программу в самом сжатом виде. В области внешней политики провозглашалось равновесие и сохранение добрых отношений с дружественными державами с соблюдением принципа абсолютного нейтралитета. Во внутренней – ускорение выборов в Меджлис. Также правительство собиралось решать ряд экономических вопросов, особенно строго выполнять одобренный парламентом государственный бюджет.

Для целей настоящего исследования важно проанализировать действия Реза-хана в ходе рассматриваемого правительственного кризиса и избрания Мошира од-Доуле новым премьер-министром. Внешне военный министр старался занимать позицию невмешательства в политическую борьбу. С одной стороны, он время от времени делал благожелательные заявления в адрес Советской России, подчеркивал свое негативное отношение к англичанам и патриотизм. С другой – противники Мостоуфи уль-Мамалека (принц Фируз, Модаррес и Давер) незадолго до падения правительства стали нередко посещать его дом. А за несколько дней до рассмотренного выше заседания Меджлиса депутат Тадайон, считавшийся лидером парламентской группы сторонников Реза-хана, вме-

сте со своими соратниками перешел в оппозицию к Национальному блоку. Без согласования с военным министром это было невозможно.

Совсем непросто строились и отношения Сардар Сепеха с новым премьер-министром Моширом од-Доуле, кандидатура которого ему не нравилась. В связи с этим советское полпредство отмечало: «Носрет, Модаррес, Аштиани и Давер – одним словом все столпы оппозиции, вне зависимости от оттенков и разновидностей, выступали также в роли “миротворцев”, которые в момент падения кабинета Мостоуфи уговорили Резу согласиться на кандидатуру Мошира»⁴⁹. Сказавшись больным, Реза-хан не явился в Меджлис, когда происходило представление нового кабинета, равно как и на аналогичную церемонию к шаху. Более того, по каким-то причинам он посчитал себя несменяемым военным министром и верховным главнокомандующим. Те несколько дней, пока страна жила без правительства, он продолжал подписывать бумаги как военный министр, а не временно исполняющий обязанности. Считать же себя главнокомандующим Сардар Сепех вообще не имел права, поскольку согласно статье 50 Конституции верховным главнокомандующим иранской армии являлся шах. В связи с такими претензиями он был подвергнут резкой критике газетой «Сетаре-йе Иран» в номере от 15 июня 1923 г. По Тегерану поползли слухи о том, что Реза-хан хотел закрепить за собой какую-то постоянную должность и сделать свое пребывание на ней несменяемым. Но шах не согласился удовлетворить это требование.

Кроме того, незадолго перед отставкой Мостоуфи уль-Мамалека Реза-хан выступил на заседании правительства с критикой позиции премьер-министра относительно торгового договора с советской стороной, заявив, что «русским нельзя верить»⁵⁰. Однако в период ссоры с Моширом од-Доуле он делает вид, что уходит в отставку, и в это время направляет письмо советскому полпреду Б. З. Шумяцкому, начинающе-

⁴⁹ Там же. Л. 12.

⁵⁰ Там же. Л. 14 об.

еся словами «Дорогой друг», в котором пишет: «Ваше почтенное послание, извещающее о заключении Русско-Персидского торгового договора, получено мною с живейшей радостью»⁵¹. Далее указывает на наличие дружеских связей между двумя странами и просит не ассоциировать некоторые недружественные действия отдельных политиков в Иране со всем иранским народом, хотя, разумеется, имеет в виду лично себя: «Я, поистине, не могу удержаться от выражения чувств живейшей благодарности за то, что Вы не ставите существование этих отношений в зависимость от наличия определенного круга лиц. <...> Связи между народами не зависят от отдельных лиц. <...> Будучи крайне заинтересованным в утверждении такого политического курса, я был бы крайне опечален, если бы эта общая государственная политика ставилась бы в тесную зависимость от сношений с ограниченным кругом лиц»⁵². Таким образом, Реза-хан вел политическую игру, используя противоречия между своими противниками, к числу которых им относились династия Каджаров, шахский двор, духовенство с его влиянием в массах, наиболее авторитетные политические лидеры, Англия и Советская Россия.

В период, когда закончился срок действия Меджлиса четвертого созыва, а выборы в следующий еще не прошли и его состав не был сформирован, в Тегеране образовались два центра власти: шахский двор и даже не правительство, а кабинет военного министра. В первом сосредотачивалась законная с формальной точки зрения власть, во втором – реальная. И вес, и влияние второго были больше. Противникам Национального блока в гораздо большей степени, чем националистам, удалось приблизиться к обоим центрам власти и обрести определенное влияние на них. Слабость националистов объяснялась отсутствием существенных финансовых возможностей, рыхлостью состава их коалиции и закрытием Меджлиса, из-за чего они утратили свое главное преимущество – легальную парламентскую трибуну, создававшую им хорошую связь с обществом в столице и провинциях, связь с их потенциа-

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 15 с об.

ными избирателями. В связи с этим они в некотором роде оказались в изоляции.

Одним из направлений политической борьбы в Иране, как уже отмечалось выше, было настойчивое стремление Реза-хана стать постоянным и несменяемым военным министром и главнокомандующим иранской армии, независимым от номинального ее главы, каковым являлся шах. Он рассчитывал получить этот статус через особый указ (фирман) шаха, в котором разграничивались бы полномочия его и монарха. Однако такой документ так и не появился, хотя, как отмечало советское полпредство, «близкие ко двору люди рассказывали, что фирман, будто бы, действительно, составлялся и что 8 его различных проектов было заготовлено и затем <...> сложено в архив»⁵³. Такая ситуация, когда решение острой проблемы откладывалось на неопределенный срок, удовлетворяла Ахмед-шаха, старавшегося избегать решительных действий и как можно дольше сохранять собственное, хотя и кратковременное, комфортное состояние. Но она не удовлетворяла противоположную сторону.

Чтобы обострить политическую ситуацию, как обычно, была организована кампания в иранской прессе с целью поддержки Реза-хана. Кроме того, были организованы две инсценировки покушения – одна на военного министра, другая – на шаха. В первом случае был найден кавказец Гусейн Али Насер-е-Низам, являвшийся офицером амние (бывшая жандармерия – *прим. авт.*). Когда-то он был подданным Российской империи, но летом 1923 г. страстно захотел перейти в советское подданство и начал добиваться исполнения своего желания в консульстве СССР. Когда он, наконец, получил советское гражданство, то тут же оказался арестованным по обвинению в подготовке покушения на жизнь Сардар Сепеха и показал на допросе, что к преступлению его склоняли именно советские консульские работники. Как вскоре выяснилось, исполнителя нашел и подготовил провокацию некий Ага Мири Гамзаев, с которым сам Сардар Сепех был хорошо знаком⁵⁴. Это сделало очевидным всю нелепость данной задумки.

⁵³ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50760). Л. 19 об.

⁵⁴ Там же. Л. 20.

Покушение на шаха также было подготовлено несуразно. Дежурный казак нашел в одном из дворишков шахского дворцового комплекса бомбу, начиненную динамитом. В связи с чрезвычайностью происшедшего во дворец приезжают премьер-министр и военный министр. Последний лично совершает тщательный осмотр территории и для безопасности монарха направляет около 400 человек нести патрульно-караульную службу. Однако шах не испугался произошедшего, посчитав это инсценировкой. Правда, сторонники Реза-хана распустили слухи, что и это покушение каким-то образом связано с советской миссией.

Советское полпредство рассматривало все эти и иные действия Реза-хана как давление на шаха с целью вырвать у него желанный фирман и считало, что: «На почве этой борьбы проявилась и сила и слабость Резы. Сила – в упорстве, с которым он шел к этой цели, требуя от шаха фирмана. Слабость – в вере в чудодейственную силу этого фирмана, этой бумажки, а главное – в той нервности, которую он проявлял, оставляя мокрые концы своей неумной политической изобретательности»⁵⁵. Думается, что с данным утверждением полпредства нельзя согласиться в полной мере. Во всяком случае, Реза-хан явно не фетишизировал вопрос о фирмане, прекрасно понимая ему цену и то, что такой указ можно было бы и отменить. Но дело в том, что каждая, даже самая маленькая, уступка монарха поднимала авторитет военного министра, одновременно ухудшая позиции шаха, сокращая число лиц, готовых его поддерживать в потенциальном конфликте с крепнущим диктатором. Вне зависимости от того, понимал это Реза-хан или нет, каждый шаг назад ослаблял и без того некрепкий дух Ахмед-шаха, подрывал его и так достаточно слабую волю к сопротивлению.

Не только столица, но и провинции стали ареной борьбы за гегемонию, развернутую Сардар Сепяхом, который назначал там своих военных губернаторов, закрывал негодные газеты и наказывал их издателей. Правда, в некоторых газетах ино-

⁵⁵ Там же. Л.20.

гда публиковались критические статьи в его адрес. В частности, в июле 1923 г. газета «Экдам» (№ 136), сославшись на корреспондента турецкой газеты, обвинила Реза-хана в прислужничестве англичанам: «Англичане добыли себе могущественного, надменного и сильного агента, который избавил их от огромных расходов и бесконечных забот и тягостей. <...> Они добыли себе крепкий и надежный штык. <...> Они нашли для себя опьяненного и властного вождя <...> и посредством этой огромной силы могут теперь проводить в жизнь свои намерения, все свои замыслы, вмешиваясь почти во все дела»⁵⁶.

Следует отметить, что такие обвинения, брошенные в лицо военному министру именно в данный момент, не были случайностью, поскольку в июле 1923 г. разгорелся скандал с высылкой англичанами шиитских богословов из Ирака, вызвавший в Иране волну антианглийских митингов и демонстраций. События разворачивались следующим образом. 26 июня 1923 г. англичане окружили дом и школу в одном из иракских городков, уничтожили все находившиеся там книги и брошюры и ночью выгнали из дома богослова Халеси вместе с его двумя малолетними сыновьями. В ответ на это шиитские улемы, предположившие, что их ожидает такая же участь, направились в Кербелу для переговоров с властями. 29 июня 1923 г. отряд англичан прибыл в Кербелу и окружил гробницы имамов, захватил там всех улемов и, посадив их в автомобили, выслал в Иран. Правда, по английской версии богословы уехали сами, протестуя против высылки шейха Халеси. В результате Ирак покинули 9 богословов, из которых трое были великими аятоллами. Все они остановились в иранском городе Керманшах.

Во время данного кризиса Реза-хан внешне держался несколько отстраненно, а когда представитель аятолл прибыл в Тегеран, то «имел с ним продолжительную беседу, в которой старался убедить своего собеседника в том, что тегеранские социалисты и националисты покушаются на родину, религию и даже армию»⁵⁷. Вероятно, это в сочетании с тем, что давно обе-

⁵⁶ Там же. Л. 22.

⁵⁷ Там же. Л. 21.

щанный им поход на юг Ирана для усмирения местных шейхов и племенных вождей все время откладывался, и дало основание для столь резкой публикации, разумеется, со ссылкой на иностранную газету и иностранного журналиста.

Хотя в вопросе об издании фирмана шах стоял твердо, но кое в чем был вынужден уступить. Один из принцев – Носрет ос-Салтане – бывший наместник в провинции Фарс, пользовавшийся благорасположением шаха, решил, что именно его следует назначить верховным главнокомандующим иранской армии. Тем самым он становился конкурентом Реза-хана, который очень резко отреагировал на появление соперника, посчитал себя оскорбленным и начал манкировать своими обязанностями перед шахом и правительством, по местной традиции сказываясь больным. Что в действительности происходило за закрытыми дверями дворца, неизвестно, но 9 августа 1923 г. посланец шаха попросил советское полпредство срочно организовать проезд принца Носрет ос-Салтане через территорию СССР в Европу на лечение⁵⁸.

Разумеется, эта мелкая уступка не могла удовлетворить Сардар Сепеха, и он находит новую причину для конфронтации, которой становится предполагаемый отъезд наследника престола в Тавриз, где по традиции должен проживать наследник, выполняя обязанности правителя Азербайджанской провинции. Хотя данный вопрос обсуждался уже несколько месяцев, военный министр особого интереса к нему не проявлял. Даже когда в августе 1923 г. в газетах появились указы и распоряжения шаха и правительства об отъезде наследника и назначении в качестве пишкара (высокопоставленный чиновник, который будет руководить текущей работой – *прим. авт.*) некоего Насир од-Доуле, он никак не отреагировал на это. Более того, сам выделил из бюджета военного министерства 20 тыс. туманов на переезд указанных лиц в Тавриз.

Однако, когда все было готово к отъезду, население Тавриза внезапно выступило резко против приезда Насир од-Доуле на должность пишкара на том основании, что он

⁵⁸ АВР РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 124 (50761). Л. 11 об.

когда-то входил в правительство Восуга од-Доуле, заключившего ненавистное Англо-персидское соглашение 1919 г., превращавшее страну в английский протекторат. Одновременно народ якобы потребовал, чтобы должность пишкара занял любимый им военный губернатор провинции Азербайджан Исмаил-хан, естественно, являвшийся ставленником военного министра. Уступая желанию народа, Исмаил-хан великодушно согласился на это. Таким образом, стало ясно, что Реза-хан не желает отъезда наследника в Азербайджан, поскольку не хочет выпустить из-под своего контроля данную провинцию и готов согласиться на его переезд в Тавриз, только если его человек станет пишкаром при Мохаммед Хасан Мирзе и сохранит ее под контролем Сардар Сепеха.

Это показало реальную цену всем шахским указам и распоряжениям правительства. Когда к Реза-хану пришли посланцы Ахмед-шаха, чтобы урегулировать ситуацию, он сказал: «Да, я могу и не желать вообще этой поездки. Вообще-то меня не спрашивали, когда ее намечали. Сейчас она несвоевременна»⁵⁹. В итоге наследник в Тавриз не поехал. Таким образом, шах потерпел два поражения, которые ясно показали реальный расклад сил в Тегеране: с попыткой назначения Носрет ос-Салтане на должность главнокомандующего иранской армии и отправкой своего брата наместником в Азербайджан. В шахском дворце воцарились уныние и атмосфера безнадежности. Во время встречи с советским полпредом один из придворных сказал, что «дышать громко все стали бояться»⁶⁰ и опасались, как бы их не постигла участь принца Носрет ос-Салтане. Ахмед-шах стал вслух рассуждать о том, что неплохо было бы уехать за границу.

После двух рассмотренных инцидентов отношения между Двором и Реза-ханом практически прекратились. Он стал крайне редко посещать заседания правительства, а еженедельные заседания, проходившие в шахском дворце Сахейб Карайние, полностью игнорировал. По столице поползли слухи о подготовке военного переворота. Тревога усилилась после

⁵⁹ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50760). Л. 13.

⁶⁰ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 124 (50761). Л. 13.

того, как 10 сентября 1923 г. стало известно намерение военного министра уехать в Исфаган, поскольку данная поездка воспринималась как начало военного переворота. О степени тревоги и страха, вызванных данным известием, говорит то, что премьер-министр Мошир од-Доуле, видевший в этом какой-то опасный знак и подвох, обратился к Б. З. Шумяцкому с вопросом о причинах отъезда Реза-хана⁶¹. Своего посланца в советское полпредство направил и шах. Согласно отчету, направленному в НКВД, встреча состоялась 11 сентября 1923 г., и человек шаха «засыпал полпреда вопросами самого недоуменного свойства, очевидным образом свидетельствовавшими о том, что [шах] чуть ли не больше всех был уверен в том, что поездка “не к добру”»⁶². Разумеется, советская сторона информации о целях поездки военного министра не имела. Однако каким-то образом Реза-хана сумели убедить встретиться с шахом. О ходе их беседы он после возвращения в Тегеран сообщил следующее: «Я его успокоил <...> я ему дал понять, что бояться нечего, <...> что я еду по делам армии и военного министерства. Я обещал, что поездка моя больше восьми дней не продлится. Он успокоился...»⁶³

В действительности целью поездки было укрепление позиций центрального правительства на юге страны. Реза-хан провел ревизию состояния дел в Южной дивизии, уволил ее командира и назначил нового, уволил финансового пишкара исфаганской провинции за злоупотребления, но главное – провел встречу с могущественным правителем провинции Фарс Кавам-уль-Мольком Ширази, пользовавшимся поддержкой англичан и возглавлявшим племя Хамсе. Власть Кавама уль-Молька основывалась в т. ч. на том, что он имел собственную армию, набранную из воинов этого племени. Эти отряды охраняли его обширные владения, приносившие огромные доходы, притом что свою частную армию он содержал на налоги, которые собирал в подвластной ему провинции.

⁶¹ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 128 (50762). Л. 6.

⁶² Там же. Л. 6 об.

⁶³ Там же.

В ходе встречи Кавам уль-Мольк согласился передать главенство над племенем Хамсе своему двенадцатилетнему сыну, которого сделают офицером иранской армии и подчинят командиру Южной дивизии. То, что Кавам уль-Мольк, чей род более 100 лет бессменно и практически без ограничений заправлял всеми делами на юге Ирана, выполнил все требования Реза-хана, являлось большим успехом последнего в деле централизации страны и показало роль вооруженных сил центрального правительства, которые способны усмирять непокорных, не делая ни одного выстрела.

На фоне конфронтации с шахским двором Сардар Сепак начинает очередное сближение с националистами, и их лидеры – Сулейман Мирза, Мохаммед Садек Табатабаи и Мосавват – начинают посещать его дом. Несмотря на то, что в июне 1923 г. правительство Мостоуфи уль-Мамалека пало именно из-за того, что группа членов Национального блока под руководством Тадайона, ориентированная на желания Реза-хана, присоединилась к противникам кабинета министров, националисты опять стали пытаться договориться с военным министром о создании нового сильного правительства.

Сами националисты, идя на коалицию с военным министром, называли ее союзом физической и моральной силы. Они решили сознательно идти на это сближение, понимая свою слабость. Целью такого сближения было добиться участия в новом правительстве, хоть как-то влиять на нового премьер-министра, которым должен был стать Сардар Сепак, и ослабить влияние англичан на него, а также с его помощью увеличить свое представительство в будущем Меджлисе. Такие выводы можно сделать на основании главных договоренностей между ними и Реза-ханом⁶⁴.

В новом кабинете посты министров иностранных дел, внутренних дел, юстиции и почт и телеграфов занимают представители Национального блока.

Англофильские группировки ликвидируются, а их лидеры высылаются.

⁶⁴ Приводится по: АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 128 (50762). Л. 9 с об.

В Меджлис пятого созыва проводится 25–30 депутатов от Национального блока.

Укрепляются вооруженные силы на юге страны и проводится борьба с племенами, ориентированными на англичан.

Проводятся внутренние реформы.

В этот период (сентябрь 1923 г.) контакты с военным министром производили на националистов самое благоприятное впечатление, хотя в степени искренности своего партнера они имели основания сомневаться, по крайней мере, в его приверженности демократическим принципам и нормам, а также в связи с тем, что раньше они подвергались уничтожающей критике с его стороны.

Тем временем в стране разворачивалась кампания за создание т. н. «сильного кабинета». В какой-то степени это требование было вполне обоснованным, поскольку правительство Мошира од-Доуле почти все усилия направляло на выборы в Меджлис, а по основным насущным экономическим вопросам занимало позицию непредрешенчества, в т. ч. по заключению торгового договора с СССР, жизненно необходимого для улучшения положения в северных провинциях страны.

Во главе кампании стояла пресса, большая часть которой ориентировалась на Реза-хана⁶⁵. Такой газетой была «Иран», руководимая членом группы «Независимые демократы» Тадай-оном, который 3 сентября 1923 г. опубликовал статью «Кто виноват в нынешнем бедственном положении Персии», где резко критиковал правительство страны. Газета «Эттехад», возглавлявшаяся членом той же группы Саркешзаде, публиковала статьи о необходимости «кулака и закона», а в статье от 17 сентября 1923 г. открыла дискуссию на тему о диктатуре власти. Возглавлявшаяся лидером «Партии радикалов» Давером газета «Мард-е Азад» опубликовала его статью «Если бы я стал премьером», где давала рецепты улучшения положения в стране, намекая при этом на Реза-хана. Даже «Кушеш», ориентировавшаяся на Сеида Зия эд-Дина, присоединилась к требованиям создания сильного кабинета.

⁶⁵ Обзор прессы дается по: АВРП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 128 (50762). Л. 10 с об.

Газеты, руководимые «Радикальными демократами», ориентировались не только на военного министра, но и на англичан, поскольку в этой партии все лидеры и яркие фигуры были западниками и/или людьми, окончившими европейские университеты: Давер и Форухяр получили юридическое образование в Швейцарии, Садиге Алам окончил Кембриджский университет, Модир уль-Мольк, доктор Агаян и Адль уль-Мольк также являлись интеллектуалами-западниками. Состав «Независимых демократов» был гораздо более пестрым, но эта группа твердо связала себя с Сардар Сепяхом.

Однако и те, и другие, и националисты выступали за сильный кабинет, главой которого по умолчанию должен был стать Реза-хан. Каждая из политических сил возлагала на него определенные надежды и считала, что сможет влиять на него в нужном для себя направлении. Так же считали и англичане, сделавшие на него ставку. Они же уговаривали шаха покориться неизбежному и покинуть страну, чтобы Реза-хан смог установить диктатуру. Только националисты надеялись не на диктатора, своевольно решающего судьбу страны, а на сильный кабинет, состоящий из авторитетных национальных деятелей, возглавляемый Реза-ханом.

Следует отметить, что сам Сардар Сепях не сразу пришел к мысли о необходимости занять пост премьер-министра, поскольку видел, как непрочно положение главы кабинета, как его политическая судьба подвержена всевозможным кризисам, настроениям Меджлиса и иным влияниям. Иранский опыт тех лет показывал, что за год может смениться 2–3 главы правительства, и если бы он, имевший немало недоброжелателей, был отстранен с этого поста, то его политические перспективы были бы поставлены под вопрос. Однако развернутая кампания за сильный кабинет и поддержка данной идеи со стороны различных, порою полярных политических сил убедили Реза-хана в том, что пора занимать и эту должность.

Окончательно решение прийти к власти официально он принял в октябре 1923 г., о чем сообщил поверенному в делах Советского Союза в Иране Апресову во время беседы, состоявшейся в начале указанного месяца, и добавил, что собирается сде-

лать это через две недели, не дожидаясь начала работы Меджлиса⁶⁶. Понимая, что шах будет отчаянно сопротивляться его намерению, поскольку в случае его реализации фактически потеряет остатки своей власти, Реза-хан наносит новые удары по шаху, наследнику и традиционной аристократии. Первым из них стало раскрытие нового заговора против него.

Как отмечалось выше, во время сентябрьской поездки на юг Ирана военный министр за злоупотребления уволил финансового пищика Сардар Энтесара, который спокойно вернулся в свой дом в Тегеране. Но в ночь с 4 на 5 октября он был арестован. В городе поползли слухи о том, что он причастен к какому-то раскрытому заговору, по которому проходят аресты десятков офицеров, представителей высших сфер и бахтиарских ханов. В связи с этим газета «Шефаг-е Сорх» писала: «Говорят, что заговор против военного министра в последнее время приписали Сардар Энтесару и что поэтому его привлекли для допроса. Что касается подобного рода заговоров, то они нас чрезвычайно печалят, т. к. они ведут к уничтожению нашего государства»⁶⁷.

Кавам ос-Салтане был арестован 8 октября 1923 г., что стало сенсацией для общества. Правда, для самого Кавама ос-Салтане арест не стал неожиданностью. Пришедшему за ним офицеру он якобы очень спокойно сказал: «Я не иголка и в Тегеране затеряться не могу. Если военному министру нужно вызвать меня для допроса и арестовать, то он мог бы попросту вызвать меня по телефону, и я сам явился бы к нему»⁶⁸. После ареста в его доме был произведен тщательный обыск. Также было арестовано несколько бывших жандармских офицеров, но других громких арестов не последовало. Арест Кавама ос-Салтане по обвинению в заговоре против военного министра был встречен в обществе очень сдержанно, т. к. даже люди, не находившиеся в дружеских отношениях с арестованным, не верили в это, считая его слишком хитрым и умным, чтобы так себя скомпрометировать.

⁶⁶ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 5 об.

⁶⁷ Там же. Л. 18.

⁶⁸ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 18.

Пресса выражала разные точки зрения на событие. Большая ее часть осуждала Кавама ос-Салтане, однако несколько газет ставили под сомнение реальность заговора и указывали, что арест произведен с нарушением закона, что Реза-хан, удерживая арестованного в здании Военного министерства, вопреки всем нормам одновременно выступает и как истец, и как судья. Также пресса требовала открытого следствия, суда и публикации материалов процесса. Поскольку в деле о заговоре Кавам ос-Салтане не был самой главной целью, то стали распространяться слухи о том, что нити его тянутся гораздо выше, а именно – во дворец к наследнику престола Мохаммед Хасан Мирзе.

На странности указанного заговора указывает несколько обстоятельств. Прежде всего, было хорошо известно, что Сардар Энтесар и Кавам ос-Салтане были в очень плохих отношениях для того, чтобы доверять друг другу в таком опасном деле, как заговор. Кроме того, вызывало вопросы и постоянное изменение трактовок того, кто был руководителем заговора, дававшихся самим Реза-ханом. Первоначально он говорил, что Кавам ос-Салтане – только орудие в руках других людей более высокого положения, что он работал вместе с Кавамом ос-Салтане и они хорошо понимали друг друга и что во всем виноваты шахские сферы. Потом он стал утверждать, что Сардар Энтесар совершенно не виноват, его подбил Кавам ос-Салтане, который и сам не очень виноват, а заговор задуман наследником. Скоро Кавама ос-Салтане допросят, и тогда все выяснится. На третьем этапе трактовки заговора и определения его организаторов Сардар Сепак заявлял, что наследник совсем не виноват, все затеяно Кавамом ос-Салтане, который оказался настоящим «педар сухте»⁶⁹. Однако во дворце якобы боялись скандала и уговорили военного министра отпустить арестованного, а он проявил великодушие и отпустил главного заговорщика⁷⁰.

Все приведенные объяснения не внушают доверия, а лишь укрепляют подозрения в том, что данный заговор был мисти-

⁶⁹ Песар-е педар-е сухте, или сокращенно педар сухте – цензурное бранное выражение, буквально означающее «сын сожженного отца». Имеет широкий спектр значений: вран, жулик, ненадежный, лукавый человек и пр.

⁷⁰ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 19 об., 20.

фикацией, направленной на запугивание шаха с целью вырвать у него согласие на занятие Реза-ханом поста премьер-министра. Вероятно, принципиальное согласие было дано в ходе встречи Ахмед-шаха и Сардар Сепеха 18 октября 1923 г., поскольку именно в этот день в судьбе арестованного происходят большие перемены. Его переводят из здания Военного министерства в Таджриш (район на севере Тегерана) на летнюю дачу, которую он занимал и в прошлые годы, а для надзора за ним оставляют несколько офицеров. Также к нему допускают кого-то из его приближенных⁷¹. Таким образом, арест превращается в содержание на дому под надзором, или домашний арест. В ходе дальнейших переговоров принимается решение отпустить Кавама ос-Салтане за границу в обмен на занятие Реза-ханом должности премьер-министра.

Иранские газеты 22 октября 1923 г. публикуют следующую информацию:

«Протокол Совета Министров

Супруга г. Кавама ос-Салтане повергла к священным стопам Его Величества прошение, в котором просит Его Величество соизволить повелеть отправить г. Кавама ос-Салтане по его расстроенному здоровью в Европу. Его Августейшее Величество соизволили повелеть г. Военному Министру эту просьбу супруги г. Кавама ос-Салтане привести в исполнение. С настоянием по этому же вопросу обратились к Военному Министру и на заседании Совета Министров 18.10.1923 г., и Военный Министр этому августейшему повелению подчинился, и г. Военный Министр от своего права продолжать дело дальше отказывается.

Подпись: Мошир од-Доуле»⁷².

Далее газеты опубликовали заявление самого Реза-хана, в котором он говорил, что поскольку этот вопрос касается лично его, то он в силу высочайшего повеления и просьбы правительства отказывается от дальнейшего ведения дела и наказания Кавама ос-Салтане. Но чтобы в отношении его самого не было подозрений в лицемерии, дает распоряжение опубликовать

⁷¹ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 20.

⁷² Там же. Л. 20 об.

полное досье по данному делу⁷³. В результате 24 октября 1923 г. Кавам ос-Салтане покинул Тегеран и уехал в Европу, предварительно посетив святыне в Кербеле и Неджефе. По Тегерану ходили слухи, что за свое освобождение он заплатил военному министру 100 тыс. туманов, но доказательств этому, разумеется, не имелось.

Примечательным является то, что обнаружение приведенных выше документов произошло именно в тот день, когда была окончательно решена участь правительства Мошира од-Доуле. Тем самым Реза-хан одновременно решал несколько взаимосвязанных задач: убирал старое правительство, удалял из страны единственного человека, который мог стать его конкурентом в борьбе за пост премьер-министра и вырывал у шаха согласие на занятие этого поста.

Что касается опубликования досье по этому делу, то ничего вразумительного обнаружено не было. Газета «Иран» в № 1466 от 22 октября 1923 г. начала публикацию указанных материалов. Суть их сводилась к тому, что некая шайка воров и грабителей вошла в контакт с Атаулла-ханом, братом известного иранского революционера, участника Гилянской революции Эхсанулла-хана, после подавления которой в 1921 г. эмигрировавшего в Россию. Атаулла-хан пытался превратить разбойников в революционеров и на собраниях говорил, что его брат Эхсанулла-хан в России встречался с В.И. Лениным и обещал ему набрать молодых иранцев и совершить революцию. С помощью этих людей Атаулла-хан дважды пытался организовать покушение на Реза-хана. Первый раз это хотели сделать в здании Меджлиса, куда проникло несколько боевиков, но им помешала полиция. В другой раз убийца, переодетый в женщину, пришел в дом военного министра, но был задержан караулом, а Сардар Сепех великодушно приказал отпустить его⁷⁴.

Такого рода абсурдное досье является дополнительным аргументом в пользу отсутствия реального заговора, который связывается с Советской Россией, а произведенные аресты

⁷³ Там же. Л. 20 об. – 21.

⁷⁴ Там же. Л. 21 с об.

и обвинения выглядят совершенно необоснованными. Авторы данной версии к тому же имели не самое богатое воображение и первую попытку покушения просто скопировали с реального убийства конституционалистами из группы Хейдар-хана Амуоглы Таривердиева в августе 1907 г. премьер-министра Ирана Атабека Азама, которое произошло в здании Меджлиса.

Во время, когда разворачивалась история с заговором, Резахан неожиданно отдал приказ ввести войска в Кередж, расположенный в нескольких десятках километров от Тегерана. Учитывая уже несколько месяцев циркулировавшие слухи о грядущем военном перевороте, данное событие вызвало страх и отчаяние в дворцовых сферах. В ночь на 8 октября 1923 г. начали говорить, что переворот уже произошел и кабинет Мошира од-Доуле пал, а здание казначейства захвачено военными. Однако военный министр в свойственной ему манере неожиданно заявил, что войска переброшены к столице для проведения маневров. Это также помогло склонить шаха к выполнению требований Сардар Сеха, но кроме того, оказывало влияние на монарха, подталкивая его к отъезду из страны. Советское полпредство докладывало в НКВД по данному вопросу следующее: «По свидетельству лиц, его в эти дни видевших, шах находится в состоянии настоящей паники и крайнего возбуждения, созданного, с одной стороны, желанием как можно скорей вырваться за границу, а с другой – страхом, что вдруг Резада и не захочет его выпустить. Этот последний страх был, впрочем, совсем не основательным. Для вида он, конечно, поломался и сделал даже несколько попыток “уговорить” шаха остаться, но на самом деле отъезд “царя царей” самым лучшим образом совпадал с его планами и замыслами»⁷⁵.

Как отмечалось, в это время в прессе продолжалась кампания за сильный кабинет. В ней принимал участие и один из лучших журналистов, поэтов и впоследствии автор произведений по истории Ирана М. Т. Бахар, получивший за свой поэтический дар титул Малек ош-Шоара (король поэтов). В своей статье в газете «Иран», опубликованной в октябре 1923 г., он

⁷⁵ Там же. Л. 6 об.

проводил следующие идеи. Новая молодая крепкая власть для Ирана жизненно необходима. Она должна быть организована в полном соответствии с историческими традициями и духом страны. В эти традиции плохо укладываются бестолково и хаотично применяемые принципы конституции, списанной с франко-бельгийских образцов, а Иран всегда был сильным, когда у власти появлялся мощный полновластный национальный герой⁷⁶.

Газета «Канун» в № 6 от 1 октября 1923 г. писала, что страну может спасти только диктатура. Указывая при этом на примеры Наполеона, Ленина и Муссолини, она отмечала: «Нам нужно правительство кулака и законности, которое твердо и неуклонно шло бы к намеченной цели, не давая отвлекать себя в сторону никаким влияниям, никаким горлопанам»⁷⁷. Таким образом, к моменту падения правительства Мошира од-Доуле обработка общественного мнения прессой уже завершилась и имя Сардар Сеха было у всех на устах. Его приход к власти не вызывал сомнений и был неизбежен.

Ситуация с правительством Мошира од-Доуле, пришедшего к власти в конце июня 1923 г. в четвертый раз, выглядела следующим образом. Оно, как всегда, носило временный, переходный характер, что определялось соотношением политических сил в стране и стремлением военного министра возглавить кабинет. Мошир од-Доуле являлся неким благообразным промежуточным элементом между националистическим правительством Мостоуфи уль-Мамалека и каким-то новым, более долгосрочным правительством, которое должно быть правее и в значительной степени опираться на Великобританию. Лидеры Национального блока, разумеется, понимали это, но альтернативного варианта у них не было, тем более что в то время уже наметилась тенденция сближения Реза-хана с англичанами.

С приходом к власти Мошира од-Доуле всегда случалось так, что его призывали в ответственные моменты, когда назначить было некого и было нужно на короткое время выдвинуть

⁷⁶ Там же. Л. 7.

⁷⁷ Там же. Л. 7 об.

фигуру, удовлетворяющую всех. Так случилось в 1915 г., когда рухнуло правительство Мостоуфи уль-Мамалека, не удовлетворявшее ни Англию, ни Россию из-за взятого курса на сближение со странами Германского блока, и в 1922 г. вследствие наметившегося отъезда шаха в Европу. На этот раз его призывали из-за окончания сессии Меджлиса и очевидности того, что быстро выборы провести не удастся. Как и в прошлом, его кабинет пользовался формальной поддержкой англофилов, но серьезно бороться за устойчивость правительства они не собирались. Одновременно и националисты все еще надеялись по итогам выборов в Меджлис вернуть себе пост главы кабинета и рассматривали Мошира од-Доуле как временную фигуру, с которой нецелесообразно надолго связывать свою судьбу. Таким образом, новый-старый премьер находился между двумя политическими центрами, не примыкая ни к одному из них.

Правда, был момент, когда он мог стать символом сотрудничества всех политических сил в связи с принудительной высылкой англичанами большой группы шиитских религиозных деятелей из Месопотамии в Иран, поскольку их деятельность создавала трудности английскому господству в Ираке. Этот шаг возмутил представителей всего иранского политического спектра и создал основу для их сплочения вокруг правительства. В такой обстановке Мошир од-Доуле, только что единогласно утвержденный Меджлисом четвертого созыва, мог стать объединяющим символом страны. Однако этого не произошло во многом из-за позиции англофилов. Дело в том, что премьер-министр выразил англичанам решительный протест в связи с их действиями и призвал вернуть моджтахидов в Неджеф и Кербелу. Тем самым он как бы выступил в роли защитника ислама и всего шиитского мира.

Однако аятолла Модаррес, до этого называвший его «незаменимым и единственным деятелем» для периода, когда в стране отсутствует парламент, неожиданно подверг его резкой критике и бросил упрек в том, что в переговоры по вопросу о возвращении богословов он «вступил с какими-то насильниками англичанами, а не с Эмир Фейсалом и его

правительством»⁷⁸. Этим выступлением Модаррес, с одной стороны, критиковал англичан, выставяя их угнетателями ислама и мусульман, а с другой – критиковал премьер-министра за его косвенное признание права англичан на протекторат над Ираком. Таким образом, шанс на объединение вокруг фигуры Мошира од-Доуле был упущен или даже сознательно уничтожен.

Интриговал против премьера и Реза-хан, который через своих людей организовывал резкие публикации в некоторых газетах, а потом, когда правительство закрывало их, опять-таки через своих агентов инспирировал нападки на него как на душителя свободы и демократии. Также его критиковали и англо-филы в лице Кавама ос-Салтане и Носрета од-Доуле. Последний добивался своего назначения на должность министра внутренних дел. Общая шаткость положения премьер-министра привела к тому, что уже в конце июля 1923 г. стали ходить слухи о его отставке. На фоне всех событий интересную позицию занимал военный министр. Он как бы стоял вне правительства, а информация о его созидательной для страны деятельности расходилась по всем ее уголкам.

Само правительство ничего не делало. Его бездействию находились очень хорошие объяснения. Во-первых, кабинет, созданный к моменту роспуска Меджлиса, якобы имел своей главной задачей благополучно довести страну до создания парламента следующего созыва. Кроме того, в обществе постоянно говорилось, что в конституционной стране все сколько-нибудь важные действия правительства должны получать одобрение парламентариев, а пока их нет, это невозможно, в отсутствии парламента правительство бессильно и пр. Между тем выборы затягивались под самыми разными предлогами: траурные дни, возмущение народа высылкой муджтахидов из Ирака и, конечно, интриги с выборами в провинциях, во многом инспирированные Реза-ханом.

К осени кабинет полностью утратил поддержку националистов, поскольку сам премьер-министр избегал контак-

⁷⁸ АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50760). Л. 17 об.

тов с ними. Группы Кавама ос-Салтане и аятоллы Модарреса не являлись его сторонниками, а скорее вели свои собственные линии. На таком фоне Реза-хан, вначале державшийся достаточно благожелательно, стал своим видом показывать, что лишь терпит правительство до тех пор, пока ему не понадобится сменить его. Лучше всех к кабинету относился Ахмед-шах, и его поддержка была единственной реальной опорой Мошира од-Доуле. От монарха зависела легитимность существования правительства в условиях отсутствия Меджлиса. Однако шах был почти так же слаб, как и его правительство, положению которого не благоприятствовала и экономическая ситуация в стране. Экономический диктатор А. Мильспо поехал в США хлопотать о выделении Ирану займа, но результат его поездки был неясен. Англичане требовали возмещения убытков строительства железных дорог, которое они даже не начинали. Американские советники из группы А. Мильспо урезали расходы правительства, пользуясь предоставленными им полномочиями. Проблемы в советско-иранских отношениях также не решались, в т. ч. из-за отсутствия Меджлиса. В действительности главные усилия и энергия главы кабинета направлялись на проведение и ускорение выборов, и не его виной было то, что существенно ускорить этот процесс не удавалось.

Реальной поддержкой существования кабинета являлось одобрение со стороны Реза-хана, но в начале октября 1923 г. стало ясно, что данной поддержки он лишается, поскольку сам военный министр хочет стать главой кабинета. В связи со сложившимся положением Мошир од-Доуле, страстно стремившийся во всем соблюдать законность и процедуру, добивается аудиенции у монарха, 7 октября 1923 г. в беседе с ним рассказывает о трудностях положения правительства и заявляет, что готов в любое время положить прошение об отставке и передать власть Реза-хану. Однако поскольку он был единогласно избран Меджлисом, то не чувствует себя вправе уйти в отставку по собственной инициативе. Поэтому он ожидает такого решения от шаха, который при отсутствующем Меджлисе является единственным законным субъектом права, способным отпра-

вить правительство в отставку. Такое предложение вызвало панику в душе Ахмед-шаха, менее всего на свете хотевшего назначения Сардар Сепеха на должность премьер-министра. Он заверил просителя в своей полной поддержке и попросил продолжить работу.

В итоге Мошир од-Доуле в отставку не подал. Но интриги Реза-хана продолжались: его люди усилили кампанию в стране за сильную власть и делали прозрачные намеки на его намерение самому взять власть в свои руки. Для ускорения отставки кабинета людьми Реза-хана 20 октября 1923 г. перед зданием Меджлиса в Тегеране был организован митинг. Формально его организаторами были самые различные силы, среди которых имелось немало сторонников Сеида Зия эд-Дина. Основной темой выступлений были обвинения кабинета в бездеятельности, необходимость сильной власти и появление Сардар Сепеха во главе правительства.

Как отмечалось, под предлогом участия в заговоре был арестован Кавам ос-Салтане, на наследника престола сыпались обвинения в участии в этом заговоре, стала распространяться информация о намерении шаха покинуть страну и пр. Такой ход событий делает пребывание Мошира од-Доуле у власти невозможным. В отчаянной попытке преградить путь военному министру он пытается убедить шаха отказаться от мысли покинуть Иран и привлечь к сотрудничеству националистов, но это уже ни к чему не могло привести. По всей стране идут митинги и демонстрации сторонников Реза-хана за отставку правительства и назначение его премьер-министром.

В такой обстановке 22 октября 1923 г. он идет к шаху и подает прошение об отставке. В отчаянии Ахмед-шах ее не принимает, и Мошир од-Доуле как сторонник процедуры обещает своему государю вернуться в правительство и еще раз обсудить с членами кабинета данное решение. На совещании поздно ночью кабинет единогласно голосует за отставку. Однако и на этот раз шах упорно отказывается ее принять. На следующее утро шах по телефону пытается вызвать к себе Мошира од-Доуле, но того нет ни в здании правительства, ни у себя дома. Министры также на службу не вышли, и Ахмед-

шаху остается лишь принять происшедшее, смирившись с неизбежным.

В указанных событиях, полных драматизма, проявился ряд черт Ахмед-шаха, которого, конечно, нельзя назвать сильным государем, способным провести свою страну сквозь столь бурный период ее истории. Но он демонстрирует ясное понимание сложившейся ситуации, и именно из этого проистекала его отчаянная борьба за правительство Мошира од-Доуле, которое одной тонкой нитью отделяло Реза-хана от поста премьер-министра. Неслучайно другой сильный игрок, Кавам ос-Салтане, который только и мог попытаться остановить военного министра, был заблаговременно скомпрометирован Сардар Сепакхон и уже готовился покинуть Иран.

Ахмед-шах, как и любой смертный, не мог знать будущего, но, очевидно, чувствовал, что приход в премьерское кресло человека, одного взгляда которого он боялся, будет означать начало конца его царствования, а может быть и существования Каджаров как царствующего дома. Два бессильных, отчаявшихся человека, Мошир од-Доуле и Солтан Ахмед-шах, пытались помочь друг другу противостоять диктаторским устремлениям Реза-хана. Один боролся за дело сохранения демократических устоев конституционного Ирана, другой – за собственный престол и даже жизнь и свободу, но оба потерпели неудачу.

После ухода кабинета Мошира од-Доуле и до 28 октября 1923 г., когда был обнародован указ о назначении премьер-министром Сардар Сепакхона, шли переговоры по персональному составу нового правительства, которое должно было быть коалиционным. В совещании по данному вопросу от Национального блока участвовали Сулейман Мирза и Мохаммед Садек Табатабаи, от Независимой демократической партии – Тадайон, Рахнема и Адль уль-Мольк, от Военной группы – Ходаяр-хан, Дабире Э'зам и Яхья ос-Салтане. В результате было решено, что правительство должно формироваться на основании равного представительства: по 2 человека от каждой группы и 1 независимый от группы сторонников Сеида Зия эд-Дина. Участники совещания наметили кандидатов на министерские посты

и отправили списки премьер-министру с неосторожной припиской о том, что это решение окончательное. Разумеется, Реза-хан такое принять не мог, поскольку считал, что только он сам имеет право принимать окончательные решения.

Новое совещание под руководством самого премьер-министра состоялось 29 октября 1923 г. Присутствовали Сулейман Мирза, Мохаммед Садек Табатабаи, Рахнема, Ходаяр-хан и Мирза Керим-хан. В свойственной ему «лицедейской» манере Сардар Сепак спросил, имеются ли у присутствующих конкретные предложения по составу кабинета, на что они, зная его резко отрицательную реакцию на «окончательное решение», ответили отрицательно. Тогда Реза-хан выразил недовольство и стал настаивать на том, чтобы они не уклонялись от ответов и потрудились ради составления работоспособного кабинета. Националисты попросили дать им право лишь отводить нежелательных на их взгляд кандидатов, но самим имен не предлагать. После этого началось обсуждение кандидатур. Примечательно, что при обсуждении кандидата на пост министра иностранных дел Сулейман Мирза и Мохаммед Садек Табатабаи отвергли кандидатуру Мосаддека ос-Салтане. В тот же день Реза-хан представил шаху новое правительство, которое по итогам совещания выглядело следующим образом:

Сардар Сепак – премьер-министр и военный министр;
Зока уль-Мольк Форути – министр иностранных дел;
Модир уль-Мольк – министр финансов;
Моаззад ос-Салтане – министр юстиции;
Сулейман Мирза* – министр просвещения;
Хаджи Эзз уль-Мамалек – министр общественных работ;
Ходаяр-хан* – министр почт и телеграфов;
Мирза Касем-хан «Суре Эсрафил» – врио министра внутренних дел;
Адль уль-Мольк* – заместитель премьер-министра⁷⁹.

⁷⁹ АВР РФ ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 13 об.

* Лица, рекомендованные совещанием от 28.10.1928 г. в рамках представленного Реза-хану «окончательного решения».

С точки зрения партийной принадлежности кабинет по формальному признаку действительно был коалиционным, но с учетом иранской специфики партийного строительства и склонности большинства политиков буржуазного толка перетекать из одной структуры в другую, менять свои убеждения и пр. говорить о реальных политических убеждениях его членов затруднительно. Единственным исключением из них являлся Сулейман Мирза – человек со стойкими левыми национально ориентированными взглядами, социалист, впоследствии (1941 г.) ставший одним из основателей Народной партии Ирана (Туде), являвшейся по своей сути коммунистической партией послевоенного Ирана. С учетом данного обстоятельства политическая судьба каждого из них и длительность пребывания на министерских постах зависела как от эффективности работы, так и от их лояльности премьер-министру.

Состав нового правительства был обнародован 30 октября 1923 г. в газетах, так же как и декларация нового главы кабинета:

«Все помнят, что представляла собой три года назад наша армия, в каком положении тогда находилось наше государство и до какой степени бессильно и немошно было наше центральное правительство. Все видят также, что получилось теперь – в результате моей трехлетней неустанной работы и моих стремлений к развитию вооруженных сил страны. <...>

До сего времени я продолжал оставаться на поприще военных реформ и не решался выступить на более серьезную арену общественной деятельности лишь по той причине, что находил необходимым в первую очередь восстановить повсеместно в Персии спокойствие и безопасность, покончить с остатками буйства и произвола и подчинить влиянию центральной власти даже самые отдаленные окраины страны.

Исходя из этого принципа, я в течение трех лет непоколебимо и неустанно преследовал эту основную задачу, подготавливая почву для дальнейшей работы. В конце концов, благодарение Богу, основы центральной власти были восстановлены полностью, мятежи и беспорядки повсеместно прекратились, и теперь стало необходимо совершить на пути к прогрессу второй шаг.

Ввиду этого, я, несмотря на массу работы по военной отрасли, по воле божьей, иду навстречу милостям Его Величества и чувствам моих соотечественников и с твердой волей собираюсь еще раз выдержать испытание на самоотверженной службе народу.

Несомненно, всем известно: успех дела зависит от воли, а воля подчиняется идее. При искреннем желании и настоящей работе идею можно осуществить. Я никогда не был любителем красивых, но лживых фраз и не любил пустых слов. Поэтому не буду и сейчас, излагая свою программу, украшать ее по статьям и пунктам разными звонкими словами и фразами. Эти слова и фразы причинили уже достаточно горя нашей родине, создавая лишь расколы. Они пригодны только для демагогии. Обещаю поэтому моим соотечественникам, что программу свою я ограничиваю следующими двумя пунктами:

1. Охрана прав государства
2. Исполнение закона.

В заключение от глубины души желаю, чтобы искренние упования мои – охранять основы конституции, ускорять открытие Меджлиса и получить содействие представителей народа к выполнению указанных пунктов – воплотились в жизнь. Опираясь на милость божью, надеюсь, что все мои дорогие соотечественники в свою очередь от души поддержат меня в исполнении этой цели.

Премьер-министр и главнокомандующий Реза»⁸⁰.

Из приведенного манифеста видно, что Сардар Сепех объяснял всем, даже самым непонятливым скептикам, как много он сделал для страны, выступая в роли ее фактического спасителя, что он как бы и не очень хотел занимать новый пост, но другого выхода для укрепления и благоустройства отечества нет. Да и монарх требует от него именно этого. Его появление на высшем государственном посту было так тщательно подготовлено, общественное мнение должным образом сформировано, а крутой нрав военного министра так хорошо известен, что пресса встретила происшедшее с единодушным восторгом.

⁸⁰ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 16 об., 17.

Когда очередная цель Реза-хана была достигнута, на повестку дня встал вопрос о следующем важном этапе – выдворении шаха из страны. Слухи об отъезде Ахмед-шаха начали циркулировать сразу после ареста Кавама ос-Салтане, хотя и раньше, после вынужденной высылки принца Носрет ос-Салтане и сорвавшегося переезда наследника в Тавриз, он выказывал намерение уехать из Ирана. Но тогда возможность отъезда шаха предполагалась только после открытия нового Меджлиса, который наряду с институтом монархии воспринимался как второй полномочный орган власти, предусмотренный конституцией страны. Однако ситуация с псевдозаговором, в который якобы был вовлечен наследник, и неизбежность назначения Реза-хана премьер-министром ускорили принятие этого решения.

Сам Ахмед-шах пребывал в паническом состоянии и постоянно говорил о необходимости как можно скорее уехать, т. к. иначе, как сообщали в советское полпредство источники при Дворе, «Реза его убьет»⁸¹. Несмотря на наличие массы царедворцев, он действительно был совершенно одинок, не имел человека, с которым мог бы посоветоваться, обсудить проблемы или просто излить душу. Все, на кого он пытался опереться, вне зависимости от того, что из этого получилось бы, были удалены от него. Носрет ос-Салтане изгнан из Ирана, Носрет од-Доуле отправлен наместником в провинцию Фарс⁸². Кавам ос-Салтане претерпел от Реза-хана, и его едва удалось отправить в эмиграцию. Вокруг Ахмед-шаха оставались люди совсем неспособные ни к серьезной политической борьбе, ни к созданию какой-либо лихо закрученной политической комбинации. Все это, наложенное на его от природы слабый характер, боязливость и робость, а также постоянное влечение, которое можно было рассматривать как род помешательства, к европейскому образу жизни, нравам и даже пейзажам, сделало принятие решения об отъезде в самые сжатые сроки совершенно неизбежным.

В связи с предстоящим отъездом 28 октября 1923 г. были одновременно опубликованы шахские указы о назначении Реза-

⁸¹ Там же. Л. 22.

⁸² Символично, что слово «носрет», имевшееся в титулах обоих вельмож, означает «помощь».

хана премьер-министром и о назначении наследника престола Мохаммед Хасан Мирзы регентом на время отсутствия Ахмед-шаха в стране:

«Указ Его Величества

Так как для важной должности премьер-министра требовалось наличие лидера способного и годного, то потому мы назначили и утвердили премьер-министром, чтобы он занимался исполнением этой важной работы, его высокопревосходительство Сардар Сепаха, к которому мы питаем полное благорасположение, доверие и уверенность. 27.10.1923 г.

Решение Его Величества

То нездоровье, которое являлось некоторое время тому назад причиной нашего путешествия в Европу, и которое мы полагали совершенно излеченным, проявилось теперь вновь и к нашему крайнему прискорбию, вновь вынуждает нас для требующегося лечения оставить вновь нашу милую родину. Если Бог даст, в воскресенье 4.11.1923 г. мы выедем из Тегерана по Багдадской дороге. Мы постановили, что на время нашего отсутствия наблюдать за делами государства будет наш любезный брат наследник престола, который важные вопросы будет докладывать нам и будет ставить нас в известность о ходе дел»⁸³.

Драматизм положения Ахмед-шаха состоял в том, что он не только боялся оставаться, но боялся и ехать, поскольку крайне опасался, что в дороге на территории Ирана «что-нибудь может случиться»⁸⁴. Он считал, что будет в безопасности только когда покинет пределы своей страны. Его надежды на благополучный проезд по иранской территории были связаны с английской миссией, поскольку в советском полпредстве он полностью разочаровался.

Если еще в начале лета шах надеялся на то, что русские обуздают диктаторские притязания военного министра, то к октябрю он говорил своему ближайшему окружению, что русские его бросили на произвол судьбы и спелись с Реза-ханом⁸⁵.

⁸³ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 22 об.

⁸⁴ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50764). Л. 6.

⁸⁵ Там же.

Разумеется, это было большим преувеличением, т. к. происшедшее в первую очередь являлось результатом внутренних процессов, происходивших в иранском обществе. Более того, доступные материалы советского полпредства, в т. ч. и приведенные в настоящей главе, показывают, что советская сторона видела всю сложность, неоднозначность и склонность к резкой смене позиции Реза-хана, плотно контактировавшего с англичанами, и не испытывала иллюзий на его счет. Правда, в своих сетованиях Ахмед-шах делал и прогнозы пророческого характера, которые впоследствии оправдались, о том, что его «все оставили и покинули, и даже социалисты работают теперь с Реза-ханом, который их всех – и русских, и социалистов – непременно обманет»⁸⁶.

Султан Ахмад-шах (с тростью, в центре), слева от него премьер-министр и военный министр Реза-хан. Снимок сделан незадолго до того, как монарх Персии навсегда покинул свою страну. Источник: Архив Международного института социальной истории Королевской академии искусств и наук Нидерландов

⁸⁶ Там же.

В такой ситуации шах инстинктивно сближался с англичанами, и английский посланник Перси Лоррен стал частым гостем во дворце и чем-то вроде его советника, с которым обговаривался маршрут следования монарха. При этом английский посланник всячески успокаивал его, убеждая в том, что «все к лучшему», уговаривал не опасаться Сардар Сепеха, а наоборот – полностью на него положиться и скорее уезжать в Европу⁸⁷. Реза-хан, добившись нужного результата и стремясь ускорить отъезд, также всячески ободрял его и обещал лично проводить до границы, хотя считал такую поездку бесполезной и напрасной тратой времени.

Шах, желая покинуть Иран по кратчайшему пути, решил двигаться до ирано-иракской границы и далее на Багдад. С репутационной точки зрения этот маршрут был крайне неудачным, поскольку скандал с изгнанием шиитских моджахидов еще не затих, и Ахмед-шах как бы солидаризировался с английским комиссаром по делам Месопотамии и эмиром Фейсалом. Сардар Сепех использовал данную оплошность и соответствующим образом настраивал изгнанников, проживавших тогда в Куме, одновременно отговаривая его от поездки по данному маршруту и подталкивая к ней. В то время как вопрос о маршруте следования был делом решенным и английский посланник рассылал телеграммы и распоряжения по пути следования в Ираке, премьер-министром было организовано движение купечества за проезд шаха через территорию СССР, сторонником чего он якобы и сам являлся. В частности, 30 октября 1923 г. на приеме Реза-хан лично сказал сотруднику советского полпредства Г.А. Апресову: «Я ему (шаху – *прим. авт.*) говорил, купцы ему говорят, все говорят: поезжай через Россию. Но что с ним поделиаешь. Раз ему взбредет что-нибудь в голову – никакими силами не выбьешь»⁸⁸.

Ропот и протесты против поездки шаха через Багдад были настолько сильны, что он съездил в Кум с официально объявленной целью получить благословение духовенства на поездку

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же. Л. 7.

в Европу, но в действительности для того, чтобы уговорить изгнанных моджахидов дать согласие на его проезд через Багдад. Все эти метания и страхи Ахмед-шаха Реза-хан использовал для подрыва авторитета монарха, националистов и советских представителей, постоянно указывая на его трусость, англофильство, отсутствие любви к родине и пристрастие к европейской жизни. Получив одобрение кумских моджахидов, шах 2 ноября 1925 г. дал прощальную аудиенцию дипломатическому корпусу, на которой был деланно весел, шутил, рассказывал о погоде и заграничных впечатлениях.

На следующий день на учебном плацу Мейдан-е Машг прошел парад, во время которого произошел один неприятный инцидент⁸⁹, когда при следовании Ахмед-шаха вдоль караула ему не было оказано почестей и присутствовавшие увидели, что автомобиль без предварительного оповещения внезапно въехал на площадь и остановился, а сам шах занял место в подготовленном шатре. Старшие офицеры, дипломаты, члены правительства выказали монарху свое почтение, а Сардар Сепас вышел вперед и встал перед ним. Сначала монарх заявил ему, что почетные караулы не салютовали ему и не выказали положенного почтения, а затем повторил это. Однако Реза-хан не захотел заглаживать неловкость и непочтительно молчал. Тогда сконфуженный такой дерзостью Ахмед-шах оказался принужден сам найти причину происшедшему, объяснив это тем, что ехал на машине без личного государева штандарта. 4 ноября 1923 г. шах покинул Тегеран. В путешествие с ним поехали принцы Азод ос-Салтане и Эзас ос-Салтане⁹⁰, лейб-медик Хаким од-Доуле и несколько камер-лакеев. Тогда еще никто не мог знать, что Солтан Ахмед-шах покидает свою столицу и страну навсегда.

⁸⁹ Излагается по: Мохтари Х. Тарих-е бидари-йе Иран. Техран, 1347. С. 208–210.

⁹⁰ Учитывая сложности матримониальных отношений в династии Каджаров, интересно, кем принц Эзас ос-Салтане приходился Ахмед-шаху. Эзас ос-Салтане был сыном Камран Мирзы – деда шаха по материнской линии и одновременно двоюродным дедом по линии его отца Мохаммед Али-шаха и, таким образом, приходился Ахмед-шаху родным и двоюродным дядей одновременно.

Глава II

ВЫБОРЫ В МЕДЖЛИС ПЯТОГО СОЗЫВА

Крайнему обострению политической борьбы в середине 1923 г. способствовало и приближение выборов в Меджлис пятого созыва. Согласно иранскому избирательному закону, предписывалось за три месяца до истечения полномочий действовавшего парламента начать новую выборную кампанию. Срок действия Меджлиса четвертого созыва заканчивался в конце июня, соответственно начинать выборные процедуры следовало в конце марта текущего года. Однако из-за шаткости положения правительства Мостоуфи уль-Мамалека, противодействия оппозиции Национальному блоку и борьбы в парламенте за внесение изменений в закон о выборах начать этот процесс вовремя не удалось. Борьба между сторонами велась за то, как следует проводить выборы. Сначала Национальный блок требовал их одновременного проведения как в столице, так и в провинциях, но когда этого же потребовала оппозиция, националисты выступили за то, чтобы дожидаться результатов голосования в Тегеране, а потом проводить его в провинциях.

Также оба лагеря стремились провести своих сторонников в Центральную избирательную комиссию (ЦИК). Националистам удалось ввести в состав этого органа нескольких своих единомышленников, а также Мошира од-Доуле в качестве председателя ЦИК. Хотя он не принадлежал к Национальному блоку, но его авторитет и безупречная личная политическая репутация воспринимались как своего рода гарантия недопущения подтасовок и злоупотреблений при подсчете голосов.

К выборам готовились не только две официальные противостоящие политические группировки, но и бессменный с апреля 1921 г. военный министр Реза-хан, который насаждал власть военных во всех провинциях страны и через них рассчитывал провести своих сторонников в Меджлис. В связи со сложившейся ситуацией советское полпредство докладывало в Москву: «Разгул военного произвола совершенно не нужный и, как раз, наоборот, опасный делу “усмирения” окраин, сейчас достиг небывалой степени развития. Можно думать, что все это делается для того, чтобы вызвать в момент выборов вспышки недовольства, дабы затем, расправившись с ними, можно было бы провести в “усмиренных” провинциях выборы в точном соответствии с волей военмина. Здесь упорно циркулируют слухи, что военмин, поняв, что помимо Меджлиса ему к диктатуре не прийти, решил использовать для этого весь аппарат персидского парламентаризма. С этой целью он уже расслал по провинциям списки своих депутатов. <...> Кроме того, как говорят, военмин намерен, дав отставку десятку военных, провести их в депутаты Меджлиса.

Лидеры национального блока утверждают, что к этому плану приложили свою руку американцы, которые за последнее время очень приблизились к Реза-хану и ублажают его обещаниями утолить жажду в оружии, военных припасах и аэропланах из источников американской армии»⁹¹.

К выборам готовился не только Реза-хан, но и представители всего спектра политических партий Ирана. Представители старой феодальной аристократии и бюрократии также вели активную подготовку. Ими были созданы несколько печатных органов, находившихся под общим руководством Малек ош-Шоара Бахара. Также свой список подготовило духовенство и включило в него Кавама ос-Салтане, а также несколько умеренных националистов, например, Мошира од-Доуле. Советское полпредство считало, что финансирование кампании англофилов велось британцами, которые давали средства через свои коммерческие и финансовые организации: «Совершенно

⁹¹ АВП РФ. Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 116. Д. 50758. Л. 16.

достоверно известно, что <...> руководитель кавамовской прессы Малек ош-Шоара и англофильствующий “националист” Давер – оба недавно получили средства на свои издания из Английского Банка»⁹².

Группа бывшего большинства, ранее поддерживавшая Кавама ос-Салтане, а после его падения позиционировавшая себя как нейтральная, во главе с депутатами Аштиани и Казе-руни предлагала войти в соглашение с Национальным блоком и обещала в ходе предвыборной кампании резко не критиковать Национальный блок, но потребовала за это, чтобы советское полпредство поддерживало только ее. Национальный блок считал, что все национально ориентированные группы должны в равной степени поддерживаться как им, так и советской стороной, что даст им возможность после выборов создать в Меджлисе устойчивое парламентское большинство. Однако это предложение было отвергнуто Аштиани, и его группа стала открыто выступать против Национального блока, солидаризируясь с позицией таких деятелей, как аятолла Модаррес, Кавам ос-Салтане, принц Фируз и др. Она стала готовить и отряды погромщиков – чаллемейдановцев⁹³.

Сам Национальный блок усиленно готовился к выборам – как в столице, так и в провинции. С февраля 1923 г. началось обсуждение кандидатур и согласование их с отделениями на местах. Однако стала явно проявляться политическая рыхлость блока. Каждая из группировок хотела не только провести своих кандидатов, но и максимально увеличить свое представительство в Меджлисе пятого созыва. По мере приближения к выборам наблюдался раскол и отход некоторых организаций от основы Национального блока – «Объединенной социалистической партии», возглавляемой Сулейманом Мирзой, Табатабаи и др. Отошедшие от блока группы искали себе союзников и финансирование не среди националистов, у которых было плохо со средствами, а среди англофилов.

⁹² Там же.

⁹³ Чалле мейдан – старое название площади Шуш, расположенной на юге Тегерана, являвшейся в те времена местом скопления уголовных элементов, используемых при необходимости властями в качестве погромщиков. В Москве похожим местом был Хитров рынок, или Хитровка.

Избирательная процедура в Иране в то время была организована следующим образом. Объявлялось о периоде раздачи избирательных бюллетеней лицам, имеющим право голоса. Обычно данная процедура занимала 3–4 недели. После этого правительством определялись сроки начала и окончания голосования в столице, также протекавшего в течение нескольких недель. По завершении голосования в Тегеране и подведении его предварительных результатов начинались выборы в провинциях по мере их готовности к голосованию. Отсрочить их проведение в той или иной провинции могло правительство или даже губернаторы, если, по их мнению, условия для проведения выборов не были благоприятными, например, по причине беспорядков, волнений или даже слишком сильных позиций претендентов, оппозиционных центральным властям. Такая система проведения выборов создавала немалые возможности для фальсификаций и подтасовок.

В итоге всех политических перипетий раздача избирательных бюллетеней в Тегеране началась только 28 апреля 1923 г., а голосование проходило в июле 1923 г., после того как завершился срок полномочий Меджлиса четвертого созыва. Выборы сопровождались большим количеством нарушений, особенно в деревнях в окрестностях Тегерана, входивших в столичный избирательный округ. Это происходило потому, что вельможи и сановники вроде Кавама ос-Салтане и Носрета од-Доуле (принц Фируз) располагали в свою пользу крестьян-избирателей обильными угощениями и денежными подарками, фактически покупая их голоса.

Наиболее громкий скандал разразился с голосованием в районе Шамиран, деревнях Кен и Сульган, где в общей сложности проживало около 1400 из 18317 избирателей столичного избирательного округа, получивших свои избирательные бюллетени⁹⁴. Считалось, что именно подкуп избирателей позволил двум указанным персонам оттянуть голоса у некоторых сторонников Национального блока, в частности у Сеида Мохаммеда Садека Табатабаи. Он занял тринадцатое место, в то время

⁹⁴ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50760). Л. 10.

как Тегеран избирал 12 депутатов в Меджлис. В результате в парламент при первичном подсчете голосов прошли следующие лица:

№ п/п	Имя	Количество голосов
1.	Мотаммен уль-Мольк	6981
2.	Сулейман Мирза*	6278
3.	Мошир од-Доуле*	6272
4.	Мостоуфи уль-Мамалек*	5876
5.	Шейх Али Модаррес	5178
6.	Сеид Хасан Тагизаде*	4477
7.	Аятолла Хасан Модаррес	3842
8.	Аштиани	3680
9.	Мосаддек ос-Салтане	3448
10.	Асадулла Харегани*	3313
11.	Хосейн-хан Элаи*	3313
12.	Сеид Зия эд-Дин	3230

Источник: АВП РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50760). Л. 10.

*Сторонники Национального блока.

Таким образом, по предварительным результатам в столице победу, хотя и нерешительную, одерживали сторонники Национального блока. Два лидера феодального лагеря не проходили в парламент.

В связи с многочисленными жалобами на подтасовки ЦИК должен был решать вопрос с голосами тех районов, где закон был нарушен, как, в чью пользу засчитывать их или не считать вовсе. Однако этот орган развалился из-за разногласий, вызванных указанными нарушениями, а также потому, что из его состава вышли такие авторитетные деятели, как Мошир од-Доуле, который после отставки Мостоуфи уль-Мамалека был назначен премьер-министром, и Хаким уль-Мольк, принявший пост министра юстиции в новом кабинете. В таких условиях

остальные его члены, стремясь снять с себя ответственность, стали подавать в отставку или «заболевать».

Переформировать ЦИК удалось только в августе 1923 г. В конце месяца на своем заседании комиссия провела пересчет 1435 голосов, который дал следующие результаты: Кавам ос-Салтане – 1010, Носрет од-Доуле – 860, Омид ос-Салтане (человек Кавама) – 734, Восуг од-Доуле (старший брат Кавама) – 772 голоса и т.д.⁹⁵. В то же время лидеры по тегеранскому избирательному округу имели более чем скромные результаты: Мотаммен уль-Мольк – 338, Мошир од-Доуле – 283, Шейх Али Модаррес – 308, Аштиани – 306, Мостоуфи уль-Мамалек – 67, Мосаддек ос-Салтане – 61 и Сулейман Мирза – 35 голосов⁹⁶. Такие результаты превзошли самые дерзкие предположения о массовом подкупе избирателей в указанных районах, и ЦИК заявила, что пока голоса районов Шамиран, Кен, Сульган и Лавасан присоединяться к голосам всего округа не будут.

Трудность с принятием решения по голосам указанных округов привела к отставке председателя ЦИК Али Наджабади и избранию на его место более решительного Восуга ос-Салтане. В результате 14 октября 1923 г. в газетах появилось следующее объявление: «... Центральная Избирательная Комиссия <...> доводит до сведения жителей Тегерана и окрестных округов, что результаты представляются в следующем виде: 1. Мотаммен уль-Мольк, 2. Мошир од-Доуле, 3. Сулейман Мирза, 4. Мостоуфи уль-Мамалек, 5. Шейх Али Модаррес. 6. Тагизаде, 7. Кавам ос-Салтане, 8. Носрет од-Доуле, 9. Мирза Хашем Аштиани, 10. Сеид Хасан Модаррес, 11. Сайед Ахмад Бехбахани, 12. Мосаддек ос-Салтане»⁹⁷.

Иначе говоря, ЦИК засчитала все или почти все поданные в скандальных округах голоса в пользу Кавама ос-Салтане и Носрета од-Доуле, которые сумели вытеснить сторонников Национального блока Хагерани и Элаи. Также из первоначального списка победителей выпал и Сеид Зия эд-Дин Табатабаи, который держал внеблоковый статус, жил воспоминаниями

⁹⁵ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 117. Д. 125 (50762). Л. 13.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 117. Д. 126 (50763). Л. 23 с об.

о своем кратковременном триумфе в 1921 г. и через финансируемую им газету критиковал всех премьер-министров. С учетом этих изменений победа Национального блока на выборах в Тегеране превратилась в поражение.

В провинциях выборы проходили крайне медленно. К концу декабря 1923 г. в стране было избрано 82 депутата, включая 12 от Тегерана. Таким образом, «период резанья барашков» растянулся более чем на полгода. При этом он протекал при трех премьер-министрах: Мостоуфи уль-Мамалеке (апрель – июнь), Мошире од-Доуле (июнь – октябрь) и Реза-хане (октябрь – декабрь). Именно это обстоятельство и определяло столь длительные сроки избирательного процесса. Мошир од-Доуле старался максимально быстро провести выборы, но по указанию Реза-хана их тормозили военные и гражданские власти на местах. После того как последний занял кресло председателя правительства, выборный процесс не ускорился, поскольку ему нужен был не просто Меджлис, а Меджлис, в котором его ставленники и сторонники составляли бы твердое большинство. Поэтому в каждой провинции избрание депутатов проходило тогда, когда обстановка складывалась наиболее благоприятно для достижения поставленной цели. Выборы начинались строго по указанию из центра.

Советское представительство в декабре 1923 г. описывало ситуацию следующим образом: «В Куме, например, выборы прошли давным-давно, но в соседнем Кашане их вовсе не могли начать. Наконец, в начале декабря был сменен плохо понимавший настроения центра губернатор и на его место назначен новый, более послушный. Только после этого к выборам, наконец-то, было приступлено. В других местах выборы, неудобные главе правительства, попросту кассируются. Так было в Бэме (Керман). В третьих округах по несколько раз меняется состав избирательных комиссий, якобы вследствие недовольства населения, а на самом деле вследствие несоответствия намерениям центра. В некоторых местах (Хар – Верамин) выборы задерживаются ввиду беспокойного настроения населения и т. д.»⁹⁸

⁹⁸ АВП РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 117. Д. 128 (50765). Л. 15 об.

В итоге столь затяжной выборной кампании, блестяще проведенной Реза-ханом, произошло следующее. На выборы еще весной 1923 г. выходили два противоборствующих лагеря, которые условно можно охарактеризовать как феодально-помещичий, пользовавшийся поддержкой англичан, и национально-буржуазный. Первый – во главе с Кавамом ос-Салтане, принцем Фирузом и аятоллой Модарресом. Второй – отражавший интересы мелкой и средней, в т. ч. торговой, буржуазии, либеральных помещиков, буржуазной интеллигенции, а также в какой-то степени зарождавшегося пролетариата и ремесленников, возглавляли лидеры Национального блока. К Национальному блоку, по крайней мере к правому его крылу, примыкал и Реза-хан. Он большую часть выборного цикла занимал должность военного министра, но при этом уже имел группу своих сторонников и также готовился к выборам в Меджлис. С этой целью под руководством депутата Тадайона была создана партия «Таджаддод» (обновление), которая стала выдвигать своих людей на выборах в провинциальных избирательных округах. Именно этих кандидатов и стали поддерживать военные руководители в провинциях и губернаторы, которых постепенно назначал Реза-хан, особенно после того, как в конце октября 1923 г. занял пост премьер-министра. В результате с этого момента выборный процесс в регионах ускорился. Если за 4 месяца (июль – октябрь) было избрано всего 42 депутата, из которых на Тегеран приходилось 12 человек, а на провинции – 30, то за последующие два месяца в регионах избрали еще 40 депутатов.

Как отмечалось, после создания кабинета Сардар Сепеха выборы в Меджлис резко ускорились. Это отвечало его интересам, поскольку он нуждался в легитимации своих действий со стороны парламента, в т. ч. в вотировании своих решений по модернизации страны, а также при продолжении борьбы с династией Каджаров. Имея в своих руках все рычаги управления, он ускорял проведение выборов в тех местах, где они еще не были проведены, в частности в Лахиджане, Мараге, Талыше и др. Разумеется, для некоторых северных округов с целью ускорения дела кандидаты в депутаты подбирались в столице.

В конце января 1923 г. недостающие депутаты были избраны и кворум для открытия Меджлиса имелся.

Всего в парламенте должно было быть 137 депутатов. Но вскоре после избрания 10 человек отказались от мандатов в связи с переходом на работу в правительство и другие органы исполнительной власти, мандаты трех депутатов не были утверждены парламентариями, два депутата за время каденции скончались, четыре депутата в знак протеста против тех или иных событий добровольно отказались от своих мест и в двух округах выборы не состоялись⁹⁹. Таким образом, в Меджлисе пятого созыва работало около 120 депутатов. Председателем парламента последовательно избирались три депутата. Основное время эту должность занимал Мотаммен уль-Мольк. После его отставки 13 октября 1925 г. был избран Мостоуфи уль-Мама-лек, который отказался занять этот пост, и последние два месяца Меджлис возглавлял Сеид Мохаммад Тадайон.

Торжественное открытие парламента состоялось 11 февраля 1924 г. На это мероприятие были приглашены 74 депутата, поскольку полномочия некоторых народных избранников еще не были подтверждены окончательно. Тегеранские газеты отмечали, что премьер-министр, Адль уль-Мольк и Сулейман Мирза, несомненно, являются депутатами, но, несмотря на это, остаются работать в правительстве.

По традиции открывать работу Меджлиса полагалось шаху, но из-за его отсутствия в стране данная миссия была возложена на наследника престола, исполнявшего функции регента. Для понимания тренда исторического процесса даже самые незначительные детали иногда имеют большое значение. В этом смысле весьма примечательны впечатления, которые произвела церемония открытия на советского полпреда, и то, как выглядел наследник, а в его лице и вся династия Каджаров. Б.З. Шумяцкий отмечал: «Но вот был дан сигнал о появлении наследника. Депутаты встали. Наследник, однако, почему-то продолжал мешкать и не появлялся. Депутаты понемногу начали садиться на свои места. Настроение, словом, было до крайности

⁹⁹ Агели Б. Носрет од-Доуле Фируз: аз руйаи падшахи та зендан-е Реза-шах. Техран, 1373. С 191.

томительное. Наконец, дана была вторичная «тревога» и долгожданный наследник, в конце концов, появился. Вошел он, стараясь держаться величественно, но это ему совершенно не удавалось. Чрезвычайно краткую тронную речь произнес он голосом, хотя и довольно твердым, но каким-то отсутствующим и пустым. По прочтении он слегка поклонился и собирался уходить, но и это сделал весьма неловко, слегка даже споткнувшись на ступеньках. Как только наследник исчез за дверьми, церемония была закончена. <...>

Наследник казался на своих подмостках и под балдахинном фигурой очень жалкой, чуть ли не шутовской и, как бы, к тому же запуганной и стоявшим прямо против него Резой, и вооруженным многочисленным «генералитетом». Говорят, что во дворе при приезде наследника произошло, кроме того, недоразумение, и оркестр сыграл туш невпопад – больше Реза-хану, чем валиахду»¹⁰⁰.

Приведенное впечатление Б.З. Шумяцкого ценно потому, что сделано по горячим следам, когда исход борьбы между династией и Реза-ханом был совсем не очевиден, а до падения Каджаров оставалось почти два года.

В тот же день депутаты под председательством старейшего из них – Мирзы Яхья Довлетабади – избрали временный президиум Меджлиса в составе: председатель – Момаммен уль-Мольк, первый заместитель председателя – Тадайон, второй заместитель председателя – Сахем ос-Салтане. Как и предполагалось, большинство принадлежало сторонникам Реза-хана. Основная фракция «Независимых демократов» блокировалась с одной из безымянных фракций, и образовалась новая фракция – «Таджаддод» (обновление). При этом независимые демократы самораспустились. В новообразованную фракцию вошли 42 депутата. Еще 20 человек объединились во фракцию «Азадихах» (свободолюбцы), и около 20 депутатов остались в качестве независимых. Таким образом, Национальный блок перестал существовать, хотя некоторые его члены и избрались в новый парламент.

¹⁰⁰ АВР РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50801. Л. 7 об.

В связи с началом работы Меджлиса от Советского Союза были направлены приветственные послания М. И. Калинина (от имени советского правительства) и Г. В. Чичерина (от НКВД). В телеграмме М. И. Калинина наряду с прочим были отмечены заслуги «вождя и руководителя» Сардар Сепеха «по национальному возрождению Персии»¹⁰¹. На данное приветствие председатель Меджлиса Мотаммен уль-Мольк отправил ответную телеграмму. В ней также упоминалась личность Реза-хана: «Проявление подобных чувств по отношению к персидскому государству и создателю армии г-ну Сардар Сепеху, дает поддержку Национальному Представительному Собранию в его трудах по укреплению дружеских отношений между обеими нациями»¹⁰².

Хотя, как отмечалось, в новом парламенте у сторонников Реза-хана было твердое большинство, однако сформировалась и твердая оппозиция премьер-министру и его диктаторским устремлениям. Ее возглавил аятолла Модаррес, и противостояние парламентского большинства и оппозиции прошло через весь срок деятельности нового Меджлиса.

Итак, период «безмеджлисья», затянувшийся на семь месяцев, завершился. Этот выборный цикл позволяет сделать ряд выводов. Затыжка выборов в Меджлис пятого созыва была делом для Ирана беспрецедентным. Разумеется, в стране бывали и более длительные периоды, когда парламент отсутствовал, но все они были связаны с чрезвычайными обстоятельствами: наступлением Мохаммед Али-шаха на конституционалистов в 1908–1909 гг., самороспуском Меджлиса под давлением России из-за кризиса декабря 1911 г., вызванного действиями американского финансиста Моргана Шустера (парламент отсутствовал в 1912–1914 гг.), или в период Первой мировой войны и английской оккупации Ирана в послевоенные годы (1916–1920 гг.). Однако в мирное время при отсутствии переворотов, революций и пр. такого не бывало. Как отмечалось выше, Реза-хан затягивал выборы для более успешного продви-

¹⁰¹ Там же. Л. 9.

¹⁰² Там же. Л. 10 с об.

жения своих людей, но не только. В отсутствие Меджлиса ему не нужно было получать одобрения парламентских говорунов при назначении на пост премьер-министра, который в то время был его главной промежуточной целью, достаточно было лишь шахского указа.

Яркой иллюстрацией столкновения двух противоборствующих группировок в ходе очередного избирательного цикла стали выборы в Тегеране, где в результате подкупов и махинаций феодальная группировка одержала победу, хотя и не самую убедительную, над Национальным блоком. Однако в провинциях выборы проходили по иному сценарию. Там большинство избранных составляли сторонники нового премьер-министра, сохранившего за собой и пост военного министра. В результате в сформировавшемся новом парламенте Реза-хан имел поддержку большинства народных избранных, многие из которых были обязаны ему своим креслом и положением в обществе или искренне поддерживали его за заслуги в деле объединения страны и борьбы с сепаратистами.

Роль указанных событий была крайне значительна для дальнейшей судьбы Ирана, что в те дни было еще неясно, ибо именно данный состав парламента в октябре 1925 г. принял решение о низложении династии Каджаров. Это стало предпоследним шагом в деле смены правящей династии. Последний шаг сделало Учредительное собрание, избранное Сардар Сепакхом и его сторонниками примерно по той же схеме, как и пятый Меджлис. С учетом данного обстоятельства роль Меджлиса пятого созыва несопоставима с таковой всех предыдущих и последующих законодательных собраний Ирана.

Глава III

ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕЗА-ХАНА

Правительство Сардар Сепеха начало свою деятельность с наведения порядка и чисток в составе самого кабинета министров. В ноябре 1923 г. было обнародовано несколько указов и постановлений, первым из которых стало постановление о порядке подачи жалоб (5 ноября 1923 г.). Его смысл сводился к запрещению коллективных обращений и петиций. В жалобе предписывалось указать имя, профессию и место жительства истца и ответчика, изложить в нескольких предложениях суть жалобы, представить аргументы, доказательства и документы. Было необходимо приложить удостоверение личности жалобщика, заверенное местным отделением полиции. Все жалобы, подаваемые по телеграфу или через газеты, рассмотрению не подлежали. Чиновники, препятствующие передаче и рассмотрению жалоб, должны были нести ответственность за свои действия, однако и жалобщики, бездоказательно обвинявшие государственных служащих, также подлежали наказанию.

Данное постановление оценивалось советским полпредством несколько скептически, как что-то достаточно экзотическое и носящее «невинный характер»¹⁰³. В действительности же оно являлось одним, хотя и не самым значимым, шагом на пути модернизации иранского общества, поскольку переводило вопросы правовых тяжб из плоскости общественно-публичных отношений (направление коллективных жалоб по телеграфу или через СМИ) в более строгое русло персональной ответствен-

¹⁰³ АВР РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50764). Л. 5.

ности истцов и ответчиков, базирующееся на документально-доказательном фундаменте.

Гораздо более значимой и указывающей на политический курс нового правительства в вопросах общения иранских граждан с иностранными представительствами стала декларация о запрете иранцам посещать иностранные миссии (от 12 ноября 1923 г.). В ней, в частности, говорилось: «Если в прошлом некоторые, для оправдания своих, как они говорили “невольных” заискиваний у иностранцев еще могли ссылаться на происходившие у нас смуты, на имевшиеся опасности, и т. п., то, хотя такого рода логика и не выдерживала особой критики, но с этим можно было мириться. <...> Но теперь, когда со всяческими смутами окончательно покончено, когда порядок повсюду восстановлен, и когда для этих лиц ни малейшей опасности ни откуда не предвидится, никаких поводов и оправданий для их искательств и домогательств не предвидится, не имеется и не будет. Следовало бы поэтому, чтобы эти лица сами вникли во всю гнусность своего поведения и сообразили, какой вред оно наносит обществу.

Теперь, ввиду того что всему этому должен быть немедленно положен конец, считаю нужным указать всем классам населения, от высших до низших, без исключения, чтобы, во-первых, принимая во внимание все вышеупомянутое, они себя понапрасну и бесцельно не срамили и не унижали. А во-вторых, что если подобные вещи повторятся еще или если лица, коим там делать нечего, будут замечены в совещаниях со сферами, их не касающимися, они будут зачислены в разряд предателей родины, и т. к. предателям в общественной жизни места нет, я по праву и по справедливости буду считать их осужденными государством и народом и применю в их отношении по всей стране строгости и те наказания, которых они заслуживают»¹⁰⁴.

Приведенная декларация формально обращена ко всем классам общества, но своей целевой аудиторией имела привилегированные слои, поскольку именно среди их представителей была широко распространена привычка для решения своих

¹⁰⁴ Там же. Л. 10 с об.

вопросов обращаться в иностранные миссии. Таким способом старались заручиться поддержкой при получении министерского или иного поста, личных гарантий безопасности от наказания иранскими властями, получении подданства (второго гражданства), дававшего право вывесить над своим домом флаг иностранной державы, который ограждал его владельца от нападений, и пр. Национальной традицией являлось и массовое получение защиты от наказания властями и оказание давления на них с целью выполнения требований протестующих, называвшееся «сидением в бесте», когда на территории иностранного представительства укрывалось множество людей, иногда несколько сот человек. Такая практика была особенно широко распространена в период Конституционной революции 1905–1911 гг.

На многих общественных деятелей указанная декларация произвела эффект разорвавшейся бомбы. Двойственные последствия она имела и для работы иностранных миссий. С одной стороны, она освобождала их от докучливых визитов всевозможных непрошенных советчиков, шарлатанов и проходимцев, которых в Иране было немало, стремившихся использовать иностранное влияние в своих политических и коммерческих целях. Но с другой – она сильно затрудняла возможность общения с общественными деятелями страны пребывания, что является одной из неотъемлемых функций любой иностранной миссии. Неслучайно вскоре после появления этой декларации сам премьер-министр на вопрос сотрудника советского представительства о том, каково его отношение к указанному документу, туманно сказал: «Это очень важное дело. Его нужно было непременно сделать. Тегеранские политики слушkom уж распустились. Они доходят до того, что стараются впутать миссии во все наши внутренние дела. Теперь им будет неповадно. Для миссий это также очень хорошо. Сношения с персидским правительством пойдут теперь гораздо глаже, т. к. политики всегда старались в своих выгодах портить эти отношения, посеять недоверие. Ваша миссия, например, должна быть мне очень благодарна за декларацию. Вас она никак не затрагивает. С вами имеют отношения 10–15 человек, а вот с Англией

две трети Тегерана. Декларация моя направлена против англичан и их приспешников»¹⁰⁵.

Однако есть все основания усомниться в искренности слов Реза-хана, поскольку декларация была обнародована через 4–5 дней после того, как в советском полпредстве и 16 консульствах на территории Ирана с большим размахом прошли мероприятия по случаю празднования шестой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Данные мероприятия посетили десятки тысяч человек, представлявших самые различные слои общества¹⁰⁶. Указанная декларация, несомненно, была в т. ч. нацелена и на изоляцию советских представительств и уменьшение популярности СССР в Иране.

После обнародования указанных выше документов премьер-министр начал чистку в одном из самых коррумпированных государственных органов – Минюсте. 17 ноября 1923 г. он внезапно появился в министерстве, и уже при входе произошел инцидент, когда толпившиеся там ахунды и сеиды не сразу поняли, что входящий высокий военный и есть сам Реза-хан. Это дало ему повод стукнуть своей тростью одного сеида, не выказавшего должного почтения. Во время беседы главы кабинета с министром Моаззад ос-Салтане высший состав министерства собрался в соседнем зале, надеясь быть представленным ему, но он отослал всех на свои рабочие места, заявив, что позднее сам придет к ним, и действительно потом обошел все отделы. По итогам визита был уволен начальник исполнительского отдела, на работу которого имелось особо много нареканий. Характеризуя стиль общения Реза-хана с сотрудниками некоторых отделов, советское полпредство докладывало: «О тех “кратких”, но “энергичных” речах, которые он произнес затем в назидание апелляционному и кассационному департаментам, в городе передавались самые анекдотичные подробности, приводить которые из-за их нецензурности не представляется возможным»¹⁰⁷.

Вслед за данным визитом началась чистка во многих министерствах, которая затронула высокопоставленных сановни-

¹⁰⁵ Там же. Л. 11.

¹⁰⁶ Там же. Л. 11 об.

¹⁰⁷ Там же.

ков, включая заместителей министров. В частности, был смещен заместитель министра юстиции Мансур ос-Салтане, несмотря на многочисленные жалобы твердо удерживавший этот пост при многих премьер-министрах благодаря поддержке англичан. Последние на этот раз за своего протеже не вступились. Также ушел в отставку заместитель министра просвещения Мирза Маджид-хан Ахи, которого уволил Сулейман Мирза, желавший в своем министерстве видеть политических единомышленников, и назначил на указанную должность члена социалистической партии Бахрами.

Сулейман Мирза, заботясь о деле народного просвещения, 16 ноября 1923 г. опубликовал во всех центральных газетах обращение, в котором указывал на крайне тяжелое состояние дел по линии его ведомства как в центре, так и в провинциях. Причину этого он видел в недостаточном финансировании, но т. к. изменить положение можно было только со следующего года, когда Меджлис утвердит бюджетные ассигнования на Министерство просвещения в большем объеме, Сулейман Мирза предлагал следующее: «Вновь обратиться к помощи ревнителей отечественного просвещения и прибегнуть к их высокому рвению с просьбой о поддержке. Окрыленный такой надеждой, я вознамерился образовать комиссию по сбору пожертвований на дела просвещения и пригласить к участию в ней всех, кто заинтересован в развитии просвещения, дабы эти лица могли оказать помощь министерству просвещения, а я, в свою очередь, мог бы по бедности бюджета до некоторой степени справиться с возложенной на меня задачей»¹⁰⁸. Также в заявлении говорилось, что премьер-министр согласился стать председателем указанной комиссии.

Через три дня после публикации обращения в доме Реза-хана состоялось заседание лиц, приглашенных для учреждения комиссии, начавшееся с выступления Сулеймана Мирзы, повторившего основные тезисы своего обращения. Однако ему стал возражать Тадайон, считавший, что под данной идеей нет твердой почвы, поскольку такие методы не пользуются успехом

¹⁰⁸ Там же. Л. 12 об.

в обществе из-за отсутствия уверенности в том, что собираемые деньги будут потрачены по прямому назначению. Кроме того, он посчитал бюджет министерства в размере 800 тыс. туманов достаточным для покрытия нужд этого ведомства, особенно если в его штат будут назначены толковые люди. Здесь он, вероятно, намекал на то, что и сам не против возглавить министерство просвещения. Поскольку Тадайон был близок к Реза-хану, то его поддерживали некоторые из участников совещания, в частности Мирза Яхья Довлетабади.

Однако неожиданно сам Реза-хан взял слово и выразил свое полное одобрение идее Сулеймана Мирзы, поскольку создание такой комиссии поможет министерству в проведении необходимых реформ в области просвещения. Естественным образом после выступления премьер-министра все дискуссии прекратились, и комиссия была избрана в следующем составе: Мошир од-Доуле, его брат Мотаммен уль-Мольк, Мирза Яхья Довлетабади, Эхтешам ос-Салтане, Момтаз уль-Мольк, Мохбер ос-Салтане, Насир од-Доуле, Тадайон.

Данный, на первый взгляд, малозначительный эпизод очень ясно показывает направление мыслей и действий Реза-хана, который уже тогда не только планировал, но и начал проводить всестороннюю модернизацию Ирана. Прежде всего, именно его твердая поддержка сделала возможным создание указанной комиссии. Также он явно задумал сделать комиссию гораздо более долговременным органом, чем предполагал сам Сулейман Мирза. Если учесть, что эти события происходили в ноябре 1923 г., а новый год по мусульманскому солнечному календарю наступает 21 марта, то срок жизни комиссии составил бы 4–5 месяцев. Однако премьер-министр в своем выступлении отметил, что комиссия будет изучать пути, которыми министерство должно проводить реформирование всей системы просвещения. Разумеется, сделать это за несколько месяцев было невозможно, и данный орган должен был действовать и после наступления нового года.

Кроме того, в рассматриваемом вопросе проявилось понимание им значения и роли современной по тем временам системы образования для проведения всесторонних преобра-

зований в обществе и того, что эти преобразования должны реализовываться специалистами совершенно иного качества, чем имевшиеся до того времени в стране. Не будучи человеком высокообразованным, Реза-хан своим природным умом понимал, что ему нужен человек нового типа, нового, наступившего по солнечному календарю 14-го века, энергия и инициатива которого поможет провести, разумеется, сообразно представлениям вождя, необходимые реформы. Небезынтересно и то, что в комиссию были введены и противники самой этой идеи Тадайон и Довлетабади, причем последний был даже назначен ее председателем. Наверняка это было сделано не случайно и не без участия Реза-хана.

Высказанные предположения подтверждаются и тем, что уже в ноябре 1923 г. был принят ряд важных решений в области подготовки кадров. Прежде всего страна испытывала острую нехватку квалифицированных юристов. Хотя в Тегеране существовала юридическая школа (медресе хоуг), она в полном смысле слова не могла считаться высшим учебным заведением. Новое правительство создало высшую юридическую школу, где преподавали как иранские, так и приглашенные из Франции профессора. Идея создания такого учебного заведения была давней, но реализовало ее именно правительство Реза-хана. Под эту школу передали здание бывшего кассационного суда. Кроме того, учредили и высшее коммерческое училище, которое курировалось Министерством общественных работ. Министерство просвещения приняло решение в кратчайшие сроки открыть в Тегеране педагогический институт с целью подготовки учителей в первую очередь для провинций, поскольку там квалифицированных кадров почти не было. Все эти решения были приняты и начали реализовываться уже в ноябре 1923 г.

Решительным образом повелась борьба и с нищенством, которая осуществлялась чисто административными методами. Попытки такого рода предпринимались еще в 1921 г. при кабинете Сеида Зия эд-Дина, но постепенно дело оказалось совершенно запущенным, и из-за нехватки средств богоугодные заведения (дом бедных и сиротский дом) в Тегеране прекратили свое существование, а улицы столицы оказались

наводнены нищими, особенно малолетними. Новое правительство, не делая громких заявлений, начало чисто военными методами перехватывать идущих в столицу нищих и перемещать их в пригород Шахр-е Ноу, где их определяли в дом призрения. Там нищие проходили медицинское освидетельствование. Здоровых отправляли на строительство новой дороги (о ней чуть ниже), а больных – в городские больницы на бесплатные койки. За такими пациентами постоянно велось наблюдение представителями Министерства просвещения. Операция эта готовилась в полном секрете. О ней не возникло даже слухов, а информация в газеты попала только после ее начала.

Серьезные мероприятия по реформированию страны проходили по линии почти всех министерств. В декабре 1922 г. Министерство общественных работ (так в те времена называлось Министерство промышленности) подготовило и передало в правительство важный документ – проект закона о систематизации мер и весов в Иране, который после одобрения кабинетом министров должен был поступить в Меджлис на утверждение после того, как парламент будет сформирован и приступит к работе. Согласно этому документу, все веса и меры приравнивались к единицам метрической системы, т. е. литру, метру и грамму. Так, 1 зар становился равен 1 метру, 1 дерем – 1 грамму и 1 ратль – 1 литру. Законом строго определялась величина отклонений, которая допускается в мерах и весах по отношению к эталонным образцам. В случае превышения допустимых зазоров весовые и измерительные единицы признавались фальшивыми и конфисковывались, а лица, замеченные в повторном использовании фальшивых мер и весов, иначе говоря, обвешивавшие и обмеривавшие покупателей, подвергались трехдневному аресту и штрафу в размере от 10 до 100 туманов¹⁰⁹.

Унификация системы мер и весов по-своему положила конец феодальной раздробленности, когда в каждой провинции имелись свои меры веса и длины. Например, в разных провинциях Ирана ман (мера веса для муки), исчисленный в граммах, отличался в несколько раз. Переход на метрическую систему

¹⁰⁹ АВР РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 128 (50765). Л. 9 с об.

также облегчал внешнеторговые связи экономических агентов, уменьшая вероятность недопонимания и нестыковок. С точки зрения проведения модернизации и централизации страны данный законопроект являлся крайне важным и ничем не уступал реформам в области права, образования и пр.

Порядок стал наводиться и по линии Министерства внутренних дел. Специальной комиссией были четко определены обязанности губернаторов и границы административных единиц. Министерство приняло решение о создании комиссии по разработке широкого плана всестороннего статистического изучения страны, а также о проведении ревизии полицейского управления Тегерана, где были обнаружены большие нарушения и растраты денежных средств.

Министерство финансов руками комиссии Мак-Кормака, одного из сотрудников миссии А. Мильспо, провело ревизию долгов ряда крупных феодалов перед бюджетом: правителя провинции Фарс Кавам уль-Молька Ширази, крупного бахтиарского хана Сардара Мохташама и правителя Арабестана шейха Хаззаля. Налоговая задолженность Кавам уль-Молька была определена в 138 тыс. туманов, 32 тыс. туманов из которых были взысканы немедленно, а ежегодные взносы в бюджет согласованы в размере 200 тыс. туманов. Прежние налоговые льготы, определявшиеся правительством в 50–60 тыс. туманов в год, сократились до 15 тыс. туманов. Долги Сардара Мохташама составили 74 тыс. туманов и были взысканы немедленно как деньгами, так и большим земельным участком в районе ворот Баге Шах¹¹⁰.

По линии Министерства юстиции проводилось расследование злоупотреблений со стороны судей, и в итоге многие из них оказались переданы дисциплинарному суду и приговорены к штрафам и временному отстранению от службы¹¹¹.

Наряду с указанными мероприятиями социального плана правительство начало строительство шоссейной дороги Солтанабад (Арак) – Харремабад (город в Луристане) – Дизфуль

¹¹⁰ Там же. Л. 11 об. Об урегулировании отношений с шейхом Хаззалем будет сообщено ниже.

¹¹¹ Там же. Л. 12.

(Арабестан, ныне Хузистан). Это был весьма серьезный проект как в экономическом, так и в военно-политическом плане. Дорога проходила через полунезависимый Луристан к владениям весьма своенравного фрондера, находившегося под покровительством англичан шейха Хаззая. Она должна была крепко связать Арабестан с центральной частью страны, символизировать окончательное замирение своенравных лурских ханов и конец феодального сепаратизма.

Экономическая роль трассы также была очевидна, поскольку она доходила до промыслов АПНК и впоследствии должна была достичь Мохаммеры – основного иранского порта, расположенного на реке Шатт эль-Араб (Арвандеруд), находящегося рядом с побережьем Персидского залива. Точных данных о стоимости данного проекта нет, но она была очень высока, по крайней мере с учетом масштабов иранского бюджета. Хотя генеральный администратор финансов А. Мильспо для отвода глаз заявлял, что строительство обойдется в 200 тыс. туманов, с учетом протяженности шоссе, сложности рельефа, большого количества горных рек названная сумма была сильно занижена. Сам Реза-хан утверждал, что дорога будет строиться как за счет средств бюджета Военного министерства, так и за счет денег, собираемых с феодалов: только шейх Хаззаль, имевший титул Сардар-е Экдас, «в подарок» уплатил 125 тыс. туманов. «Дарили» деньги и бахтиарские ханы¹¹².

Вопрос об установлении твердой власти центрального правительства на юго-западе Ирана становился одним из основных в деле централизации страны. В этом районе ключевой фигурой был шейх Хаззаль, благодаря английской поддержке обладавший высокой степенью автономности в отношениях с Тегераном. В ходе контактов правительства с ним англичане все время выступали в качестве миротворцев и посредников. С посреднической целью британский посланник в Месопотамии в октябре 1923 г. контактировал с шейхом.

В свою очередь А. Мильспо также договорился с Хаззалем о том, что часть собираемых налогов он будет отправлять

¹¹² АВР РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50764). Л. 14 с об.

в государственный бюджет. Хаззаль маневрировал и в знак своей покорности правительству согласился на уплату налогов и подарил для нужд армии два бронированных автомобиля. Для определения точных сумм его отчислений особая комиссия в начале ноября выехала из Тегерана в Мохаммеру. В ее составе были американский советник Маккормак, помощник директора миссии А. Мильспо по сбору косвенных налогов Солтан Мохаммед-хан Амери и начальник инспекционной секции Министерства финансов Мирза Хомаюн-хан. 26 ноября 1923 г. комиссия направила А. Мильспо телеграмму, в которой излагались результаты достигнутого с шейхом соглашения¹¹³:

1. Шейх выплачивает единовременно правительству 100 тыс. туманов.

2. 400 тыс. туманов выплачиваются в течение 20 лет ежегодными взносами по 20 тыс. туманов.

3. Сумма ежегодного взноса налогов с Арабестана фиксируется в размере 150 тыс. туманов. Сбирать эти деньги уполномочивается шейх Хаззаль.

4. Из 150 тыс. туманов выделяются средства на личное содержание шейха и на содержание войск, которые будут находиться в его ведении.

А. Мильспо в тот же вечер с нарочным переправил данную телеграмму Реза-хану, но поскольку тот находился на смотре войск, вручить ее адресату не удалось. Случилось так, что на следующее утро премьер-министр узнал полный текст телеграммы от английского посланника. Как способ ознакомления, так и условия соглашения вызвали его крайнее недовольство, а особенно то, что войска в Арабестане будут находиться в ведении Хаззалы. В беседе с одним из сотрудников советской миссии Реза-хан заявил, что «никакого соглашения о налогах он не признает. Шейх должен уплачивать налог согласно ежегодной разверстке и переоценке»¹¹⁴. Уже это делало очевидным, что конфликт правительства Сардар Сепеха с шейхом Хаззалем только начинается и его критическая фаза еще впереди.

¹¹³ Излагается по: АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50764). Л. 15 об.

¹¹⁴ Там же. Л. 16.

Как уже отмечалось, отношения между Реза-ханом и англичанами были непростыми. С одной стороны, они содействовали приходу к власти его правительства, усиленно распространяли слухи о том, что все положительные перемены являются результатом их добрых советов и содействия. Перси Лоррен в беседах указывал, что Сардар Сепак – единственный человек в Иране, с которым можно успешно работать, и был весьма оптимистичен в отношении будущего. Английская миссия усиленно распространяла слухи о некоем соглашении между Лондоном и Москвой, согласно которому советская сторона откажется от активной политики на Востоке и, в частности, в Иране. Естественным последствием этого мифического соглашения должно было стать возрастание влияния и веса Британии в Иране. А также англичане старались посредничать в урегулировании спорных вопросов между правительством и Хаззалем, постоянно склоняя его к небольшим уступкам.

С другой стороны, они постоянно выдвигали Реза-хану и правительству определенные требования. Прежде всего они хотели закрыть вопрос о высылке моджахидов из Месопотамии и решить его как-то по-свойски, без возбуждения антианглийских настроений в иранском обществе. Кроме того, британская миссия хотела, чтобы правительство восстановило права английских компаний на старые, в т. ч. выданные еще до Первой мировой войны, концессии на строительство железных дорог, особенно дороги Ханегейн – Казвин, которая являлась бы продолжением дороги Берлин – Бизантиум (Стамбул) – Багдад, что давало бы английским товарам возможность конкурировать с советскими товарами на севере Ирана.

Еще одним их требованием было признание правительством иранских долгов времен Первой мировой войны, а также субсидий и комиссионных (взяток) в размере 131 тыс. фунтов, выплаченных трем основным лоббистам заключения кабального для Ирана Англо-персидского соглашения 1919 г.¹¹⁵, и консолидации всех долговых обязательств иранского правитель-

¹¹⁵ Этими лоббистами были: Восуг од-Доуле – премьер-министр того времени, Носрет од-Доуле (принц Фируз) – министр иностранных дел и Сарем од-Доуле – министр юстиции.

ства. Ни одно из прошлых правительств этих долгов не признавало и, по словам министра финансов в правительстве Реза-хана Модир уль-Молька, новое правительство не признает тем более¹¹⁶. Наконец, англичане вместе с А. Мильспо продолжали тормозить вопрос о передаче концессии на разработку северной нефти компании «Синклер» и усиленно агитировали в пользу компании «Стандарт ойл оф Небраска», всячески затягивая принятие решения по данному делу.

Следует отметить, что созданию правительства Реза-хана способствовали не только англичане, но и советское полпредство. Об этом, в частности, говорится в одном из донесений Б.З. Шумяцкого от декабря 1923 г.¹¹⁷ Такая позиция идеологических и геополитических противников определялась тем, что сильное правительство Реза-хана в Тегеране считалось более приемлемым для всех по сравнению с распадающимся государством, охваченным выступлениями окраинных феодалов и племенных вождей. При этом англичане опасались захвата Советским Союзом территорий на севере Ирана, а советская сторона – захвата юга страны Великобританией.

Хотя, как отмечалось, премьер-министр был недоволен условиями сделки с шейхом Хаззалем, он считал, что время решения проблемы с этим шейхом еще не подошло, и обратил свои взоры на Луристан и Белуджистан. Данные провинции стали выходить из-под контроля центра после смерти Насер эд-Дин-шаха, когда тегеранские власти начали стремительно слабеть, и последовавшей в скором времени Конституционной революции. В Конституционную эпоху губернаторам старой школы еще как-то удавалось собирать налоги, хотя большая часть денег оседала в их собственных карманах, а не передавалась в Тегеран, но с началом Первой мировой войны фискальная связь и зависимость наместников от центра почти полностью прекратились. Этому способствовал ряд факторов, как природно-географических, так и политических. Луристан являлся горным районом с высокими хребтами, перевалами и глубокими

¹¹⁶ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 123 (50764). Л. 17 об.

¹¹⁷ АВП РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 128 (50765). Л. 4.

ущельями. Племена луров всегда отличались воинственностью и непокорностью. Белуджистан был обширной пустынной местностью со скудными водными ресурсами, что давало возможность белуджам, прекрасно ориентировавшимся на своей земле, совершать молниеносные набеги и растворяться в пространстве. И те, и другие природные условия создавали для местных племен большие возможности чувствовать себя достаточно уверенно в отношениях с тегеранским правительством.

К числу политических факторов следует отнести слабость центральной власти и интриги иностранных государств, прежде всего Англии, поскольку Луристан был зоной, где располагалась часть нефтяных промыслов АПНК, а лурские ханы находились на службе у компании, охраняя нефтепроводы и иные объекты, располагавшиеся на их территории. Белуджистан также имел для англичан немалое значение, т. к. воспринимался ими как буфер на пути к Британской Индии. Неслучайно в годы Первой мировой войны они предлагали иранскому правительству в обмен на финансовую помощь уступить права на этот район Великобритании.

Формально Белуджистан входил в зону ответственности керманского губернатора, который официально именовался «вали (наместник – прим. авт.) Кермана и Белуджистана», но в действительности его власть не распространялась далее Керманской области. Также и губернатор Луристана контролировал только небольшую часть провинции вокруг г. Буруджерда, который являлся его фактической резиденцией. В административный и географический центр провинции г. Хорремабад официальным властям удавалось попасть нечасто. Во внутренних районах Луристана, называвшихся «поштекух», что означает «за горой» с одноименным городом, представители тегеранских властей старались не появляться совсем.

Стратегическое значение Луристана определялось еще и тем, что он лежал на пути к владениям шейха Хаззаля, и подчинение юго-запада Ирана центральным властям без усмирения лурских племен было невозможно. Именно достижению этой цели служило строительство дороги Султанабад – Хорремабад – Мохаммера, начатое Реза-ханом. Для предупреждения

враждебных действий лурув, которым данный проект нравиться не мог, Реза-хан еще осенью 1923 г. направил войска в Луристан, которые сначала концентрировались в Буруджерде, а 13 декабря 1923 г. выступили в Хорремабад. Уже 15 декабря на подступах к этому городу произошло серьезное столкновение с лурами. В газетах очень туманная информация о нем появилась только 24 декабря того же года и не давала возможности понять, кто был инициатором боя. Сообщалось, что лурам удалось окружить первую колонну войск, но потом, умалчивая о судьбе этой колонны, говорилось об их полном разгроме и бегстве при потерях убитыми 200 человек, включая трех ханов. Потери же правительственной армии составили 16 человек¹¹⁸. Если учесть, что до этого в Хорремабаде спокойно при участии представителей правительства прошли выборы в Меджлис, в ходе которых туда приезжал губернатор, а направленные в город строители без проблем прибыли туда, то можно предположить, что данное столкновение явилось своего рода карательной экспедицией, тем более что в декабре большая часть племен уже перекочевала на юг в более теплые области, граничившие с Арабестаном.

Вскоре в столице стали распространяться слухи о том, что сражение происходило иначе, чем было сообщено в газетах. Правительственные войска якобы потеряли до 400 человек убитыми, а луры ушли в горы, и их никто не преследовал. Неудача объяснялась тем, что из-за ошибок в снабжении патроны у солдат не соответствовали калибру их ружей. Однако в любом случае, независимо от того, как протекало столкновение, правительственные войска заняли Хорремабад, обеспечивая возможность строительства шоссе Хорремабад – Мохаммера.

В декабре правительственный отряд двинулся из Кермана в Белуджистан и имел боестолкновения с белуджскими племенами, в которых одержал победу. В результате местный феодал Заргам ос-Салтане подчинился правительству, а войска вошли в город Рудбар.

Следует отметить, что с учетом значения для английских интересов ситуации в Луристане и Белуджистане они не выка-

¹¹⁸ Там же. Л. 5 об.

зали заметного беспокойства по отношению к событиям в этих провинциях. Вероятно, причиной такой реакции стало то, что данные успехи иранской армии пока еще слишком незначительно приблизили ее к чувствительным для Англии зонам – Месопотамии и Британской Индии. Иным было их поведение по отношению к попыткам Реза-хана подчинить себе шейха Хаззала и Арабестан, когда они не без участия американской финансовой миссии добились мягкого подчинения шейха центральному правительству, выторговав для своего протеже почетные и достаточно выгодные условия, позволившие ему все еще оставаться полновластным правителем этой провинции. Хотя шейх получил рассрочку в выплате налогов и долгов по налоговым взносам за прошлые годы, право и впредь собирать налоги в Арабестане и даже оставаться номинальным начальником войск, расположенных там, Реза-хану удалось нанести первый удар по его могуществу.

Перемены в политическом истеблишменте, отъезд шаха и нескольких влиятельных принцев, чисто номинальное регентство Мохаммед Хасан Мирзы привели к тому, что влияние шахского Двора резко сократилось. На его место пришел своеобразный «Двор» премьер-министра. Еще когда Реза-хан был только военным министром, около него, как и вокруг любой сильной личности, начали собираться разного свойства люди, искавшие чинов, денег и всевозможных выгод. Они исполняли роль порученцев, помощников и агентов. С приходом Сардар Сепеха к власти они начали стремительно превращаться в своего рода придворных. Его «Двор» получился значительно более оживленным, чем шахский, что было вполне естественно, поскольку реальные дела страны и деньги решались и распределялись именно там. Таким переменам способствовало и то, что Реза-хан запретил многочисленным просителям докучать министерствам и мешать их работе, но назначил два дня в неделю (воскресенье и понедельник) для личного приема посетителей у себя дома и уделял этому 4 часа.

Жалобщиков, просителей и сплетников было так много, что хозяин, старавшийся вначале быть любезным, стал раздражаться и некоторых лично выпроваживал из зала, где вел прием.

Посетители просили всего: от назначения на должность зубного врача в армию до поста губернатора какой-либо провинции. Доставалось всем. Любимчик премьер-министра издатель газеты «Шефаге Сорх» Али Дашти, происходивший из семьи религиозного деятеля, однажды явился к Реза-хану домой в военном френче, галифе и белой чалме. Этот странный наряд вызвал гнев премьер-министра, уже раздраженного многочисленными посетителями, поэтому в ответ на приветствие ходока он ответил: «Ты кто? Военный или поп? Если военный, то уходи в военное министерство. А если поп, то поди и надень аба (верхняя одежда лиц духовного сословия – прим. авт.)»¹¹⁹. Опешивший Дашти развернулся, ушел и более не возвращался.

Доставалось и другим сторонникам премьер-министра. Так, престарелый Хаджи Мирза Яхья Доувлетабади, увидев, что в зале, где шел прием посетителей, нет свободных стульев, самовольно сел на кресло по правую руку от Реза-хана, на которое могли садиться только по приглашению хозяина. Это вызвало взрыв со стороны Сардар Сепеха, резко отчитавшего старика при большом скоплении народа. Бывшего депутата Меджлиса четвертого созыва, пришедшего требовать должность губернатора в Йезде, он лично выставил из зала¹²⁰.

Тем не менее волна просителей не спадала. Один из сотрудников советского полпредства, посещавший Реза-хана в конце декабря 1923 г., передавал следующие слова премьер-министра, задумчиво глядевшего в окно: «А я смотрю и делаю смотр всем этим господам, разгуливающим по двору». На замечание, что число посетителей как будто уменьшается и в прежние приемы их было больше, Реза горько усмехнулся и ответил: «А вы были в салоне? Видели, сколько их там сидит? На стульях не уместятся, на пол садятся. Я даже боюсь, что мой дом завалится»¹²¹.

Естественно, как и при любом дворе, там стало расцветать взяточничество со стороны фаворитов нового правителя. Кроме «придворных», готовых за вознаграждение посодействовать ходокам, взятки стали брать и некоторые министры. Сильно

¹¹⁹ АВР РФ Ф. 04. 1923. Оп. 18. П. 117. Д. 128 (50765). Л. 13.

¹²⁰ Там же. Л. 13 об.

¹²¹ Там же. Л. 14.

отличился на этом поприще Адль уль-Мольк, заместитель премьер-министра и лидер «Независимых демократов» – карманной партии Реза-хана. Злоупотребления наблюдались и в высших военных кругах. Главный казначей армии Реза Голи-хан, за несколько лет до того живший на 30 туманов в месяц, вдруг стремительно разбогател, начал строить большой дом в Тегеране, завел скаковую конюшню и позволял себе прокутить по 300 туманов за вечер. Но более всех прославился Ходаяр-хан, совмещавший в себе «придворного», фаворита и министра почт и телеграфов. Такого рода действия производили негативное впечатление на окружающих.

Следует отметить, что и сам Реза-хан не чурался приобретать собственность, принадлежавшую другим лицам, путем ее конфискации, в виде подарков или какими-то иными способами. Информация об этом становилась известной, однако в то время общество, учитывая его заслуги перед страной, не придавало такого рода фактам большого значения и смотрело на них сквозь пальцы.

С учетом изложенного очевидно, что сразу после прихода к власти правительство Сардар Сепеха в конце октября 1923 г. достаточно энергично принялось за реформирование страны по всем направлениям: борьба с сепаратизмом, наведение финансовой дисциплины, реорганизация в сфере управления страной, образования, правовой системы и пр. При этом язвы, характерные для эпохи Каджаров, сопровождали и начальный период преобразовательской деятельности нового премьер-министра. Его опыт личного приема просителей при всей кажущейся неудачности, несомненно, был очень важен. Он показал реформатору, что самым узким местом в модернизации страны является архаичность сознания грандиозного большинства населения, в первую очередь представителей элиты, которые должны были стать главными проводниками, приводными ремнями всех перемен, задуманных им. И именно на подготовку новых кадров, нового человека необходимо направить самое пристальное внимание и прилагать огромные усилия, чтобы в конце концов сформировать в стране человека эпохи модерна, хотя, конечно, такого выражения (эпоха модерна) Реза-хан не знал.

Глава IV

ДВИЖЕНИЕ ЗА РЕСПУБЛИКУ

С января 1924 г. в Иране начало подниматься антидинастическое движение, которое сочеталось с борьбой за установление в стране республиканского строя. За ним стоял Реза-хан, находившийся под впечатлением кемалистской революции в Турции, совершенной Ататюрком¹²². Также стимул республиканским настроениям придал отъезд Ахмед-шаха в Европу. Республиканская эпопея заняла три месяца и могла существенно скорректировать траекторию социально-политической эволюции страны в долгосрочной перспективе, а возможно, и почти на весь XX в. Уже поэтому события января – марта 1924 г. нуждаются в подробном рассмотрении и анализе.

Отечественной иранистикой попытке смены политической системы уделялось определенное внимание, особенно в 60-е гг. В частности, О.С. Меликов дает следующую оценку движению за республику: «... следует считать неверной мысль, что “республиканское движение” 1924 года началось в низах и было народным. Это было даже не движение, а кампания. “Республиканское движение” 1924 года было в действительности тактическим ходом резахановского помещичье-буржуазного блока. Эта кампания, правда, нашла отклик среди некоторых слоев населения, поверивших было в искренность тех, кто ее возглавлял. <...> Реза-хан использовал кампанию, но не для установления республики, а для ослабления своих противников, т. к. тогда он не был еще настолько силен, чтобы выдвинуть свою кандида-

¹²² Как отмечалось в соответствующей главе, 28.10.1923 г. Реза-хан официально стал премьер-министром Ирана. На следующий день по стечению обстоятельств была провозглашена Турецкая республика во главе с ее первым президентом Мустафой Кемалем.

туру в монархи. <...> Когда же дело было сделано, т. е. авторитет Каджарской династии даже внутри лагеря феодалов был подорван, а они сами достаточно напуганы, то от идеи республики сразу же отказались»¹²³.

Иной точки зрения придерживается К. Асадулаев, который вступает в полемику с О. С. Меликовым и отмечает: «Таким образом, крупные масштабы республиканского движения, противоречивость мнения в республиканском лагере по вопросу формы перехода к республике, стремление реза-хановского блока путем немедленного объявления в Иране республики лишить широкие слои народа активного участия в смене формы правления в стране, двойственная позиция Реза-хана в отношении республиканского движения и другие факты свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что инициаторами этого движения были не сторонники Реза-хана, как утверждает О. С. Меликов, а оно возникло стихийно, снизу, в результате всеобщего недовольства властью Каджаров»¹²⁴.

С. Л. Агаев, хотя в фокусе его внимания находилась иранская внешняя политика, также затрагивает вопрос о республиканском движении. Он как бы солидаризируется с мнениями обоих авторов: «Кампания была начата сторонниками Реза-хана, стремившегося использовать ее для свержения династии Каджаров, чтобы стать президентом республики, и радикально-демократическими кругами иранского общества, искренне заинтересованными в установлении республиканского режима»¹²⁵.

Следует упомянуть, что данный эпизод иранской истории ранее кратко рассматривал и А. З. Арабаджян, отмечая двойственный характер сил, выступавших за смену политической системы Ирана, и их разное понимание того, какая республика нужна стране: «В первые дни открытия пятого Меджлиса эта фракция (прорезахановская фракция «Таджаддод» – *прим. авт.*) выдвинула лозунг “Немедленной республики” ради скорейшего достижения своей цели. Однако выступление этой

¹²³ Меликов О. С. Установление диктатуры Реза-шаха в Иране. М., 1961. С. 75–76.

¹²⁴ Асадулаев К. Свержение династии Каджаров в Иране (1920–1925). Душанбе, 1966. С. 103.

¹²⁵ Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. М., 1970. С. 130.

фракции наталкиваются на резкое сопротивление, на противодействие группы депутатов, представляющих мелкую и среднюю национальную буржуазию во главе с Сулейманом Мирзой. Эта группа выступает с лозунгами “Долой немедленную республику, созданную без участия народа и с участием и вмешательством иностранцев! Да здравствует народная республика, которая может быть установлена лишь Учредительным собранием, свободно избранным!”»¹²⁶

Как видно из приведенных материалов, в советской науке по данному вопросу существовал значительный разброс мнений. Для того чтобы разобраться в характере республиканского движения, определить его движущие силы, попутчиков и противников, необходимо воссоздать, порою по дням, весь ход событий, что и будет сделано в настоящей главе.

В публичной сфере все началось с агитации в нескольких газетах за республику, против Ахмед-шаха и всей династии Каджаров. В феврале уже почти все газеты рассуждали на эту тему, поскольку их редакторы не решались отстать от своих политически более чутких и информированных коллег. Данная кампания щедро финансировалась из различных источников. Попыток остановить поток критики в адрес шаха, порою носившей оскорбительный характер, не делалось. Кампания была настолько массовой и, казалось бы, стихийной, что уже никто не старался сделать вид, что премьер-министр в ней не заинтересован.

В частности, газета «Сетаре-йе Иран» в номер от 10 февраля 1924 г. поместила статью под названием «Иран и республиканский образ правления». В ней почти ничего не говорилось о том, что такое республика, но жесткой критике подвергались династия и шах. Она заканчивалась уверенностью в том, что народ обязательно сбросит ненавистную династию и призовет к власти «возлюбленного» Сардар Сепеха даже против его желания, даже насильно¹²⁷. Газета любимца Реза-хана Али Дашти «Шефаг-е сорх» поместила фотографию шаха в евро-

¹²⁶ Арабаджян А. З. Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1952. Т. 1. С. 199.

¹²⁷ АВП РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50801. Л. 10 об.

пейской одежде и начала свою статью словами: «Вот он – Его Величество Солтан Ахмед-шах, променявший корону персидского царя царей на пошлую шапчонку»¹²⁸. Поскольку всем была хорошо известна необычайная близость этой газеты к премьер-министру, то данная статья задала тон всем последующим публикациям тегеранской прессы.

«Сетаре-йе Иран» 13 февраля 1924 г. опубликовала статью под названием «Два государя. Параллели», в которой сравнивались шах и эмир Афганистана Аманулла-хан. Сравнение было не в пользу иранского монарха, которому припомнили все: как он в период голода 1917–1919 гг. из своих личных амбаров продавал втридорога зерно, закупленное ранее по низким ценам, его «французских мамзелей», пристрастие к европейской одежде, скупость в Иране и щедрость в Европе. Афганский эмир представлен правителем, произносившим зажигательные, патриотические речи при большом стечении своих подданных, а Ахмед-шах произносит речи только у себя в эндеруне (внутренние покои) об акциях, облигациях и курсах валют. Афганский эмир отказался от содержания за счет казны, а шах незадолго до отъезда увеличил свое денежное содержание на 10 тыс. туманов в месяц. Статья завершалась бессвязными экзальтированными восклицаниями: «Нельзя терпеть <...> Нельзя сносить более этого срама <...> Этому должно положить предел <...> Это не шах, а какой-то сплошной позор <...> Это не шах, а какой-то полоумный потаскун»¹²⁹.

На фоне столь страстных поношений и обвинений шаха ничего не говорилось о республиканском обустройстве общества. Изредка публиковались туманные рассуждения о том, каков по духу персидский народ: республиканский или монархический, а также мысли никому не известных мулл о том, что лучше соответствует духу ислама – монархия или республика.

Газеты не упускали случая опубликовать не самые лестные отзывы о шахе в европейской прессе. В частности, «Шефаг-е Сорх» 21 февраля 1924 г. напечатала перевод на персидский язык

¹²⁸ Там же. Л. 11.

¹²⁹ Там же.

песенки французского поэта-рифмоплета, сочинителя стишков сомнительного свойства Рауля Поншона «Шах и его девственницы», полный подстрочный перевод которого приводится ниже:

Шах и его девственницы¹³⁰

Стихотворение Рауля Поншона

О! Десять девственниц! Он хвалится,
Ну что за крутой парень!
Не говоря уже о горничной – кто знает?
Ничто не свято для соломенного жуира¹³¹.

Что до меня, то черт меня возьми,
Если я лгу, но я клянусь вам,
Что их на десять больше, чем во сне
Могло бы мечтать мое сердце.

Но кроме всего он – пастор, проповедник.
Он – шах, почти что божество,
Шах нам не ровня,
Что бы там ни говорил Малерб Бретонский.

Но наш-то, в некотором роде,
Шах шахов, король шахов:
О, правитель Блистательной Порты¹³²,
К нему ты никогда не будешь близок!

Как бы то ни было, что до девственниц,
То их искали мы долго и тщетно.
И десять девственниц найти сложнее нам,
Чем выпить бокал красного вина.
Порода редкая – но не такая уж и редкая:

Начнем с того, что было их лишь девять,
Когда, в конце концов, престарелая англичанка
Представилась, утверждая, что и она все еще
(девственница)...

Все десять мускатом и бальзамом
Облиты с ног до головы,
Пропитаны они тринадцать раз,
Как предписал то Царь царей библейский.

¹³⁰ Подстрочный перевод с французского выполнен А. Асланяном.

¹³¹ Соломенным жуиром Ахмед-шах назван за его пристрастие надевать в сочетании со светлыми летними костюмами широкополую соломенную шляпу.

¹³² Блистательная Порта – название Османской империи, и Рауль Поншон ошибочно называет Ахмед-шаха ее правителем.

Их нарядили в легкое убранство,
А именно, если уточнить,
Венчали лишь одним... цветком розы.
И шаху их представили: вот все они...

«Сир, ваши десять девственников, –
Сказал евнух, – вот они.
И думаю, у этих десяти девиц
Нечего отнять или (увы!) прибавить».

И вот, обращаясь к первой,
Шах говорит лишь: «Добрый вечер»,
А ко второй, с присущей ему
Учтивостью, «Иди-ка, сядь».

Ну а третьей... третьей...
Что же он ей там сказал?
Ах, знаю, – он сказал ей, «Третья?
Уж хватит, насмотрелся на тебя я».

Четвертой: «Мадам,
Мы с вами долго не увидимся».
А пятой: «Душой клянусь,
Грудь ваша дождем прольется на меня».

Шестой, блондинке обнаженной,
Он бросил следующую фразу:
«А ты, блондинка, продолжай».
Седьмой: «Уж поздно, принеси-ка

Мне тапочки мои».
Восьмой: «Мальш мой,
Прикрой один из трех своих камуфлетов,
Сказали мне, что три – плохая то примета».

А англичанке крикнул в ярости:
«Мою квартиру
Не принимаешь ли ты за свою конюшню,
Ты, старая кобыла?»

Ну а последней, десятой,
Что же заявил? Да ничего.
Она подтерлась лишь платочком,
Да услышат меня мои читательницы!

Но, если верить словам
Из «Пера-Газетт»,
Подцепил он от нее... колики,
А то и вовсе холеру.

Разумеется, публикация такого стихотворения в мусульманской стране традиционной культуры была недопустима в принципе, но в отношении законного государя она была совершенно неприемлема и оскорбительна.

«Кушеш» в номер от 25 февраля 1924 г. поместила фото улыбающегося шаха в элегантном светлом костюме, канотье и с тросточкой в руке рядом с изящной дамой и подписала этот снимок: «Народ, шах, над тобой смеется». Под фото имелось пояснение: «Шах Персии, приехавший, чтобы отдохнуть от умственного переутомления, в город Анвиль, развлекается со своей приятельницей г-жой Астурсье на теннисной площадке»¹³³. Исходя из того, как хорошо иранские газеты были проинформированы о почти каждом шаге шаха в Европе, можно полагать, что Реза-хан имел там своих осведомителей. Вероятно, ими были члены небольшой делегации, направленные для рекламирования перемен в Иране с целью привлечения иностранных капиталов в страну.

Шахский Двор пытался как-то ответить на эту кампанию, и в двух маленьких газетах «Насер уль-Мелли» и «Джануб» были опубликованы статьи в защиту монарха и наследника. Это не произвело никакого впечатления в обществе, но не прошло мимо Реза-хана, который вызвал к себе редактора первой из них, лично допросил его и выслал из города. Более данные газеты не выходили.

Важным моментом для понимания перспектив республиканского движения было отношение к нему со стороны Великобритании и иранского общества вне пределов официальной прессы и сторонников премьер-министра из числа представителей политической элиты. Англичане, по обыкновению, занимали двойственную позицию: их адепты оказались в обоих лагерях. Если бы можно было судить только по подконтрольным Реза-хану газетам, то создавалось впечатление, что у республиканского движения не было противников, однако в народе такого единодушия не наблюдалось. В своем большинстве духовенство этой идеи совершенно не поддерживало.

¹³³ АВР РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50801. Л. 11 об.

Базар занимал выжидательную или даже отрицательную позицию, и чем больше пропагандировали идею республики газеты, тем более враждебно к ней относилось духовенство, купечество и ремесленники.

Реза-хан прекрасно понимал реальное положение дел и, решив выяснить отношение англичан к республиканскому движению, провел встречу с посланником Перси Лорреном. В ходе беседы ему не было дано никакого ясного ответа. Правда, Лоррен выразил удивление тем, что большевики не высказываются в поддержку республики как «более близкой им формы правления»¹³⁴. А прежде чем обсуждать главную тему встречи, английская сторона предложила премьер-министру ликвидировать накопившуюся задолженность и провести консолидацию иранских долгов перед Великобританией. В результате вопрос о долгах стал активно обсуждаться, и стороны сошлись на том, что они составляют около 1,6 млн фунтов, т. е. половину от запрошенной изначально англичанами суммы¹³⁵.

Тем временем сторонникам перемены строя было необходимо определить, каким способом произойдет данный поворот. По мнению многих, первым шагом должен был стать отказ депутатов от присяги шаху и конституции. Сторонники Тадай-она предлагали ускорить процесс отказом утвердить гражданский лист, прекращая тем самым выплаты средств шаху, наследнику, принцам и двору, и этим заставить шаха отречься от престола. Наряду с этим в главные провинции страны предполагалось отправить военных губернаторов, сторонников Реза-хана, которые проведут подготовку на местах. После того, как все мандаты депутатов будут утверждены мандатной комиссией, парламентарии откажутся от присяги, данной правящей династии, т. е. парламент как бы прекратит работу. Когда это произойдет, то по всей стране предполагалось провести референдум. Провинции, контролируемые военными губернаторами, созывают местных уважаемых людей, которые после проведенной ранее подготовки выскажутся за изменение конституции

¹³⁴ Там же. Л. 12 об.

¹³⁵ Там же.

и республику. После такого референдума, проведенного оперативно в течение месяца, Меджлис, опираясь на волю народа, возобновит свою работу и окончательно оформит смену формы государственного устройства¹³⁶.

Касательно формы самой республики (президентская, парламентская и пр.) депутаты не задумывались. Было лишь известно, что Реза-хан выразил желание, чтобы президент, т. е. он сам, избирался на 15 лет. Правда, многие его сторонники считали, что он по примеру Мустафы Кемаля должен стать пожизненным президентом. Так, один из газетных трибунов Реза-хана Али Дашти – издатель газеты «Шефаг-е сорх» – в воспоминаниях, изданных в 1975 г., описывая свое настроение того периода, отмечал: «Я был молод. История Второй Республики и французской революции будоражила мою фантазию. Кроме того, распад германской, австрийской, русской и османской империй сделал меня сразу сторонником республики. Я думал, что если высить гимн республики, то немедленно все сторонники свободы соберутся под знамена Сардар Сепеха, а Советский Союз сразу ее поддержит. <...> Эти юношеские возбуждающие фантазии захватили меня. Я много раз обсуждал свои взгляды с Сардар Сепехом, который тогда был премьер-министром, и хорошо помню, что этот человек, который изменил ситуацию к лучшему и в каждом деле и при принятии решений всегда был обстоятелен и логичен, был обеспокоен следующим вопросом: “Если учредится республика, то кто гарантирует, что я останусь во главе ее?” Мы полагали, что этот вопрос должен быть гарантирован новой конституцией, которая будет написана для республики, и он будет оставаться пожизненным ее президентом. <...> Признаю, что эта мысль была сырой и необдуманной, но меня постоянно беспокоила и страшила мысль о том, что Сардар Сепех займет пост премьер-министра. Я считал, что он должен оставаться или военным министром, чтобы держать правительство в кулаке, или стать выше премьер-министра, чтобы правительства действовали сообразно его взглядам»¹³⁷.

¹³⁶ Там же. Л. 12 об., 13.

¹³⁷ Дашти А. Панджах ва пандж. Тегеран, 1354. С 127–129.

Проправительственные газеты, а иных тогда не было, продолжали республиканскую кампанию. «Кушеш» в номере от 3 марта 1924 г. поместила статью «Пусть шах возвратится – его постигнет суд и возмездие», которая была иллюстрирована перепечаткой французских литографий, изображавших Людовика XVI, прощающегося со своей семьей, и сценой его казни. К кампании присоединились и совсем новые газеты, созданные благодаря щедрому финансированию, в частности, газета «Таджаддо». Новым моментом на фоне повторявшихся газетных статей стала публикация телеграмм с мест, которые писались под контролем сторонников Реза-хана и, естественно, были направлены против династии и за республику. При этом в них сверх всякой меры восхвалялся Сардар Сепак.

Республиканцы понимали, что одними газетными публикациями дела не выиграть – нужны массовые демонстрации и митинги. Однако робкие попытки организовать такие мероприятия, предпринимавшиеся с февраля, встречали враждебный прием.

Один из митингов был организован 5 марта 1924 г. Газеты писали, что он прекрасно прошел и собрал 5 тыс. человек, но в действительности он провалился. Советское полпредство сообщало о данном событии следующее: «Никаких 5000 участников, разумеется, на нем не было. По самому широкому подсчету оных было 300 человек, да и то из этих 300, по крайней мере, половина была подсадными для его срыва. <...> Устроители не сумели найти для этой цели даже порядочных ораторов. Первым выступал некий Саи, оказавшийся беспомощным любителем и к тому же отчаянным заикой, речи которого сразу привели толпу в веселое состояние. <...> Вторым выступал Сеид Шукралла, франтоватый раскормленный присяжный поверенный, который не только не сумел побороть смешливого настроения собравшихся, но, наоборот, ухитрился его еще усугубить своими необыкновенно уморительными жестами. <...> На кафедру поднялся Пехлеванзаде – сын придворного борца Насер Эд-Дин-шаха. <...> С места в карьер он заявил присутствующим, что они “как прирожденные педерасты, одного поля ягоды с Каджарами и такие же прохвосты”. <...> Возмущен-

ные слушатели набросились на него и начали его избивать»¹³⁸. Приведенное свидетельствует о том, что никто из организаторов республиканского движения, хотя среди них имелись прекрасные ораторы, не рискнул прийти на митинг. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что, ретиво выполняя желание Резахана по агитации за республику, они понимали, что данная идея в народе популярностью не пользуется. Неудача с прореспубликанским митингом стала первым тревожным сигналом.

Несмотря на это, 7 марта 1924 г. в газетах было опубликовано объявление о том, что 9 марта в 15.00 в мечети Сепак Салар состоится новый большой митинг против династии Каджаров. Было анонсировано выступление ярких ораторов – редактора газеты «Иран-е Ноу» Зия уль-Ваэзина и депутата Меджлиса от города Исфагана Хаджи Мирза Яхья Довлетабади. Казалось, что новый митинг, с учетом фигур ораторов и того, что местом его проведения была избрана самая большая мечеть Тегерана, должен пройти успешно.

В действительности все прошло совсем не так. Прежде всего, видные ораторы, записавшиеся заранее, были обескуражены результатами первого митинга, когда выступавших побил толпа. Также первый опыт оказал определенное влияние на общество явно не в пользу республики. Сами республиканцы были напуганы и, несмотря на принятые меры по охране мероприятия усиленными нарядами полиции, депутат Довлетабади испугался и, сказавшись тяжело больным инфлюэнцей, не явился. Первый оратор также заболел, но все-таки оказался вынужденным явиться на собрание, правда, с опозданием на полтора часа. Его почти силой привез один из организаторов митинга – редактор газеты «Сетаре-йе Иран». Людей пришло больше, чем в первый раз, но немного. По отзывам прессы, оратор говорил больше часа и имел большой успех, но по неофициальным сведениям «успеха никакого не было, и настроение присутствующих было более чем прохладным»¹³⁹. Правда, резких выступлений против республики также не прозвучало, что

¹³⁸ АВР РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50802. Л. 8, 9.

¹³⁹ Там же. Л. 15.

определялось наличием большого числа полицейских. Для внушительности за митингом наблюдал сам полицмейстер и комендант Тегерана полковник Мохаммед-хан. Однако не обошлось без мелких происшествий. Какой-то религиозный деятель допускал критические высказывания в адрес республики. Освещая данное событие, газета «Сетаре-йе Иран» обозвала его каким-то сеидом из Месопотамии, не имеющим никакой привязанности к Ирану, и сообщала, что за свое выступление ему сделали порицание и устроили головойку¹⁴⁰.

Все эти тревожные симптомы не обескуражили республиканцев, и они были уверены в успехе, имея поддержку сверху. Тадайон и его группа считали пропаганду республиканской идеи делом бесполезным и почти не вмешивались в такие, на их взгляд, мелочи, как подготовка митингов. Они следовали своему плану, который сводился к почти декларативному провозглашению республики, тем более что их фракция контролировала Меджлис. Проявлением их линии стала публикация в газете «Таджаддод» Резолюции исполнительного Комитета партии независимых демократов. Эта партия была создана для продвижения интересов Реза-хана и при поддержке военных властей сумела провести в Меджлис около 30 своих членов. Можно сказать, что партия и была центром республиканского движения. Опубликованная Резолюция гласила:

«В дополнение к Декларации от 14 марта с. г. Исполнительный комитет партии независимых демократов объявляет следующую Резолюцию, которую она (партия – *прим. авт.*) вынесла на своем заседании 14 марта с. г.:

Первое. Он (комитет – *прим. авт.*) объявляет, что с сего числа и впредь Ахмед Мирза, Каджарская династия прекратили свое существование, монархия упразднена и в Персии устанавливается республика.

Второе. Он предоставляет Меджлису право изменить конституцию и теперешний режим и заменить его республиканским.

Третье. Члены партии в столице и в провинции обязуются приложить все старания и усилия к тому, чтобы всеми воз-

¹⁴⁰ Там же.

возможными способами провести вышеозначенную резолюцию в жизнь.

Четвертое. Депутаты Меджлиса, входящие во фракцию независимых демократов, обязуются в кратчайший срок провести вышеупомянутое постановление в законодательном порядке.

16.03.1924.

Исполнительный Комитет
партии независимых демократов Персии»¹⁴¹.

Приведенный документ с точки зрения права должен трактоваться как попытка осуществления государственного переворота, поскольку партия неуполномочена решать судьбу страны, принимая такие декларации в обход существующей процедуры и конституции. Однако сторонники переворота были настолько уверены в своих силах, что считали нужным действовать совершенно открыто, ничего не боясь. Некоторые основания для такой уверенности у Тадайона были, т. к. его фракция в Меджлисе насчитывала уже 52 человека за счет присоединившихся депутатов, желавших приобщиться к близкому, как тогда казалось, успеху и получить свою долю наград и привилегий. Кроме того, ряд депутатов, не входивших во фракцию, обещали Тадайону свою поддержку, понимая, что республиканцы выполняют волю самого Сардар Сепеха.

Социалистическая партия в начале республиканского движения хотела занять позицию полного нейтралитета, вероятно, опасаясь, что в случае неудачи Реза-хан сможет обвинить ее в провале. Правда, по рекомендации советского полпредства партия решается начать обсуждение данного вопроса и 16 марта 1924 г. помещает следующее объявление: «Центральный исполнительный комитет партии социалистов приглашает всех единомышленников и свободолюбцев, желающих перемены режима и установления республики, пожаловать в понедельник 17 марта с. г. к четырем часам пополудни на лекцию, которая будет проходить на эту тему в клубе партии, помещающемся на площади Бахarestан. Управделами ЦИК партии Насер оль-

¹⁴¹ Там же. Л. 16, 17.

Ислам Гиляни»¹⁴². Также представители партии приняли участие в митинге 19 марта 1924 г., который будет освещен нами позднее. Наиболее последовательным и убежденным сторонником идеи республики был лидер социалистов Сулейман Мирза.

Следует отметить, что некоторые из иранских коммунистов также были склонны поддержать Реза-хана и его республиканское движение, полагая, что смена формы правления приведет к демократизации в стране и облегчит условия работы для ИКП. Однако эта позиция была раскритикована рядом руководителей партии, и она выступила с разоблачениями по поводу планов Реза-хана¹⁴³.

Ажиотаж вокруг республиканского движения был так велик, что захватил даже ряд представителей тегеранской родовой аристократии и бюрократии. В этих кругах главную организационную роль играл Мошар уль-Молюк, вернувшийся из эмиграции после высылки за участие в «заговоре» против Реза-хана. Приехав в Иран, он сразу же предложил премьер-министру свои услуги по реализации республиканского проекта. Им было организовано три собрания знати, по результатам которых газета «Сетаре-йе Иран» опубликовала следующую резолюцию:

«Мы, нижеподписавшиеся, вполне уяснив себе вредоносность существующего положения вещей, и будучи уверены в том, что продолжение подобного порядка являлось бы равносильным гибели родины, объявляем себя солидарными с теми чувствами, которые ныне проявляют дорогие соотечественники и приглашаем всех, кому не чужды интересы отечества, приложить согласие и дружеские старания к разрешению сего вопроса. Иначе говоря, к приспособлению основных законов к современным нуждам и утверждению республиканского образа правления в согласии с всеобщим желанием, дабы Национальное Представительское Собрание могло как можно скорей приступить к назначению выборного главы государства и воздвигнуть на твердых основаниях органы нового правительства»¹⁴⁴.

¹⁴² Там же. Л. 36.

¹⁴³ Хатерат-е сийаси-йе Ардешир Аванесиан. Бе кушеш-е Али Бехдаши. Техран, 1378. С. 25.

¹⁴⁴ АВП РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50802. Л. 18.

Данную бумагу подписал 41 человек, все они в разные годы являлись премьер-министрами, министрами, губернаторами, послами и пр. Среди них были такие видные фигуры иранского политического истеблишмента, как Сепакхалар, Самсам ос-Салтане, Мохбер ос-Салтане, Мохташем ос-Салтане, Мошавер уль-Мамалек и даже родовитый принц Фарманфарма. Опубликовав указанную резолюцию, подписанты 15 марта 1924 г. под предводительством Мошар уль-Молька прибыли в дом к Реза-хану и, как писала «Сетаре-йе Иран» в номере от 17 марта 1924 г., засвидетельствовав ему «республиканские чувства, которые они разделяют со всем народом, передали соответствующий адрес»¹⁴⁵. К сожалению, в некоторых отечественных работах этот эпизод получил неточное, а порою и совершенно ошибочное толкование¹⁴⁶.

Сами республиканцы делились на две группы: военные и гражданские. Военные состояли из генералитета, старшего офицерства столицы и высших офицеров в провинциях. Формально эта группа стояла в стороне от политики. Среди штатских республиканцев сформировалось руководящее ядро из независимых демократов во главе с Сеид Мохаммед Тадайоном, который по-своему являлся яркой фигурой.

С начала политической карьеры Тадайон был очень близок к английской миссии. В период Конституционной революции издавал на деньги неизвестного происхождения газету «Тадайон» (благочестие). От этого и произошло его прозвище, которое позднее превратилось в фамилию. В 1919 г. он яростно агитировал за кабальное Англо-персидское соглашение. Такая позиция помогла ему избраться в Меджлис четвертого созыва, подбор депутатов для которого плотно контроли-

¹⁴⁵ Там же. Л. 19.

¹⁴⁶ В частности, С. Л. Агаев пишет: «Реза-хан был вынужден отказаться от идеи установления своей власти путем провозглашения республики. Благодаря этому 40 представителей феодального лагеря, поддерживавшие до того Каджаров, опубликовали заявление о своей поддержке Реза-хана» (Агаев С. Л. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. М., 1970. С. 130). При этом он ссылается на упомянутое нами исследование О. С. Меликова, который, описывая указанный эпизод, ничего подобного не пишет. Но главное то, что, как мы показали выше, данное заявление о поддержке Реза-хана и самой идеи республики было сделано до того, как Сардар Сепак от нее отказался.

ровался англичанами. В Меджлисе Тадайон формально выступал с левых позиций и с небольшой группой своих сторонников примкнул к Национальному блоку. Однако в критический момент борьбы за кабинет Мостоуфи уль-Мамалека он вышел из блока, чем нанес ему и правительству сильный удар. В это время он окончательно выбирает в качестве своего политического патрона Сардар Сепеха и создает партию независимых демократов, становясь самой крупной фигурой среди своих сторонников. Во время выборов в Меджлис пятого созыва он обещает своему патрону, что от Тегерана будут избраны только члены его партии, но этого не получается. Однако с помощью военных он сам проходит в парламент от Бирджанда и проводит ряд своих людей от других маленьких городков. Такой исход дела позволяет ему восстановить пошатнувшуюся было в глазах Реза-хана репутацию, и когда после отъезда шаха из Ирана премьер-министр объявляет себя республиканцем, Тадайон становится самым энергичным сторонником данной идеи или, как замечал аятолла Модаррес, главным руководителем «Реза-хановского эскорта»¹⁴⁷. По сути приведенный выше план смены политической системы был придуман именно им. При реализации указанного плана главной его опорой и движущей силой должна была стать устрашающая фигура Сардар Сепеха, являвшегося, по убеждению Тадайона, единственной легитимной силой в стране. Она, формально оставаясь в стороне, оказывала бы мощное давление на общественное мнение и параллельно с этим через военных на местах могла воздействовать на народ и противников республики, организовывая сиденье в бесте с требованием смены политической системы, массовую отправку телеграмм с соответствующими требованиями. В этом смысле кадровый военный Ходаяр-хан в качестве министра почт и телеграфов был очень кстати. В Меджлисе фракция Тадайона имела 52 места из 98, но фракция «Азадихах», насчитывавшая 20–22 человека, по вопросу о республике особых разногласий с ним не имела. Решительно против была только группа аятоллы Модарреса из 5–6 депутатов¹⁴⁸.

¹⁴⁷ АВП РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50802. Л. 23.

¹⁴⁸ Там же. Л. 26.

Мощное давление республиканцев объяснялось и тем, что они хотели добиться поставленной цели в кратчайшие сроки – до 20 марта 1924 г., т. е. до наступления Ноуруза (иранский Новый год по солнечному календарю), чтобы новогодний Салам (праздничный прием у главы государства) уже мог провести Сардар Сепак как президент только что провозглашенной республики. Поэтому Тадайон добивался ускорения начала работы Меджлиса, т. к. после его официального открытия в феврале было решено, что регулярные заседания парламента начнутся только после новогодних праздников.

Под влиянием соратников Тадайона второе открытое заседание назначается на 13 марта 1924 г. и посвящается срочной проверке полномочий депутатов. В этот день были подтверждены полномочия 52 человек, т. е. большинства, и казалось, что республиканцев ожидают самые благоприятные перспективы. Однако 15 марта 1924 г. у них начались неприятности. Мандат одного из депутатов их фракции Мотаммед ос-Салтане (родного брата Кавама ос-Салтане) был принят с большим трудом после бурных прений с небольшим перевесом голосов. Мандат же другого депутата фракции «Таджаддод» Нуризаде и вовсе оспори́ли и отвергли. Эти два, казалось бы, незначительных эпизода показали, что Тадайон, несмотря на формальные подсчеты мест в парламенте, не полностью контролирует Меджлис, поскольку провалить мандат депутата его фракции можно было только с помощью голосов членов его же фракции.

На очередном заседании Меджлиса 17 марта 1924 г. кризис республиканского движения стал очевиден. Началось все с того, что накануне сам Тадайон неосмотрительно, без особой необходимости опротестовал мандат депутата Аштиани – друга аятоллы Модарреса, а по уставу опротестованный мандат должен был рассматриваться на следующий день. В ходе дебатов Тадайону оппонировал сам Модаррес, в них вступили и другие депутаты. Неожиданно какой-то депутат из фракции «Азади-хах» выступил в поддержку позиции Модарреса. В результате началась перебранка между Модарресом и Тадайоном, которые использовали непарламентские выражения, и последний даже пригрозил, что и мандат Модарреса будет оспорен. В зале

начался хаос. Тадайон решает покинуть заседание, но у дверей оглядывается и видит, что выходит в одиночестве, а все депутаты его фракции дружно сидят на своих местах и, забыв о дисциплине, увлеченно ругаются с депутатами других групп. Возбешенный, он громко кричит: «Ну, а вы что? Или оскорбление к вам не относится? <...> За мной»¹⁴⁹. Члены фракции выходят за ним из зала, и из-за отсутствия кворума заседание прекращается. Все выходят из зала, но столкновения продолжаются в кулуарах. Аятолла Модаррес произносит страстную и ядовитую речь против Тадайона, и в это время один из членов фракции «Таджаддод» Хосейн Бахрами, имевший титул Эхья ос-Салтане, отвешивает ему оплеуху. Удар приходится в район уха и чуть сзади, и чалма аятоллы падает на пол. Это произвело на всех эффект разорвавшейся бомбы. Началась короткая массовая драка. Инцидент молниеносно становится достоянием гласности. Депутат Меджлиса Малек ош-Шоара Бахар так оценил происшедшее в статье, опубликованной газетой «Канун» 30 марта 1924 г.: «Да, очень громкой оказалась эта историческая пощечина. <...> На весь город, на всю страну раздалась она, и даже отсыхавшие было руки Каджарской династии снова зашевелились. <...> От фракции “Таджаддод” не осталось после этой пощечины и следа»¹⁵⁰.

В тот же день, когда в Меджлисе произошли указанные события, состоялось заседание комиссии из 12 депутатов, созданной накануне. Ей было поручено собрать многочисленные телеграммы с мест, в которых требовалось отстранить Каджаров от власти. Однако после скандала настроение членов комиссии было совсем иным, и они посчитали, что по вопросу о смене политической системы «во избежание могущих иметь в будущем волнений и противодействий, необходимо провести всеобщее голосование, т. е. референдум»¹⁵¹. Было признано, что телеграммы не являются достаточным основанием для этого, и на референдум необходимо вынести два вопроса:

¹⁴⁹ Там же. Л. 41.

¹⁵⁰ Там же. Л. 42.

¹⁵¹ Так же. Л. 45.

«1. Желает ли народ перемены режима или нет? 2. Дает ли народ настоящему Меджлису полномочия переменить конституционный режим на республику и изменить основные законы?»¹⁵² Обсуждение данного вопроса продолжалось 17 и 18 марта, но когда Тадайон предложил добавить третий пункт в проект вопросника для референдума о немедленном низложении Ахмед-шаха и наследника, то за этот пункт проголосовало всего 3 члена комиссии из 12: сам Тадайон, какой-то депутат его фракции и убежденный социалист Сулейман Мирза, являвшийся Каджарским принцем.

Уже 18 марта 1924 г. из фракции «Таджаддод» начался массовый исход, и вместо имевшихся ранее 52 депутатов в ней осталось всего 25 человек стойких «республиканцев», которые, вероятно, не почувствовали, что дело республики проиграно, хотя в Тегеране все только об этом и говорили. Удар, нанесенный аятолле Модарресу, только помог ему, обнажив все слабости противной стороны. Отныне в глазах общественного мнения Тадайон выступал в качестве стороны, пытавшейся силой навязать всей стране свою, а также и иного лица волю. А Модаррес с того времени воспринимается общественным сознанием как борец за народ, за справедливость, подвергшийся грубому насилию. Уже в тот вечер удар, нанесенный каким-то штатским почтенному сеиду и моджтахиду, был использован тегеранским духовенством. Недовольство, находившееся под спудом, прорвалось наружу. Ранее всех это понял сам Реза-хан: «С горькой усмешкой, играя словами, из которых составлен титул Эхья ос-Салтане, Реза-хан сказал: Эхья ос-Салтане поистине возродил монархию»¹⁵³ (в переводе с персидского слово «эхья» означает «возрождение, воссоздание», а салтанат – монархия – *прим. авт.*).

Республиканцы 19 марта 1924 г. сделали одно из последних усилий по достижению своей цели – попытались склонить наследника престола к добровольному отречению от своего звания и убедить добровольно покинуть дворец, а также провести многочисленный митинг за городскими воротами Тегерана.

¹⁵² Там же. Л. 45.

¹⁵³ Там же. Л. 44.

К Мохаммед Хасан Мирзе была отправлена делегация из трех человек: Хаджи Моин од-Доуле (представитель младшей линии Каджаров, не имевший права не только претендовать на престол, но и именоваться принцем), Хаджи Мохбер ос-Салтане (престарелый представитель одной из наиболее родовитых тегеранских семей) и Эхтешам ос-Салтане (человек знатного рода, участник Конституционной революции, один из председателей Меджлиса первого созыва, долгое время служивший иранским послом в Берлине). Визит этих трех нотаблей, трех хаджи, т. е. лиц, совершивших паломничество в Мекку, не увенчался успехом, поскольку наследник уже знал, что у республиканцев имеются немалые проблемы. Он давал уклончивые ответы относительно добровольного отречения, а предложение покинуть дворец решительно отверг.

Однако на следующий день по указанию Реза-хана эти же лица направились в дом принца Иман од-Доуле (одного из сыновей Насер эд-Дин-шаха), который был особенно близок наследнику, с тем чтобы уговорить принца посетить Мохаммед Хасан Мирзу и убедить его явиться в Меджлис и предоставить заявление о своей отставке. В обмен на это наследнику обещали выделить в качестве резиденции дворец в окрестностях Тегерана с почетной гвардией и щедрое ежемесячное содержание. Самому посланцу также была обещана достойная награда. Несмотря на это, Иман од-Доуле от выполнения указанной миссии отказался. И посланцы в конце концов отправились к наследнику сами. После того, как они изложили ему суть предложения, Мохаммед Хасан Мирза позвонил в Меджлис и пригласил к себе Мохбера ос-Салтане, Мошира од-Доуле, Мостоуфи уль-Мамалека, Тадайона и нескольких других депутатов. Оценивая указанную встречу, Х. Макки сообщает следующее: «Об этой беседе и переговорах, длившихся три четверти часа, точной информации нет, но, вне сомнения, речь наследника была полна печали и решительно представляла собой трагедийную пьесу»¹⁵⁴. Тем не менее наследник и на этот раз от своего статуса не отказался.

¹⁵⁴ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Ирана. Тегеран, 1361. Т. 2. С. 480.

Второй шаг республиканцев также успехом не увенчался. Грандиозный, по задумкам организаторов, митинг должен был проводиться на большой площади за воротами Доулат. Вероятно, это место выбрали потому, что несколькими месяцами ранее там проходил гигантский по местным масштабам митинг в поддержку изгнанных из Месопотамии моджтахидов. Но на этот раз, по оценкам очевидцев, народа пришло в 10 раз меньше – всего около 1 тыс. человек¹⁵⁵. Сам митинг, несмотря на то что ораторствовали известные политики, прошел вяло, хотя в конце его была принята краткая резолюция в поддержку республики.

В тот же день, 19 марта 1924 г., состоялось пленарное заседание Меджлиса, на котором Тадайон держался гораздо спокойнее, но от своих планов не отказался, поскольку заверил Резахана в том, что на этом заседании «дело будет сделано, и если сорвался план о немедленной республике, то, во всяком случае, постановление о референдуме будет в этом заседании проведено»¹⁵⁶. С целью достижения поставленной цели он не препятствовал утверждению мандатов оставшихся депутатов, чтобы набрался необходимый кворум и можно было проголосовать за закон о референдуме. Но это понимал и аятолла Модаррес, который возражал против утверждения мандатов пяти человек, в т. ч. такого уважаемого и безупречного депутата, как Мотаммен уль-Мольк. Это означало, что вопрос о референдуме переносится еще, как минимум, на один день. Поняв, что кворума не будет, Тадайон бросился к окну и начал кричать толпе собравшихся во дворе Меджлиса республиканцев, что Модаррес – единственный противник республики, и всячески его поносить. Толпа пришла в волнение, и стали раздаваться угрозы в адрес Модарреса.

В это время к Меджлису подошел известный проповедник Халесизаде с большой группой своих приверженцев и торговцев с тегеранского базара, возмущенных попытками одного из сторонников республики депутата Сеида Шуштари закрыть базар якобы в знак поддержки республиканского движения. Делали это Шуштари и его подручные грубыми сило-

¹⁵⁵ АВП РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50802. Л. 28.

¹⁵⁶ Там же. Л. 46.

выми методами. Малек ош-Шоара Бахар так описывал происходящее: «Не желающим закрывать магазины сокрушают палками окна. <...> Звон стекол, гвалт, брань, визг, суматоха, давка. <...> Лавочники, не желая упускать торговли, пытаются всячески сопротивляться, обрушиваются на шайку сеида, обращают ее в бегство, но сам сеид начинает стрельбу из пистолета. <...> Наступает паника и хаос. В конце концов сеид обезоружен, избит и уходит восвояси. Но людям уже не до торговли и кругом паническое бегство. Торговцы уже сами закрывают лавки <...> и бегут с ругательствами в адрес республики и ее заправил к Шахской мечети на совещание»¹⁵⁷. Несомненно, данный инцидент настроил до того нейтральный или умеренно настороженный к идее республики базар резко отрицательно к ней.

Когда торговцы шли к Шахской мечети, расположенной рядом с парламентом, они встретились с группой Халесизаде, которая собиралась помолиться в ней, но выяснилось, что полиция перекрыла к ней доступ и закрыла все двери. Тогда Халесизаде снимает свою абу, расстилает ее на земле и прямо на площади начинает молиться. Толпа его сторонников и торговцев следует его примеру. Представители полиции, желая избежать потенциальных эксцессов, хотят отвезти его на автомобиле домой, однако возбужденная толпа вырывает проповедника из рук полиции и, возглавляемая им, направляется в Меджлис. Там начинается противостояние двух лагерей, и по указанию Тадайона, переданному через подручного из зала заседаний Меджлиса, республиканцы начинают выкрикивать ругательства в адрес Халесизаде и всячески поносить его, говорят, что он шпион и подданный Англии. Халеси оказывается вынужденным спрятаться в кабинете председателя Меджлиса Мотаммен уль-Молька и хочет поговорить с ним, чтобы прояснить ситуацию, но Тадайон опять совершает непростительный поступок. Он прерывает заседание Меджлиса и врывается вместе с несколькими своими подручными в кабинет Мотаммен уль-Молька. Там сбивает с ног Халесизаде, избивает его и, приставив к голове маузер, выталкивает во двор к толпе. Охрана Меджлиса тем вре-

¹⁵⁷ Там же. Л. 47, 48.

менем вытесняет толпу противников республики с его территории. Между тем депутаты решили поставить вопрос о референдуме на голосование на следующий день – 20 марта 1924 г.

Все указанные события настраивают население, которое до того относилось нейтрально, настороженно или даже сочувствовало республике, крайне негативно по отношению к ней. Теперь республиканское движение воспринимается как нечто отвратительное, покушающееся на устои, веру, традиции. В глазах обывателя идея республики стала неотделима от фигуры самого Тадайона. Господствовавшие настроения образно описывает Малек ош-Шоара Бахар: «С четверга 20 марта и до субботы 22 марта нарастает волнение в народе. С четверга до субботы двор Бахарестана (имеется в виду двор Меджлиса, располагавшегося на площади Бахарестан – прим. авт.) не видит уже ни свободолюбцев, ни республиканцев, ни других политических партий и течений. Он наполнен только народом, настоящим, неподдельным народом. Тут уже не было митингов, речей “да здравствует” и “долой”. <...> Были лишь молитвы, духовные песнопения и проповеди. И молитвы воссылались за Модарреса, а на оскорбителей его – Тадайона и газетчиков – сыпались уже не “долой”, а настоящие проклятия»¹⁵⁸.

На заседании 20 марта 1924 г. сторонникам аятоллы Модарреса удалось не допустить постановку вопроса о референдуме даже на голосование. Его было решено рассмотреть 22 марта. Таким образом, попытка Тадайона решить вопрос с референдумом до наступления Ноуруза провалилась. В тот же день во дворе Меджлиса собралась толпа, которая кричала: «Долой республику, смерть Тадайону, да здравствует Модаррес, да здравствует вера Пророка»¹⁵⁹. После этого дня, раздавленный грузом допущенных ошибок, Тадайон уже не мог оставаться лидером республиканского движения, он также утратил и доверие в глазах главного республиканца, остававшегося формально в тени – Сардар Сепеха. Последний, разочаровавшись в карманных лидерах республиканского движения, все еще уповал на обаяние

¹⁵⁸ Там же. Л. 51.

¹⁵⁹ Там же. Л. 53.

и харизму своего имени. Он старался показать, что находится над схваткой, и 21 марта 1924 г. МВД от его имени публикует циркулярное распоряжение правительства. В данном документе говорится, что с учетом развернувшегося национального движения, охватившего всю страну, обращается внимание населения на необходимость, свободно выражая свое мнение, не нарушать общественный порядок, а нарушителям спокойствия грозит лишение гражданских прав и высылка. Иностранцам, учитывая, что движение является исключительно внутренним делом иранцев, запрещалось вмешиваться во внутренние дела страны.

Утром 22 марта 1924 г., до начала заседания Меджлиса в доме Реза-хана состоялось совещание группы депутатов, которых разместили в зале. Параллельно в другом зале хозяин вел переговоры с аятоллой Модарресом. Через некоторое время к депутатам вышел Сардар Сехах. Он был раздражен и заявил, что с этим человеком совершенно невозможно договориться¹⁶⁰. Когда совещание началось, депутат от Тавриза шейх Али Техрани начал убеждать премьер-министра в необходимости немедленно совершить переворот и без всяких церемоний взять власть в свои руки, создав директорию из трех человек. Эта идея не разделялась многими из присутствовавших, и Малек ош-Шоара Бахар начал доказывать ее опасность для страны и необходимость действовать постепенно и законными методами. Депутаты уговорили Реза-хана вернуться к Модарресу, ожидавшему в соседнем помещении, и продолжить переговоры. Возобновленная беседа не дала результатов, и через полчаса аятолла уехал. В итоге было решено, что премьер-министра необходимо держать в курсе событий, которые будут происходить в Меджлисе, и сообщить, если понадобится его личное присутствие в парламенте.

Задолго до начала заседания Меджлиса, намеченного на 16:00, на площади Бахарестан и прилегающих улицах начали собираться толпы народа, во главе которых были видные представители духовенства Халесизаде, Бехбахани и Хаджи Ага Джемаль. Последнего старца его сторонники ввиду преклон-

¹⁶⁰ Там же. Л. 57.

ного возраста привезли на осле почти насильно. Среди собравшегося народа было много крестьян из окрестных деревень, возбужденных речами своих мулл. Собралось около 20 тыс. человек. Некоторые шли с лозунгами о созыве учредительного собрания, другие с плакатами в пользу монархии, но большинство под лозунгом: «Мы хотим веры Пророка и больше ничего»¹⁶¹. Толпа смела охрану и вошла во двор Меджлиса.

Депутаты были взволнованы видом толпы, но внешне держались спокойно. Однако Тадайон решил форсировать события. Он, не проинформировав остальных депутатов, позвонил домой Реза-хану и сообщил, что толпа грозит разгромить Меджлис и необходимо прислать войска, а самому премьер-министру лично прибыть в парламент. Вскоре на место событий прибыл отряд в 500 человек, а вслед за ним и сам Сардар Сехах. При его приезде произошел серьезный инцидент. Люди стояли столь плотно, что он не мог пройти и хотел раздвинуть народ тростью, но сделать этого не удалось, и тогда солдаты начали разгонять всех прикладами ружей. В ответ полетели камни. Параллельно другой отряд начал очищать площадь Бахарестан от народа. Возникла паника и возмущение против премьер-министра. В его адрес посыпались оскорбления и было брошено несколько камней, один из которых попал в него¹⁶².

Видя происходящее, в состоянии предельного возмущения во двор вышел председатель Меджлиса Мотаммен уль-Мольк, и между ним и Реза-ханом произошел резкий разговор, причем Мотаммен уль-Мольк обращался к премьер-министру на «ты». Советское полпредство о происшедшем докладывало следующее: «"Ты кто такой? Ты зачем сюда пришел? Какое ты имеешь право здесь самоуправствовать и избивать людей?!" Пораженный подобными вопросами, Реза-хан отвечал: "Я председатель правительства". "А я, – заявил в ответ Мотаммен уль-Мольк, – председатель Меджлиса, председатель представителей нации и приказываю тебе поэтому прекратить избивание". Реза-хан стал что-то отвечать и выражать протесты, но Мотаммен уль-Мольк твердо заявил: "Если ты сейчас же не подчинишься при-

¹⁶¹ Там же. Л. 59.

¹⁶² Там же. Л. 60.

казу, то я соберу Меджлис, и он объявит тебя отстраненным от всех должностей»»¹⁶³.

Затем председатель парламента ушел в здание, туда же проследовал и Реза-хан. Депутатам с большим трудом в результате челночной дипломатии между помещениями, в которых находились два участника ссоры, удалось добиться примирения между ними. При этом Мошир од-Доуле сказал Сардар Сепаху, что избивать народ никто не имеет права и что это лично он призывал народ прийти в парламент, чтобы люди не начали искать убежища в иностранных миссиях, как случалось раньше. Примирившись с депутатами, Реза-хан вошел в комнату, где находились представители духовенства. Там также состоялось их примирение, и ахунды помолились за здоровье премьер-министра. После чего он уехал. Говорили, что Реза-хан обещал духовенству не добиваться более установления республиканского строя, но заявил, что совершенно не может работать с Ахмед-шахом и наследником¹⁶⁴. Заседание Меджлиса не состоялось и было перенесено на 26 марта 1924 г.

События 22 марта 1924 г. означали окончательный провал идеи республики. Оценивая происшедшее в тот день, не поддерживавший идею республики Малек ош-Шоара Бахар в своем стихотворении «Джомхуринаме» (Сказание о республике) писал:

В субботу Меджлис Кербелой стал,
Правитель же лик народа узнал¹⁶⁵.

Более того, произошедшее стало ударом по престижу самого Реза-хана. До этого его положение казалось незыблемым, он находился на недостижимой высоте, но внезапно оказалось, что всесильный властелин уже не так могущественен, что против него можно устроить демонстрации, к нему можно обращаться на «ты» и даже бросить в него камень. По городу

¹⁶³ Там же. Л. 60, 61. Описание диалога между Реза-ханом и Мотаммен уль-Мольком, данное советским полпредством, в общих чертах повторяется и иранскими авторами, описывавшими их много позже не по горячим следам. См. Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1363. Т. 2. С. 502–503.

¹⁶⁴ АВП РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50802. Л. 62.

¹⁶⁵ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1363. Т. 2. С. 499.

поползли слухи, что им очень недовольны и в армии, увидевшей его отношение к Каджарам. Безразличие или даже недовольство Каджарами сменились на сочувствие, особенно к наследнику, представшему теперь в качестве несправедливо обиженного. Монархия и династия теперь несколько оживились. Еще одним последствием стал рост авторитета и престижа духовенства, представители которого сыграли основную роль в мобилизации масс и поражении республиканцев и Сардар Сепеха. Также под вопросом оказалось и формирование парламентского большинства в Меджлисе, которое за несколько дней до описанных событий казалось уже твердо сформировавшимся. Главный противник премьер-министра аятолла Модаррес теперь вел борьбу не против республиканцев, а против самого Реза-хана. Модаррес, понимая его полезность для страны, не желал его полного устранения из политической жизни, но стремился резко уменьшить возможности премьер-министра, жестко подчинив его Меджлису. Реза-хан, как уже бывало ранее в случаях, когда он не получал желаемого результата, удалился в свое поместье в Саадабаде, расположенное в 15 км от Тегерана, чтобы серьезно обдумать сложившееся положение.

Заседание Меджлиса, намеченное на 26 марта 1924 г., перенесли на 31 марта, когда в результате переговоров между различными сторонами было объявлено об отказе от республиканских идей. Вероятно, это стало результатом поездки Реза-хана в Кум, состоявшейся 26 марта 1924 г.

Официальной причиной данной поездки стало желание проводить моджтахидов, ранее изгнанных из Месопотамии и собиравшихся возвращаться обратно в Неджеф и Кербелу, поскольку договоренность об этом ранее была достигнута с эмиром Фейсалом. Жители Кума и духовенство были решительно настроены против республики, особенно после событий 22 марта 1924 г., которые, по мнению самого Реза-хана, преподносились народу в искаженном виде. Якобы кумцы даже требовали от «святых гостей» издания фетвы против республики и объявления лидеров республиканского движения, включая самого премьер-министра, богоотступниками. С учетом этого Реза-хан хотел поехать в Кум и рассеять случившееся недоразумение, попросить благослове-

ния и проводить моджтахидов. Не без участия аятоллы Модар-реса в Куме была подготовлена «теплая встреча». О чем шла речь в беседах с богословами, доподлинно неизвестно, но, как потом говорил сам Сардар Сепак, настроение было враждебное: «Если бы не было, все-таки, кое-какого страха передо мной, то народ бы меня растерзал: так его настроили всякими лживыми и извращенными обо мне сведениями»¹⁶⁶. Через два дня после его отъезда из Кума моджтахиды покинули город.

В результате всех событий в правительстве начались проблемы. Из него вышли Сулейман Мирза, являвшийся последовательным сторонником республиканской идеи, и Эзз уль-Мольтк. Сам Сардар Сепак подчеркивал, что лучшее, что в той обстановке можно было сделать, это вооружиться терпением, что он не думает ни о каком перевороте, не собирается сажать на престол какого-нибудь малолетнего принца, а себя объявлять регентом. Однако ему мало кто верил, все ждали каких-то действий, хотя все и говорили, что он ослаб, поостыл и пр. Но то, что произошло 31 марта 1923 г., было похоже на полную капитуляцию.

Дело республики было проиграно полностью, но Реза-хан решил подвести под ним черту официально, и в этот день газеты опубликовали его официальную декларацию:

«Соотечественники!

... Принимая во внимание тот разброд и ту смуту в мыслях, которые царят в настоящий момент во мнениях общества, и, находя, что это потрясение мыслей может привести к результатам, противоположным гнездящемуся в моей душе желанию охранения порядка и безопасности и укрепления основ государства, я, как и весь личный состав армии, положил с самого первого дня величайшей и главнейшей обязанностью своей охранение величия Ислама, всегда стремился к тому, чтобы Ислам с каждым днем шел все вперед и выше, и чтобы уважение к сану духовенства блюлось и соблюдалось полностью.

В виду этого, во время посещения Кума, которое я имел честь совершить для прощания с отъезжающими оттуда господами моджтахидами и ученейшими улемами, я вступил с ними

¹⁶⁶ АВР РФ Ф. 04. 1924. Оп. 18. П. 121. Д. 50802. Л. 69.

в беседу по вопросу настоящих событий. В конце концов мы почли с ними за необходимость рекомендовать вам и народу вопрос о республике прекратить и вместо того все старания и заботы свои приложить к устранению препятствий на пути реформ и прогресса государства и оказать мне поддержку содействием в священной цели укрепления основ веры и независимости государства и национальной власти.

В виду этого, увещаю всех любящих родину и стремящихся к вышеназванной священной цели, воздержаться от требований установления республиканского образа правления и объединиться со мной в усилиях по достижению вышеназванной общей цели.

Премьер-министр и главнокомандующий Реза»¹⁶⁷

В свете вышеизложенного можно полагать, что идея установления республиканской системы с учетом состояния иранского социума того времени, являвшегося все еще обществом традиционного типа, в принципе была почти неосуществимой. Но неудачный подбор Реза-ханом исполнителей и выбор в качестве главного рупора и официального лидера республиканского движения в Меджлисе Тадайона сделали эту идею нереализуемой в принципе. Все указанные выше ошибки, совершенные Тадайоном, показывают, что он совершенно не понимал народа, с которым ему приходится иметь дело, и полностью полагался на силовые методы, а также грозное имя Реза-хана. Он действовал грубо и прямолинейно и был полностью переигран аятоллой Модарресом и другими представителями духовенства, которые оказались умнее и хитрее его и его соратников, обладая многовековым опытом своего сословия и знанием психологических особенностей своей паствы. Именно примитивизм и грубый стиль действий сторонников республики, игнорировавших традиции иранского социума, оттолкнул от них не только многих простых людей, но и значительную часть политической элиты, которая в иных условиях не имела бы принципиальных возражений против установления республиканского строя. Однако винить только Тадайона и его подручных было бы неправильно,

¹⁶⁷ Там же. Л. 72.

поскольку они усердно и, следует признать, бездумно выполняли волю главного республиканца, которому не терпелось по примеру Ататюрка обрести президентский статус.

Особо следует подчеркнуть, что не только аятолла Модаррес и Мирза Хашем Аштиани как депутаты Меджлиса выступали против идеи республики, но и практически все иранское духовенство не поддерживало ее, во всяком случае, в том виде, в каком она продвигалась Тадайоном и его людьми. Республика была неприемлема для религиозных деятелей во многом из-за того, что она ассоциировалась с секуляризацией, которую в это время проводил в Турции Мустафа Кемаль, сокращением роли и влияния клерикальных кругов в общественной жизни. Неслучайно информация о противорелигиозных шагах Ататюрка в Турецкой республике, поступавшая по каналам агентства «Рейтер», активно распространялась иранским духовенством среди широких народных масс. Республика могла лишить иранское духовенство как класс-сословие и крупных доходов, поступавших от владения его имуществом – вакфов (земли сельскохозяйственного назначения, караван-сарай, торговые ряды и пр.).

При этом аятолла Модаррес первоначально недооценивал значение и опасность республиканского движения, о чем свидетельствует одно из донесений советского полпредства касательно эпизода, имевшего место в феврале 1924 г.: «Будучи спрошен об отношении к начавшемуся республиканскому движению, Модаррес высказал полную якобы неосведомленность относительно этого дела, и затем, поинтересовался: “Кто же добивается республики”. Когда ему ответили, что Сардар Сепях, Модаррес с удивлением спросил: “Какой Сардар Сепях? Этот самый Реза-хан”? На утвердительный ответ Модаррес рассмеялся и заявил: “Жестокое ошибается. Слишком мал для этого дела”»¹⁶⁸. Однако позднее он понял, что движение за республику нельзя недооценивать и, как мы показали выше, используя все свои организационные и интеллектуальные способности, возглавил борьбу против него.

Как и всякое сословие, иранское духовенство не было единым, и в позиции его представителей имелись определенные

¹⁶⁸ Там же. Л. 32.

нюансы. В частности, известный проповедник Халесизаде, придерживавшийся либеральных взглядов, под влиянием группы левых националистов во главе с Мостоуфи уль-Мамалеком был не против созыва Учредительного собрания и решения вопроса о политическом устройстве Ирана этим органом. Во многом такая его позиция диктовалась пониманием вырождения каджарской монархии и нежеланием быть ассоциированным с ней. Именно в таком духе произносились его проповеди, которые вызвали резкие нападки сторонников немедленной республики в то время, когда они еще рассчитывали обойтись без Учредительного собрания и без референдума.

Громкий и скандальный провал республиканского движения вынудил Реза-хана совершить поездку в Кум, ставшую его личной Каноссой¹⁶⁹, где он был вынужден «целовать туфлю» кумскому духовенству. Последовавшая за этим публикация его декларации показала, что он официально признал поражение начавшегося с его подачи республиканского движения. Однако, будучи от природы человеком неглупым, Реза-хан понимал, что проигранная битва не означает автоматического поражения во всей кампании. Уже в данной декларации он, делая реверансы в сторону духовенства, закладывал основы возвращения своего временно утраченного авторитета, призывая народ сплотиться вокруг него ради продолжения реформ, прогресса и независимости государства. Духовенство же, политическим лидером которого был аятолла Модаррес, этого не поняло. Также удачным моментом в полной мере не воспользовалась и монархия. Ахмед-шах продолжал пребывать в Европе, наслаждаясь ее прелестями. В Иране наступал новый раунд политического противостояния между традиционализмом и модернизмом.

Представляется, что приведенный в настоящей главе материал позволяет убедительно заявить, что с самого начала

¹⁶⁹ В 1077 г. между императором Священной Римской империи Генрихом IV и папой Григорием VIII возник конфликт, в результате которого император был отлучен папой от церкви. Его власть рухнула, вассалы отказались признавать своего сюзерена. Император оказался вынужден ехать в городок Каноссу, где в то время пребывал папа, и, облачившись в рубище, стоя босиком на снегу, вымаливать у папы прощение, которое в итоге ему было пожаловано.

республиканского движения вопрос не стоял о том, должна ли быть установлена «немедленная республика» или республика через референдум/учредительное собрание. Идея референдума была чужда Реза-хану и его людям, они соглашались на нее вынужденно, только в результате неудачи попытки быстро решить вопрос, как способ добиться своей цели не мытьем, так катаньем. А сами сторонники этой идеи использовали ее скорее для того, чтобы заговорить, заболтать дело и не дать Реза-хану официально стать главой государства. Реальных сторонников республики в стране были единицы. Они были представлены небольшой группой либералов, группировавшихся вокруг Сулеймана Мирзы. Неслучайно после того как Реза-хан выпустил свое обращение, в котором призывал оставить мысль о республике, все инспирированные им ранее выступления в пользу смены политической системы в столице и на местах тут же прекратились. Никто уже не высказывал недовольства монархией, а газеты, еще вчера агрессивно и «убежденно» агитировавшие за республику, стали убеждать своих читателей, что Иран еще не созрел для республиканской формы правления.

Говорят, что история не знает сослагательного наклонения, но, рассматривая республиканскую эпопею 1924 г., трудно удержаться от рассуждений о том, что было бы, удайся Реза-хану его план. Теперь, зная все, что случилось со страной, очевидно, что ее политическая история пошла бы иначе. Реза-хан властвовал бы свои 15 лет первого срока, проводя все те же реформы, которые он проводил в качестве шаха Ирана. Переизбрался бы на второй срок в 1939 г. и... был бы смещен с поста президента в 1941 г. в результате ввода советских и английских войск в годы Второй мировой войны. Политическая система была бы модернизирована, президентский срок и полномочия уменьшены, и страна продолжила бы развитие в иных социально-политических условиях. Условия буржуазной республики со сменяющимися друг друга партиями и президентами создавали бы благоприятную почву для выпуска пара и снижения социального недовольства масс. Вполне вероятно, это повлияло бы и на события второй половины 70-х гг. XX века.

Глава V

РЕВАНШ РЕЗА-ХАНА И БОРЬБА С ПАРЛАМЕНТСКОЙ ОППОЗИЦИЕЙ

После такого неудачного исхода республиканского движения казалось, что у монархии и сторонников блока феодальных помещиков и крупного торгового капитала появляется шанс если не устранить Реза-хана, то поставить его на место и жестко связать рамками закона и решениями Меджлиса, существенно уменьшив его полномочия. В значительной степени это зависело от воли и энергичных действий самого Ахмед-шаха и двора, координации их усилий с группой аятоллы Модарреса и, разумеется, от позиции и действий самого премьер-министра и его сторонников.

Поскольку ключевым фактором в данном противостоянии являлась позиция иранского монарха и его готовность к решительным действиям, важно понять, в каком состоянии духа он находился в это время и к чему был готов. Помочь в этом может статья, опубликованная 22 марта 1924 г. в одной из парижских газет как раз в тот день, когда республиканское движение потерпело окончательное поражение:

«По соседству с Булонским лесом <...> в особой резиденции низложенный¹⁷⁰ шах Ирана живет в полном уединении и затворничестве. Известие об иранской революции, которое пришло сюда неделю назад, чрезвычайно опечалило его. <...> Я видел шаха год назад, когда он проезжал через Париж

¹⁷⁰ В статье допущена ошибка. Ахмед-шах не был низложен в то время. Данная ошибка проистекает из ложного убеждения западных СМИ в том, что республиканское движение имеет глубокие корни в Иране, пользуется поддержкой населения, а вопрос о смене формы государственного устройства страны уже решен.

по пути в Лондон. Теперь он уже не тот молодой, улыбающийся и добрый человек с острым взглядом на дородном лице. Сегодня шах обрюзгший, сморщенный, сгорбившийся, с печальной саркастической улыбкой, как мне кажется, постарел на 20 лет.

Каждое утро примерно в 10 часов утра в сопровождении слуги и полицейского в штатском шах выходит на длительную прогулку по бульварам или на автомобиле едет на площадь Этуаль и оттуда пешком идет до Шандолизе. Эта прогулка успокаивает его и уменьшает его печаль. После полудня шах начинает просматривать многочисленные телеграммы и отчеты, которые приходят к нему из Тегерана, начинает что-то записывать, чтобы ответить своим многочисленным корреспондентам из числа его сторонников, принимает визитеров и ужинает в одиночестве в своем доме.

Один из приближенных шаха сказал мне:

– Положение в Иране очень напряженное и нельзя сказать, чем оно закончится. Но пока есть верные люди <...>, он не теряет надежды. Существует движение против республики.

– Не думает ли шах, как говорят, вернуться в Иран?

– Нет, пока шах хочет, чтобы народ был свободен в выборе своей судьбы, даже в заблуждениях. Присутствие шаха в Иране может привести к новой революции, став причиной кровопролития, и он не хочет, чтобы это случилось.

Шах Ирана плачет по иранскому народу, который пребывает в состоянии гражданской войны. Французское государство, которое дает приют свергнутым венценосцам, приняло и утешает его и, возможно, однажды сможет стереть его воспоминания о веселье и роскоши тегеранских дворцов.

Но, помимо этого, возникает и еще одна мысль, волнующая в наше время чрезвычайной дороговизны не только поданных, но и монархов, и она состоит в том, как покрыть ежедневные расходы. Приближенные шаха обеспокоены влиянием революции на обеспечение финансового содержания монарха, и это соображение более всего вызывает беспокойство и волнение низложенного шаха»¹⁷¹.

¹⁷¹ Цит. по: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 1–2.

Исходя из приведенного, очевидно, что состояние духа Ахмед-шаха не позволяло ему энергично использовать неудачу республиканского движения для отстранения Реза-хана от власти. Для этого было бы необходимо его личное присутствие в стране, чтобы в союзе с духовенством, во главе которого стоял аятолла Модаррес, выступить против него. Однако единственное, на что он оказался способен, узнав о провале республиканцев, это направить 6 апреля 1924 г. телеграмму в Меджлис. В ней он сообщал, что отправляет Сардар Сепеха в отставку и предлагает парламенту высказаться о кандидатуре нового премьер-министра¹⁷². Своей телеграммой шах дал старт очередному политическому кризису в стране.

На следующий день, узнав об этом, Реза-хан под предлогом крайнего переутомления подал в отставку и уехал в свое владение в районе Рудхана. Отставка немедленно вызвала резкое обострение ситуации в Тегеране, поскольку после мартовских событий у Сардар Сепеха в парламенте не было твердого большинства и настроения в обществе были неустойчивы.

Однако отставка и отъезд, несмотря на скорость, с которой они произошли, были тщательно подготовлены и позволяли выиграть время, оставляя косвенно под его контролем страну. Перед отъездом Реза-хан известил всех командующих дивизиями о своих намерениях и потребовал оказать давление на Меджлис с целью его возвращения на свои посты, а управление столицей оказалось переданным начальнику штаба армии Махмуду Ансари. Сразу после данных событий группы казачьих офицеров в столице начали требовать возвращения премьер-министра к власти, было организовано торжественное прохождение вооруженных частей по городу, в т. ч. мимо Меджлиса.

Проправительственные газеты начали кампанию в пользу Реза-хана. Так, Али Дашти, избранный в Меджлис от города Саве, в своей газете «Шефаг-е сорх» опубликовал статью под названием «Отец отечества ушел». В ней он писал: «Тот, кто спустя два века слабости, унижений, разделений и разобщенности вернул Ирану силу, величие и единство, вчера покинул пере-

¹⁷² Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 2. С. 521.

полненный преступлениями и недоброжелательством Тегеран. Тот, кто три года назад пришел в Тегеран с надеждой и мыслями, полными достоинства, и с непреклонной волей приступил к восстановлению развалин прошлого, вчера с бледным и печальным лицом попрощался с Тегераном. Сардар Сепак ушел и предоставил полный преступлениями Тегеран своей судьбе, но в чем же состоит долг Меджлиса и народа?

Уход Сардар Сепака и господство иностранцев, уход Сардар Сепака и словесные противоречия, уход Сардар Сепака и оживление мятежников, уход Сардар Сепака и обрушение престижа Ирана, уход Сардар Сепака и внутренняя смута, уход Сардар Сепака и ликвидация плана реформ – все это явления одного порядка. <...> Сардар Сепак – отец нашей страны! Сардар Сепак – образец иранской мужественности, доблести и смелости! Этот человек не должен уйти, он должен вернуться хотя бы и ценой большого кровопролития. Дух иранского народа требует, чтобы уже с первыми лучами зари он вернулся. Всякий, кто так не считает, предает свою родину¹⁷³!» В завершение своего патетического выступления автор вопрошал, кто же может составить альтернативу Сардар Сепакху и стать премьер-министром? И отвечая на него, предполагал, что такими кандидатурами могут быть только угодные Каджарам и реакционерам Восуг од-Доуле или его брат Кавам ос-Салтане, которые уже занимали в прошлом пост главы кабинета и ничего, кроме бедствий, народу не принесли.

Публикаций в поддержку Реза-хана было много, но именно данная статья безусловно талантливого журналиста произвела особое впечатление в обществе. Она обратила на себя внимание аятоллы Модарреса, которое определялось еще и членством Али Дашти в Меджлисе, что свидетельствовало о неустойчивости соотношения сил в парламенте. Верный жесткому курсу на конфронтацию с премьер-министром и желающий уstrasшить неустойчивое большинство депутатов, Модаррес решает устроить показательную экзекуцию издателю «Шефаг-е сорх», и газета оппозиции «Сийасат» публикует письмо английского

¹⁷³ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 2. С. 522–523.

дипломата Говарда, написанное на бланке посольства, свидетельствующее об оказании англичанами финансовой помощи Али Дашти в ходе его выборной кампании в парламент. Параллельно подлинник документа был направлен газетой председателю Меджлиса. На этом основании Модаррес оспорил полномочия Дашти и получил поддержку большинства депутатского корпуса.

Однако это не смогло остановить действия сторонников Реза-хана. Газеты продолжили соответствующую кампанию, порою публикуя совершенно вымышленную информацию. В частности, «Сетаре-йе Иран» написала, что согласно поступившей информации, провинция Азербайджан, несогласная с отставкой Сардар Сеха, объявила о своей независимости и установлении республиканского строя: «Согласно информации, поступившей из столь важной и чувствительной провинции как Азербайджан, народ Азербайджана, разочаровавшись в связи с отсутствием должного ответа на направленные в центр телеграммы, будто бы начал захватывать местные государственные учреждения и провозгласил независимость и установление республиканского правления. Поскольку у нас на столе скопилось куча телеграмм из Азербайджана и других провинций Ирана, и их содержание невозможно отразить в настоящем номере, то о них мы расскажем в последующих номерах»¹⁷⁴. Разумеется, никаких дальнейших разъяснений не последовало, поскольку данная информация была полностью выдумана.

Также Меджлис стали засыпать телеграммами от командующих войсками в различных провинциях страны и групп офицеров с требованиями восстановить статус-кво, грозя поднять свои войска и прийти с ними в Тегеран. Об этом, в частности, говорилось в пространных телеграммах командующих западным и восточным военными округами, которые давали Меджлису 48 часов на принятие правильного с их точки зрения решения¹⁷⁵.

¹⁷⁴ Сетаре-йе Иран, № 159, сал-е нохом, 15 хамаль.

¹⁷⁵ Полный текст указанных телеграмм см. в: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 2. С. 526–530.

В самом Меджлисе за то, чтобы вновь утвердить Реза-хана на должности премьер-министра, были фракции партии «Таджаддо» и социалистов, значительная часть депутатов колебалась, а твердых немногочисленных противников возглавлял аятолла Модаррес. Если мотивация Тадайона и его депутатов, подавляющее большинство которых в огромной степени были обязаны своей политической карьерой Сардар Сепаху, очевидна, то касательно социалистов необходимо дать некоторые пояснения. Помочь разобраться в ней могут воспоминания члена Социалистической партии Абдолы Мостоуфи, который происходил из уважаемой иранской семьи и несколько десятилетий работал на государственных должностях как в различных министерствах, так и на дипломатическом поприще. Они же ясно показывают и позицию Модарреса по отношению к Реза-хану¹⁷⁶.

В период апрельского кризиса на одном из заседаний руководства партии обсуждался вопрос о враждебных отношениях между Сардар Сепахом и Модарресом и последствиях для страны, которые может иметь уход первого с политической сцены. Все понимали, что между этими двумя личностями нет должного доверия и вместе им работать почти невозможно, однако исходили из того, что уход такой сильной личности, как Реза-хан, может ввергнуть страну в пучину распрей и беспорядков, которые она переживала со времени Конституционной революции. Поскольку было хорошо известно о тесных отношениях между аятоллой и А. Мостоуфи, то ему было поручено навестить Модарреса и постараться убедить его смягчить свою позицию в отношении Сардар Сепаха. На следующий день А. Мостоуфи посетил Модарреса, и между ними состоялся следующий разговор:

Мостоуфи: Вы не думаете, что для наказания Сардар Сепаха достаточно уже предпринятых шагов? (Имелся в виду провал республиканского движения – прим. авт.)

Модаррес: Нет! Нужно окончательно отстранить его от должности премьер-министра.

¹⁷⁶ Излагается по: Мостоуфи А. Тарих-е еджтемай ва эдари-йе доуре-йе Каджар. Шарх-е зендегани-йе ман. Техран, 1343. Т. 3. С. 603–605.

Мостоуфи: За 6–7 месяцев премьер-министерства он хорошо поработал и поднял престиж и силу армии. С помощью силы армии были собраны долги по налогам, и государственные органы стали уважать так, как в этой стране уже давно не наблюдалось. Жаль, если исчезнут эта сила, воля, единство и централизация и на смену им придут былые распри и разграбление. Сегодня благодаря силе и заботам этого человека и центра принятия государственных решений любое решение, принимаемое в той или иной области, не остается на бумаге и исполняется уже на следующий день. Его решения и действия не остаются незамеченными, дела безоговорочно исполняются, притом не позволяется небрежность и нерадивость, а в делах имеется полный порядок.

Модаррес: Какой бы хорошей ни была собака, как только она укусит за ногу сына хозяина, она уже становится ненужной, и ее следует выгнать из дома¹⁷⁷.

А. Мостоуфи не был обескуражен таким ответом Модарреса и начал эмоционально приводить новые аргументы в пользу позиции социалистов:

Мостоуфи: Вы задумывались над тем, какие затруднения принесет его устранение? Смитко¹⁷⁸ все еще не отвел свои жадные взоры от Курдистана и, несмотря на присутствие в Курдистане немалого количества правительственных войск, каждый день атакует Иран с территории иракского Курдистана. Мятежники, которые под впечатлением силы этого человека затаились в разных местах, все еще имеют злобные намерения. В Луристане на каждых ста метрах сидят главари (шаек), которые подобно раненой змее ждут подходящего часа. Короче говоря, у нас много дел, до которых руки еще не дошли. С Конституционной революции прошло уже 20 лет, а мы никого и ничего, кроме одного человека, который заботится обо всем и везде, не имеем. Представьте, что если, по Вашему выражению, эту собаку за указанную провинность мы выгоним из дома, то кем

¹⁷⁷ Мостоуфи А. Тарих-е эджтемаи ва эдари-йе доуре-йе Каджар... С. 604.

¹⁷⁸ Исмаил Ага Смитко (в некоторых источниках – Симко) – один из беспокойных вождей курдских племен, время от времени выходивший из подчинения центральному правительству.

ее заменим? Кроме всего прочего, что будем делать с этими ужасными песнями, исходящими из военных кругов с востока, запада, севера и юга, которые приказывают друг другу и подстрекают друг друга к неповиновению? Все, что нас ожидает, это то, что они разделятся на два лагеря и начнут гражданскую войну или все объединятся и перепашут весь народ силой его же оружия...

Модаррес: Именно поэтому я полагаю, что эту смуту нужно как можно быстрее вырвать с корнем. Наконец, разве человек должен одобрять передачу кому-либо двадцати всадников, а потом бояться его мятежа?! Курицу, которая ранним утром должна снести шакала, надо убрать ночью, тогда и вам самим не надо будет дежурить всю ночь¹⁷⁹!

После таких слов А. Мостоуфи понял, что никакие доводы не смогут изменить точку зрения Модарреса и дальнейшее увещевание его бессмысленно.

Следует отметить, что логика рассуждений А. Мостоуфи была характерна для многих представителей иранской элиты, даже не слишком положительно относившихся в Реза-хану и ясно видевших его откровенно диктаторские устремления. В частности, один из депутатов Меджлиса Сеид Якуб Анвар в те переломные дни в беседе с Мансур уль-Мольком¹⁸⁰ сказал: «Знайте, что сегодняшний день отставки Сардар Сепеха подобен дню, когда Насер эд-Дин-шах отправил в отставку Амир Кабира»¹⁸¹.

Как известно, правительственный кризис завершился победой Сардар Сепеха и его сторонников, и Меджлис все-таки проголосовал за его назначение на должность премьер-министра. Однако из произведений российских исследователей неясно, как именно это произошло и что говорил на заседании

¹⁷⁹ Мостоуфи А. Тарих-е еджтемай ва эдари-йе доуре-йе Каджар... С. 605.

¹⁸⁰ Али Мансур в период правления династии Пехлеви дважды занимал пост премьер-министра.

¹⁸¹ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 2. С. 547. Амир Кабир – иранский канцлер (1848–1851 гг.), пытавшийся провести комплексные реформы с целью модернизации Ирана и сокращения его отставания от европейских стран, который был отправлен шахом в отставку и вскоре по его приказанию казнен.

парламента Модаррес, почему за премьер-министра проголосовала даже часть сторонников оппозиционного аятоллы? Ответственные авторы не дают ответа на данный вопрос. К. Асадулаев пишет: «Первоначально обсуждение этого вопроса проходило на закрытом заседании. Оппозиция во главе с Модарресом призывала не выражать доверия Реза-хану, пока не будет уверенности в том, что он не нарушит конституцию. Затем обсуждение было перенесено на открытое заседание Меджлиса. Однако беспорядки, шумиха, созданная сторонниками Сардар Сепеха, и угрозы амирлешкеров (командующих войсками) сделали свое дело. После бурных прений в результате давления извне за доверие Реза-хану было подано 86 голосов, против – 20»¹⁸².

О. С. Меликов в связи с данными событиями пишет: «С одной стороны, страх перед армией, а с другой – перед недовольством народа и боязнь революции заставил Меджлис поскорее установить твердую власть.

Поздно вечером 8 апреля Меджлис вынес вотум доверия кабинету Реза-хана, вернее, ему самому. За него проголосовало 96 депутатов из 100. На этом же заседании избрали делегацию из 12 человек, которая должна была отправиться в Бумхен к премьеру, выяснить причину отставки и добиться его возвращения»¹⁸³. Таким образом, неясно, был ли на судьбоносном заседании Меджлиса Модаррес, что говорил там, как убеждал депутатов в необходимости прогнать из дома собаку, укусившую сына хозяина.

Сторонники Реза-хана, понимая ключевую роль Модарреса в противостоянии повторному подтверждению назначения их лидера на пост премьер-министра, решили вывести его из игры. С этой целью они попросили ближайших и самых доверенных лиц лидера оппозиции стать посредниками в переговорах и убедить аятоллу согласиться на встречу с Сардар Сепехом, который якобы готов принять все требования, которые ему будут предъявлены. Они рассчитывали использовать

¹⁸² Асадулаев К. Свержение династии Каджаров в Иране (1920–1925). Душанбе, 1966. С. 110.

¹⁸³ Меликов О. С. Установление диктатуры Реза-шаха в Иране. М., 1961. С. 82.

себялюбие и эгоизм Модарреса, способного соблазниться встречей, на которой поверженный соперник примет все его условия, носящие ультимативный характер. Логика убеждения состояла в том, что если Реза-хан будет окончательно отправлен в отставку, то со страной могут случиться многочисленные бедствия, но если он останется у власти и будет действовать согласно приказаниям и поручениям самого Модарреса, то лучше оставить его на прежней должности. Первоначально аятолла отказывался от такой встречи, но потом под воздействием многочисленных уговоров согласился на нее.

Было решено, что встреча произойдет за два часа до начала судьбоносного заседания Меджлиса в доме депутата от оппозиции Кавама од-Доуле. Однако в назначенное время Сардар Сепях на нее не явился. Когда по поручению Модарреса стали его разыскивать, используя телефон, то получили ответ, что Сардар Сепях приносит свои извинения, но вынужден прибыть по неотложным делам в Генеральный штаб и приедет на встречу через час. Но он не приехал и через полтора часа. Тогда сторонники Реза-хана стали звонить по подложному номеру и сообщили, что он только что покинул Генеральный штаб. Через некоторое время Модаррес потребовал разыскать Реза-хана, и его опять обманули, сообщив, что тот вынужден был срочно прибыть в Военное министерство. Такая ситуация повторялась несколько раз. В итоге Модаррес пробыл в доме Кавама од-Доуле с 14 до 21 часа и не присутствовал на закрытом заседании Меджлиса, когда принималось принципиальное решение, позднее лишь формально проголосованное на открытом заседании.

В связи с этой ситуацией депутат Меджлиса пятого созыва и сторонник Модарреса Зия уль-Мольк Фарманд позднее вспоминал: «На следующий день, как только Модаррес пришел в Меджлис и узнал о ходе закрытого заседания и его результатах, то чрезвычайно разволновался и рассердился. <...> Модаррес обратил на меня свой пристальный взор, в глазах его стояла ярость, он взял меня за руку и увлек в комнату оппозиции, приказав техническому сотруднику никого в нее не впускать. Когда мы там находились, Модаррес находился в состоянии крайнего

внутреннего раздражения, начал говорить: «Господин Зия уль-Мольк, товарищи, вы видите, какая беда на меня обрушилась?» Я ответил: «Нет». Он сказал: «Вчера произошло то-то и то-то, меня похитили, и я не смог присутствовать на закрытом заседании Меджлиса, и Меджлис без моего противодействия высказался в пользу Сардар Сепеха»¹⁸⁴. Возможно, Модаррес преувеличивал свою роль и влияние на депутатов. В обстановке газетной истерии, организованных в столице демонстраций военных и давления, оказываемого всеми командующими военными округами, он не смог бы повлиять на принятое решение, но в оценке происшедшего с ним он оказался прав: иначе как похищение это оценить нельзя.

Согласно воспоминаниям Сеида Якуба Анвара, по его предложению на заседании Меджлиса 8 апреля 1924 г. после того, как был проголосован вопрос о доверии правительству и премьер-министру, была отобрана группа из 12 депутатов, представлявших все парламентские фракции, которые на следующий день поехали к Реза-хану в Рудхан договариваться о его возвращении в Тегеран. В нее вошли Мостуофи уль-Мамалек, Мошир од-Доуле, Мосаддек ос-Салтане, Солейман Мирза, Сеид уль-Мохатгегин Дибя и ряд других депутатов¹⁸⁵. Сардар Сепех согласился вернуться и возглавить кабинет при условии, что в Меджлисе будет сформировано твердое и устойчивое проправительственное большинство, которое даст возможность правительству спокойно работать и решать насущные для страны дела. Такие заверения ему были даны.

Ахмед-шах 12 апреля 1924 г. из Парижа дал свое согласие на формирование кабинета под руководством Реза-хана: «Собранию Национального Совета. Хотя Основной закон дает нам право лишить нашего доверия бывшего премьер-министра, однако, не отвергая разумного решения Собрания Национального Совета, наследнику престола поручено разрешить (Сардар Сепеху) составить и представить кабинет министров»¹⁸⁶.

¹⁸⁴ Цит по: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 2. С. 545.

¹⁸⁵ Там же. С. 548.

¹⁸⁶ Там же. С. 546.

Таким образом, попытка шаха, Двора и оппозиционной части депутатов Меджлиса отстранить Реза-хана от власти окончилась провалом. Это стало его своеобразным реваншем за неудачу с республиканским движением.

Как мы показали в предыдущей главе, провал республиканского движения привел к распаду парламентского большинства, поддерживавшего Реза-хана. На этот раз неудача с попыткой смещения Сардар Сепеха с должности премьер-министра и согласие Меджлиса сформировать устойчивое проправительственное большинство в качестве условия его возвращения на данный пост привели к тому, что в новое большинство вошли более трех четвертей депутатов. Таким образом, оно стало еще более многочисленным, чем в начале марта, когда с его помощью предполагалось решить вопрос о переходе к республиканской форме правления. Наряду с этим сформировалось и небольшое (12–14 человек), но достаточно сплоченное парламентское меньшинство, возглавляемое аятоллой Модарресом.

В тот период времени мало кто из иранских политиков мог сравниться с ним, а в некотором смысле Модаррес был уникальным, поскольку обладал огромным влиянием на народные массы не только как политик, но и как религиозный деятель. Неслучайно именно им был выдвинут тезис: «Вера неотделима от политики» (дин аз сийасат джода нист). Он обладал такими качествами, необходимыми крупному политическому деятелю, как ум, хитрость, находчивость, твердость, смелость и, наконец, политическое чутье. Наряду с этим был авантюрен, капризен и себялюбив.

Аятолла Сеид Хасан Модаррес впервые попал в иранский парламент в 1909 г. при избрании Меджлиса второго созыва, когда был избран от богословов Неджефа и Кербелы в качестве одного из авторитетнейших улемов, который должен был следить за тем, чтобы конституционные законы и деятельность парламента не входили в противоречие с исламскими законами и традициями. В Меджлисе он входил во фракцию «Этедалиун» (Умеренные). Надзорное право духовенства было предусмотрено поправками к основному закону, вырванными конституционалистами у Мохаммед Али-шаха в 1907 г. Поскольку демо-

краты и националисты тяготились этими ограничениями, то уже при выборах в Меджлис третьего созыва стало ясно, что специальный представитель богословов главных шиитских святынь в парламенте присутствовать не будет. Однако за время своей депутатской деятельности аятолла Модаррес приобрел такой большой авторитет, что легко был избран депутатом от Тегерана в Меджлис третьего и четвертого созывов. Поскольку ислам предусматривает активные усилия члена уммы на пользу всех ее членов, вплоть до восстания, то Модаррес занимал самую активную позицию по всем ключевым политическим вопросам, входившим в компетенцию парламента.

После переворота третьего хута (в ночь с 20 на 21 февраля 1921 г.), когда Реза-хан появился в высших политических сферах, он старался наладить отношения с рядом влиятельных иранских политиков, в т. ч. с Модарресом. Так, осенью 1921 г. аятолла заболел тифом, и военный министр, узнав об этом, организовал его лечение за свой счет, поручил военному губернатору Тегерана Махмуду Ансари контролировать этот процесс и регулярно докладывать о состоянии пациента. Также по личной просьбе Реза-хана Модарреса курировал доктор Амир Али¹⁸⁷. Однако сблизиться с этим крупным политическим деятелем Реза-хану не удалось.

Иранский историк Х. Макки так оценивал его роль в деятельности парламентов четвертого и пятого созывов: «На протяжении большей части срока Меджлиса четвертого созыва <...> Модаррес возглавлял парламентское большинство и играл положительную роль в иранском парламенте. Но в период Меджлиса пятого созыва, наоборот, с первых дней работы парламента он был среди противников правительства Сардар Сепеха. Тем не менее всякий раз, если он вдруг в виде исключения сблизился с Сардар Сепехом, их дружба вскоре быстро распалась. Поэтому он создал фракцию меньшинства и до конца своего пребывания в Меджлисе состоял в ней»¹⁸⁸. С указанным суждением Х. Макки отчасти можно не согласиться, учитывая

¹⁸⁷ Там же. С. 541.

¹⁸⁸ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 3–4.

роль Модарреса в абсолютно безосновательной атаке под надуманным предлогом на правительство Мостоуфи уль-Мамалека в июне 1923 г.

Глава миссии американских финансистов А. Мильспо, в то время полностью контролировавший иранские финансы, дал следующую характеристику аятолле: «Признанным лидером духовенства в Меджлисе является Модаррес, недавно избранный Первым заместителем Председателя Палаты. Модаррес имеет репутацию человека, не придающего значения деньгам; он живет в простом доме с садом, в котором имеются лишь циновки, книги и скамейки. Он носит бороду и одевается в простую одежду в старом персидском стиле, считается среди персов ученым, не говорит на иностранных языках¹⁸⁹. При встречах с ним нельзя было не оказаться под впечатлением от его простоты, прямоты и здравого смысла. В своей общественной деятельности он последователен и смел. В глубине души он искренний персидский националист и часто говорил мне: “Я не интересуюсь мелкими деталями администрирования. Обращайтесь ко мне только по крупным вопросам, и, если Вы покажете, что делаете важные дела, я с Вами”»¹⁹⁰.

Реза-хан хорошо понимал опасность, исходящую от Модарреса. Поэтому среди парламентского меньшинства у него всегда были 1–2 своих человека, которые должны были информировать премьер-министра о планах аятоллы. Однако такая тактика не приносила должных результатов из-за скрытности лидера меньшинства, никогда не оглашавшего на заседаниях фракции своих планов: он делился ими только с несколькими депутатами, которым полностью доверял. Для политического уничтожения Модарреса по поручению Сардар Сеха против него даже создали компрометирующие документы, согласно которым он состоял в связи с англичанами и получал от них финансирование. Этим премьер-министр хотел не только подорвать авторитет противника среди населения, но и ухуд-

¹⁸⁹ Сеид Хасан Модаррес, будучи известным богословом, не мог не владеть арабским языком, но, вероятно, А. Мильспо со свойственным людям Запада европоцентризмом иностранными языками считал только европейские.

¹⁹⁰ Millsbaugh A. C. The American task in Persia. London, 1924. P. 145.

шить отношение к нему со стороны советского полпредства. Реза-хан утверждал, что Модаррес начал конфронтацию с ним в результате подстрекательств англичан. При этом он ссылался на тесные связи аятоллы с Носрет од-Доуле – принцем Фирузом, который был известен как один из участников подготовки кабального для Ирана Англо-персидского договора в 1919 г. и один из получателей взятки от англичан в размере 131 000 фунтов. Указывалось также, что принц Фируз даже дал Модарресу 1200 фунтов на его политическую деятельность, что было опровергнуто аятоллой специальным письменным заявлением, опубликованным в газетах¹⁹¹.

Среди видных членов парламентского меньшинства Меджлиса пятого созыва следует упомянуть Малека ош-Шоара Бахара, Сеида Абульхасана Хаеризаде Йазди, Хасан-хана Раима Кашани и Мирзу Али Казеруни. Парламентское большинство состояло из членов фракции «Таджаддо», социалистов и нескольких других фракций. Наряду с этими парламентскими фракциями имелось и несколько независимых депутатов, среди которых были такие авторитетные политические деятели как Мостуофи уль-Мамалек, Мошир од-Доуле, Мосаддек ос-Салтане (доктор Мосаддык), Сеид Хасан Тагизаде и Зия уль-Молюк Фарманд. Группа независимых иногда при голосовании за те или иные законопроекты поддерживала парламентское большинство и правительство, но чаще солидаризировалась с парламентским меньшинством, чем оказывала ему серьезную моральную поддержку, однако изменить баланс сил в Меджлисе их поддержка не могла.

Борьба за общественное мнение между правительством и поддерживавшим его парламентским большинством и оппозицией велась через прессу. Подавляющее большинство газет выступали на стороне правительства, оппозиция имела лишь 8–9 газет. Правда, среди их редакторов и авторов был целый ряд талантливых журналистов и поэтов, в т. ч. Малека ош-Шоара Бахар, Мирзаде Эшхи и др., при этом связь между оппозиционной прессой и парламентским меньшинством поддержи-

¹⁹¹ Текст опровержения см.: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 7.

валась через Бахара, который был и депутатом Меджлиса. Однако проправительственные издания и их оппоненты находились в неравном положении – как в плане финансирования, так и в возможности свободно выражать свои политические взгляды. Первые писали все что угодно, осуществляя нападки на оппозицию, публиковали откровенные фальсификации, опускались до прямых личных оскорблений и пр., не подвергаясь никаким взысканиям. За публикациями вторых надзорные органы тщательно следили и придирались к любым мелочам с целью закрыть газету, отозвать лицензию у ее издателя, наложить штраф и пр. Поэтому из всех изданий, поддерживавших парламентское меньшинство, никогда одновременно не выходило более двух газет.

В результате оппозиционная пресса стала прибегать к завуалированным намекам, эзопову языку и даже к акrostихам. В частности, был использован момент: когда Сардар Сепак, вернувшись из Рудхана, составил новый кабинет и представлял своих министров Меджлису, произошла заминка. Он забыл имя одного из своих министров и, стоя на парламентской трибуне, обратившись к этому министру, сидевшему напротив, спросил, как его зовут. Оппозиционеры использовали этот случай и опубликовали в газете «Насим-е Саба» акrostих. При прочтении первого слова каждой строчки получалось следующее: «Реза-хан неграмотный потому, что не смог своих министров представить Меджлису. Как он может быть достоин стать президентом республики? Тайная полиция не позволяет нам свободно писать. Поэтому взгляды нации излагаем шарлатанам акrostихом и говорим: “Пусть реакционеры обвинят нас в ереси”»¹⁹².

Особенно остро критиковал правительство и республиканскую идею Мирзаде Эшхи – яркий молодой поэт, публицист, писатель и драматург того времени, возобновивший изда-

¹⁹² По-персидски это звучит следующим образом: «Реза-хан-е бисавд ке возара-йе ход ра натванест бе маджлес моаррефи бенамайад четоур лаг-е рийасат-е джомхур аст, таминат немигозарад азадане беневисим леза мовашшах-е агаеде мелли хоггебазан ра миневисим ва мигуим богзар мортаджеин ма ра такфир конанд». Полный текст данного стихотворения см.: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 19–20.

ние своей газеты «Гарн-е бистом» (Двадцатый век). В номере от 28 июня 1924 г. он опубликовал серию своих стихотворений антиреспубликанского содержания в сопровождении нескольких острых карикатур, обращенных против республиканцев. Следует отметить, что сам Эшхи не выступал против идеи республики, но как демократ романтически-идеалистического типа не принимал республику в стиле Реза-хана с его диктатурой и насилиями. Сразу же после выхода этого номера газету закрыли, а около его дома стали появляться полицейские агенты. 3 июля 1924 г. Эшхи, находившийся в своей квартире, был застрелен несколькими выстрелами в упор двумя неизвестными, которые скрылись и впоследствии не были найдены.

Убийство Мирзаде Эшхи произвело чрезвычайное впечатление на оппозицию. Группа из 12 издателей газет, поддерживавших парламентское меньшинство, по предложению аятоллы Модарреса села в бест в здании Меджлиса. Протестующие требовали от правительства энергичных мер по раскрытию убийства своего коллеги. Примечательно, что они не просили обеспечить свою личную безопасность, отмечая, что сами могут сделать это, полностью прекратив свою оппозиционную деятельность. Такую постановку вопроса можно было оценить как едва прикрытое обвинение правительственных структур в организации данного преступления.

Закрытие газет, постоянное запугивание представителей оппозиционной прессы и террор сделали ее борьбу с правительством крайне затруднительной. Несмотря на это, Реза-хан хорошо понимал, что основные события еще впереди, и важную роль в них сыграет позиция духовенства, способного формировать настроения средних городских слоев. Он осознавал, что духовенство как сословие является его противником в еще большей степени, чем феодальная знать, поскольку рост его власти не мог проходить без уменьшения власти и влияния духовенства, и хорошо помнил, кто в конечном итоге привел к провалу республиканского движения.

С целью заручиться поддержкой части улемов и ослабить их влияние он, будучи совершенно нерелигиозным человеком, предпринимая жесткие меры против парламентской оппозиции

и ее прессы, начал демонстрировать свое крайнее благорасположение и уважение к исламу и духовенству. Иными словами, действовал по принципу, сформулированному Саади:

Ан кясани ке аханин моштанда Бойцы с железной силой необъятной
Дошманан ра бе дусти коштанда Врагов убили дружеским объятьем

В частности, в министерство культуры было направлено циркулярное письмо премьер-министра. В нем разъяснялись роль и значение ислама в жизни страны, предписывалось максимально контролировать соблюдение основ веры в средствах массовой информации при осуществлении театральных постановок и пресекать любые нарушения в этой области, чтобы в данной сфере не происходило нарушений, как случалось в прошлом. Сардар Сепях приказал организовать исключительно пышное празднование священного месяца рамазана и сам принял в нем участие. Противниками Реза-хана такого рода действия воспринимались как поверхностные и неэффективные, но в действительности они продвигали его к намеченной цели, выставляя защитником веры и традиционных порядков.

Если для внутренней аудитории Сардар Сепях рядился в одежды традиционалиста, то для иностранных наблюдателей и общественного мнения он старался выглядеть современным реформатором, стремящимся к модернизации страны, прогрессивным свободолобцем, что ему вполне удавалось, а противники Реза-хана воспринимались многими за границей как реакционеры. Это вызывало непонимание со стороны многих иранских политиков того времени и иранских историков, позднее описывавших события тех лет. Х. Макки отмечает: «Удивительно, но телеграфное агентство Москвы становилось жертвой такого рода пропаганды и распространяло информацию в пользу Сардар Сепяха»¹⁹³ и далее приводит сообщение от 29 апреля 1924 г. из Баку, в котором противники Реза-хана представлены реакционерами, действующими по наущению англичан.

В такой оценке советской стороной противоборствующих сил иранского общества нет ничего странного, поскольку

¹⁹³ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 32.

в то время Реза-хан проводил политику по централизации страны, боролся с сепаратистами на окраинах, реформировал ее архаичную политическую систему. Ему противостояло духовенство, общепризнанный политический лидер которого аятолла Модаррес крайне негативно относился к Советскому Союзу. Достаточно вспомнить, что в своей речи в июне 1923 г., когда оппозиция боролась с правительством Мостууфи уль-Мамалека, единственное обвинение, выдвинутое Модарресом против премьер-министра, состояло в том, что он не сможет при необходимости противостоять северному соседу. Кроме того, следует помнить и положение в самом СССР, где церковь, занявшая сразу после Октябрьской революции откровенно антисоветскую позицию и активно выступавшая против новой власти, была отделена от государства и воспринималась как нечто реакционное. В связи с этим было бы странно, если бы советская власть считала иранское духовенство прогрессивной силой.

Советское руководство никогда не заблуждалось в отношении Реза-хана. С точки зрения марксистской теории оно видело в нем политическую фигуру, способную создать централизованное государство, где будут изживаться феодальные пережитки и начнется быстрое развитие капитализма, невозможное без роста численности иранского пролетариата. Это естественным образом будет приближать страну к социализму. С точки зрения политического прагматизма СССР опасался, что при сохранении старой политической системы Иран ждет неминуемый распад и англичане смогут установить свой непосредственный контроль над большей его частью, поэтому считалось целесообразным поддерживать Реза-хана в его усилиях по централизации страны. Следует отметить, что и англичане поддерживали Сардар Сепеха, поскольку боялись распада Ирана и установления советского контроля в его северных районах.

Хотя республиканское движение потерпело поражение и казалось, что атаки на династию Каджаров хотя бы на время должны прекратиться, этого не произошло. Выступления против династии продолжились в прессе, с каждым днем набирая силу. Складывалась странная ситуация. Права и обязанно-

сти монархии четко описывались в Конституции, Дополнениях к ней и других законах, а значит, антимонархические выступления в газетах должны были пресекаться правительством, стоящим на страже законности и порядка. Однако оно не только ничего не делало для прекращения этой кампании, а наоборот, поощряло издателей продолжать подобного рода публикации. В какой-то момент сторонники Реза-хана начали антимонархические выступления и в парламенте.

В середине июня во время приведения к присяге некоторые из депутатов допустили искажения в формулировках официального текста. В частности, во время произнесения присяги депутат Зия уль-Ваэзин выпустил из ее текста следующее предложение: «Быть верным и правдивым в отношении своего справедливого августейшего шахиншаха, подданным которого я являюсь, и не изменять основам монархии»¹⁹⁴. Это вызвало бурные обсуждения в Меджлисе, причем некоторые из депутатов, ориентировавшихся на Сардар Сепак, поддержали Зия уль-Ваэзина, мотивируя изъятие данной фразы тем, что Ахмед-шах нельзя считать справедливым монархом. Такое обвинение совершенно не соответствовало действительности, поскольку Ахмед-шах при всех своих недостатках не был деспотичным правителем, по его приказаниям, по крайней мере, после того как молодой шах избавился от опеки своих регентов, не было казнено ни одного человека. Более того, он даже с ужасом полагал, что может быть втянут в судебный процесс, как любой другой иранец.

Несмотря на такой демарш группы депутатов, председатель Меджлиса Мотаммен уль-Мольк занял твердую позицию, согласно которой текст присяги не может быть изменен. Его авторитет, поддержка аятоллы Модарреса и других депутатов принудили Зия уль-Ваэзина изменить свою позицию.

В сложившейся политической ситуации все стороны продолжали маневрировать. Аятолла Модаррес и принц Фируз предлагали вызвать Ахмед-шаха из Европы. Данное предложение усилило колебания среди части депутатов Меджлиса,

¹⁹⁴ Там же. С. 33.

сторонников Реза-хана, некоторые из которых высказывались за прекращение противостояния между ним и Двором, находясь под впечатлением как размаха республиканского движения, так и политизации больших масс населения, выступивших против республики. В положении неустойчивого равновесия Сардар Сепас принимает решение направить шаху послание и просить его вернуться в страну. Разумеется, приезд Ахмед-шаха в Иран не соответствовал интересам премьер-министра, но этим предложением он старался прощупать психологическое состояние монарха и получить представление о его ближайших планах. Однако шах прислал уклончивый ответ, в котором писал об улучшении своего здоровья и страстном желании скорее приехать в Иран, не сообщая никаких конкретных сроков своего возвращения¹⁹⁵. Такой ответ делал очевидным, что в ближайшее время он в страну не вернется, ожидая, вероятно, более благоприятного момента для такого шага.

Между тем неожиданное обострение внутривосточного положения было вызвано убийством американского консула в Иране майора Роберта Имбри, произошедшим 19 июля 1924 г. В этот день Имбри вместе со своим другом инженером-нефтяником Бэлвином Сеймуром направился к источнику, оформленному в виде небольшой часовни с изображениями ликов шиитских святых. Вода открытого накануне источника считалась чудотворной, в связи с чем около него собралось большое количество народа. Целью поездки американцев было сделать несколько фотографий, которые заказал Имбри журнал *National Geographic*. Когда Имбри установил около источника треногу с фотоаппаратом, ему сказали, что здесь много женщин и тут нельзя фотографировать. Он отошел чуть дальше, но и оттуда его попросили уйти. Тогда Имбри и Сеймур стали еще дальше и уже приготовились было делать снимки, но народ и там высказывал возмущение. Вдруг какой-то человек, приехавший к источнику на мотоцикле, подошел ближе и закричал, что иностранцы хотят отравить воду источника, и этому надо воспрепятствовать. Неожиданно другой человек, стоявший рядом

¹⁹⁵ Текст обеих телеграмм см.: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 76.

с первым, закричал: «Это бабиды, они хотят отравить мусульман, бей!»¹⁹⁶ Толпа бросилась на американцев и стала избивать. С трудом им удалось добраться до фаэтона и бежать. Однако на узких тегеранских улочках их догнали благодаря тому, что камнем попали в голову кучеру, и расправа продолжилась. Неожиданно какой-то случайно оказавшийся там солдат сел на козлы и попытался вывезти несчастных, но его так избили, что на следующий день он умер. Подроспевшая полиция забрала американцев и отвезла их в городскую больницу. Тем не менее большая группа разгоряченных фанатиков, выламывая двери и окна, ворвалась внутрь, и избиение продолжилось. Сеймуру удалось бежать, но Имбри получил тяжелейшие увечья и умер вечером того же дня.

При анализе данного события целесообразно понять, почему это произошло, было ли убийство стихийной вспышкой фанатизма или кто-то его подготовил и направлял погромщиков, иначе говоря, *Cui prodest?* Несомненно, убийство Имбри не было результатом несчастного стечения обстоятельств. Об этом свидетельствует тот факт, что человек, закричавший о намерении иностранцев отравить источник, приехал на место происшествия на мотоцикле, вещи крайне редкой для Ирана тех дней и дорогой, которую не мог бы позволить себе купить какой-нибудь мелкий или даже средней руки базарный торговец. Второй, призвавший толпу к избиению иностранцев, явно был связан с мотоциклистом.

Авторы, останавливающиеся на рассмотрении указанного события, отмечают, что оно было совершено лицами, связанными с англичанами, желавшими ухудшить ирано-американские отношения и сорвать подписание соглашения о передаче концессии на изыскания и добычу нефти в северных районах страны американской компании «Синклер Ойл»¹⁹⁷. Другой заинтересованной стороной могли быть представители феодального лагеря и духовенства, стремившиеся скомпрометировать правительство Реза-хана в глазах западных правительств.

¹⁹⁶ Там же. С. 95.

¹⁹⁷ Абдуллаев З.З. Начало экспансии США в Иране. М., 1963. С. 75–77; Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории политики силы. М., 1956. С. 55–56.

Об этом пишет историк эпохи правления Реза-шаха Амир Тахмасб, указывая на наследника престола Мохаммед Хасан Мирзу как одного из возможных заказчиков данной акции¹⁹⁸.

Обе заинтересованные группы сводит в единое целое К. Асадулаев: «Организуя убийство Имбри, английские монополисты стремились использовать это для ухудшения отношений Ирана с США, срыва переговоров с американской компанией «Синклер», тем самым оказать давление на общую политику правительства Реза-хана. Они хотели склонить Реза-хана к полному сохранению английских империалистических интересов в Иране.

Что касается феодального лагеря, который с помощью духовенства способствовал этому убийству, то его цель была затруднить деятельность правительства, показывая иностранным миссиям, аккредитованным в Тегеране, что правительство Реза-хана не способно обеспечить спокойствие в стране»¹⁹⁹.

Сейчас не представляется возможным точно определить инициаторов данного убийства, но совершенно определенно можно констатировать, что более всего от него выиграли англичане, поскольку оно почти на 30 лет закрыло доступ американским компаниям к иранскому нефтяному бизнесу. Что же касается феодального лагеря и духовенства, то их выгоды от происшедшего оказались сомнительными. Однако реально обратить рассматриваемые события себе на пользу смог тот, кто менее всего может быть заподозрен в их организации, – Реза-хан.

Указанное – на первый взгляд незначительное, хотя и трагическое – происшествие имело большие политические последствия. В плане двусторонних ирано-американских отношений вопрос был быстро урегулирован. Иранское правительство принесло свои извинения и выплатило щедрую компенсацию семье погибшего в размере 60 тыс. долл. Также правительство в очень примирительном тоне ответило на коллективную ноту большой группы дипломатических представительств, аккредитованных

¹⁹⁸ Тахмасб А. Тарих-е шахиншахи-йе алахазрат Реза-шах Пехлеви. Тегеран, 1305. С. 424–425.

¹⁹⁹ Асадулаев К. Свержение династии Каджаров в Иране (1920–1925). Душанбе, 1966. С. 113.

в Иране, переданную от их имени дуайеном дипломатического корпуса турецким послом Мохи эд-Дином, пообещав расследовать преступление и наказать виновных²⁰⁰. Но убийство Имбри вызвало очередной внутривластный кризис: правительство захотело использовать его в своих целях, а оппозиция начала новую атаку на правительство.

Сразу после указанного происшествия военный губернатор Тегерана генерал Мортаза-хан Йазданпанах ввел в столице военное положение с официально заявленной целью обеспечить спокойствие в городе, предотвратить беспорядки и погромы. Вводя военное положение, правительство не только преследовало официально заявленные цели, но и оказывало серьезное давление на оппозицию: многие из лиц, сотрудничавших с парламентским меньшинством, были арестованы или помещены под домашний арест. Проправительственная пресса начала резкую критику оппозиции и лично аятоллы Модарреса. Поводом для этого стало его выступление на заседании Меджлиса, когда правительство информировало депутатов о причинах введения военного положения в Тегеране и еще нескольких городах страны и попросило быстро, без долгих обсуждений утвердить это решение. Заявление по этому поводу в Меджлисе делал министр иностранных дел Зока уль-Мольк Форуги, который красочно рассказывал о том, какое ужасное преступление произошло, как оно оскорбило и ранило иранский народ, всегда дружески и гостеприимно относившийся к иностранным гостям. Форуги плавно подвел слушателей к идее о том, что военное положение вводится только ради всеобщего блага и поддержания порядка в стране.

В своем ответном выступлении Модаррес полностью солидаризировался со словами представителя правительства о совершенном преступлении, но заявил, что поскольку вопрос о военном положении не поступал в Меджлис и не обсуждался там, то его не надо было выносить на повестку дня: «Конечно, мы все сожалеем, от своего имени, от имени моих единоверцев,

²⁰⁰ Расследование проводилось вяло, убийц не нашли. Правда, был арестован один из сотрудников АПНК, находившийся в то время в толпе около источника, но позднее за отсутствием каких-либо улик против него этого человека отпустили.

которыми в действительности является весь иранский народ, я выражаю сожаление. По второму вопросу, который господин председатель решил выделить (одобрение введенного правительством военного положения – *прим. авт.*), я также подчиняюсь, но считаю, что до того, как вопрос о военном положении не поступил в Меджлис и здесь не подвергся обсуждению, на него реагировать не следует...»²⁰¹

В связи с такой позицией Модарреса газета «Иран» 22 июля 1924 г. писала: «Это хулиганство и скандал, который был поднят и раздут руками иностранцев для подрыва престижа иранского государства и плохо кончился для одного уважаемого представителя иностранного государства, лишил безопасности и покоя всех жителей страны и иностранцев, и государство, отвечающее за всеобщее спокойствие, не имеет права оставаться безучастным зрителем. <...>

Если в результате этих беспорядков на Иран обрушится какой-нибудь внешнеполитический инцидент, то лидер меньшинства не сможет отвечать за него! В принципе необходимо понять, что же говорит лидер меньшинства с такими мыслями, таким пониманием политических документов, пустословием и болтовней? Извините, но государство волей-неволей должно выходить из того положения, в котором вы хотели бы, чтобы оно пребывало. Вы не являетесь неотъемлемой частью прогрессивного государства, ваша власть не может быть вечной. В тот день, когда увеличится количество учеников в школах этого города, ваше время истечет, вам не позволят обманывать народ и делать из него плотину на пути прогресса в Иране! Вчера вы наносили удары по Сардар Сепаху, а сегодня – по государству, но вам этого не позволяют!»²⁰²

Приведенный образец критики Модарреса показывает, что его упрекают за то, чего он не говорил и не делал, обвиняют в мракобесии, препятствовании прогрессу Ирана и пр. Но в своем выступлении, как показано выше, он ничего подобного не говорил. Таким образом, на Модарреса, а в его лице

²⁰¹ Выписка из стенограммы заседания Меджлиса. Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 104.

²⁰² Иран. 22.07.1924.

и на все духовенство, на парламентскую оппозицию, которая не поддерживала Реза-хана и его политику, возлагалась ответственность не только за трагическое происшествие с майором Имбри, но и за многие проблемы и беды страны. В то же время оппозиционные газеты молчали, поскольку все их издатели и главные редакторы сидели в бесте в Меджлисе в знак протеста в связи с убийством Мирзаде Эшхи, произошедшим за 15 дней до убийства Имбри.

Военное положение было использовано для массовых арестов сторонников оппозиции, лиц, симпатизировавших лично Модарресу, и всех несогласных с курсом правительства Реза-хана. Среди арестованных оказались шейх Абдулхосейн Харрази и Фирузабади. Арестам подверглись видные общественные деятели, за несколько недель до того присутствовавшие на похоронах Мирзаде Эшхи. Арестованных пытали, избивали плетьюми и палками, некоторых выслали в отдаленные районы страны. Говоря об этом периоде, Х. Макки отмечает: «Всякий, кто имел малейшее знакомство и связь с представителями меньшинства (парламентского), арестовывался. Если кто-либо с кем-то конфликтовал и хотел ему отомстить, то было достаточно сказать, что этот человек связан с меньшинством! И его тут же арестовывали! Говорят, что в тот период было арестовано около 600 человек. Акбар-хан Паменари, авторитетный человек в квартале Паменар, во время расследования его дружбы с Модарресом не скрывал своих религиозных убеждений и сказал, что считает Модарреса представителем сокрытого имама (Махди – прим. авт.). За это его так избили, что несчастный скончался от всех нанесенных увечий сразу после освобождения»²⁰³. Реальной целью всей этой кампании, проводившейся формально ради борьбы с реакционерами и агентами иностранных держав²⁰⁴, являлось запугать оппозицию и ее сторонников настолько, чтобы ни у кого не возникало желания противостоять Реза-хану и его курсу.

В сложившихся условиях положение парламентского меньшинства катастрофически ухудшалось: его сторонники арестовывались, выслались, подвергались избиениям и психологиче-

²⁰³ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3 С. 109.

²⁰⁴ Под иностранной державой подразумевалась Англия.

скому давлению. Оппозиционные газеты не выходили, поскольку их издатели сидели в бесте или находились под арестом. В Меджлисе оппозиционным депутатам не давали выступать: либо большинство не вносило в повестку заседания интересующие меньшинство вопросы, либо устраивало склоку, в результате чего заседание срывалось. Модарресу все-таки удалось выступить, описать происходящие бесчинства и потребовать от Меджлиса вмешаться в ситуацию, но его призыв остался без ответа.

Тогда чаша терпения оппозиции переполнилась, и она пыталась нанести удар по Реза-хану, сделав официальный запрос о деятельности правительства. Она пошла на такой шаг, поскольку в ходе рассмотрения запроса получала возможность беспрепятственно высказать свою точку зрения и обосновать ее. Кроме того, предполагалось привлечь на свою сторону группу независимых депутатов, которые по своим воззрениям были близки меньшинству, и таким образом попытаться изменить ситуацию и хоть как-то уменьшить силу Реза-хана.

Модаррес 25 июля 1924 г. подает запрос следующего содержания:

«Уважаемый Председатель
Собрания Национального Совета!

Мы, нижеподписавшиеся, делаем запрос господину Председателю правительства по следующим вопросам:

1. Неправильная внутренняя и внешняя политика.
2. Действия, направленные против Основного закона и конституционной власти, оскорбления Собрания Национального Совета.
3. Конфискованное имущество не было сдано в государственную казну»²⁰⁵.

Запрос был подписан семью депутатами во главе с Модарресом, который, предваряя его, заявил, что делает интерpellацию в связи с тем, что Сардар Сепак руководит политикой, но он ничего не имел бы против того, чтобы имярек возглавлял военное министерство и продолжал бы его поддерживать.

²⁰⁵ Выписка из стенограммы заседания Меджлиса. Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 127.

Однако этот шаг оппозиции не привел к желаемым результатам, поскольку премьер-министр имел твердую поддержку в Меджлисе. В ходе обсуждения и дебатов некоторые депутаты из парламентского большинства (Носрет од-Доуле и Сардар-е Моаззам-е Хорасани (Теймурташ)) предложили Реза-хану в виде компромиссного шага переформировать кабинет. В результате 26 августа 1924 г. все министры, кроме министра иностранных дел Форуги, подали в отставку. 31 августа было сформировано новое правительство, в котором не было представителей социалистов, но в качестве министра почт и телеграфов вошел один из крупных бахтиарских племенных вождей Сардар Асад Бахтиари – сын одного из руководителей Конституционной революции Али Голи-хан Сард Асада Бахтиари. Его включение в кабинет объяснялось желанием Реза-хана показать представителям феодальной верхушки готовность сотрудничать с теми из них, кто готов продемонстрировать лояльность ему и его политике.

Таким образом, по итогам весенне-летней политической кампании 1924 г. стало ясно, что хотя организованное Реза-ханом республиканское движение потерпело поражение, ему удалось вернуться во власть с минимальными потерями, сформировать устойчивое проправительственное парламентское большинство и начать жесткую планомерную кампанию как против оппозиции, так и против династии Каджаров. Несогласные с премьер-министром политические и общественные деятели объявлялись реакционерами и людьми, потворствующими сепаратистам. Вероятно, именно в это время, поняв, что не сможет стать пожизненным президентом, как это сделал Мустафа Кемаль в Турции, Сардар Сепях начинает приходить к мысли о том, чтобы самому занять иранский престол, тем более что Ахмед-шах не решился вернуться в Иран. Все попытки оппозиции переломить ситуацию или хотя бы ослабить власть всемогущего диктатора оказались безрезультатными. Даже его, казалось бы, компромиссное решение включить в новый кабинет представителя феодальной аристократии может трактоваться как вполне прагматичный шаг, поскольку на юге уже начиналось выступление правителя Арабестана шейха Хаззала, и в таких условиях лояльность воинственных бахтиарских племен была не лишней.

Глава VI

ВОССТАНИЕ ШЕЙХА ХАЗЗАЛЯ

Для того чтобы понять исторический смысл и тайные пружины восстания шейха Хаззала, носившего титул Сардер-е Эхдас, необходимо кратко ознакомиться с личностью этого человека.

Шейх Хаззаль происходил из арабского племени Бану-Кааб. По воле его отца Джабира аль-Кааби-хана, эмира Арабестана, после его смерти эмиром данной провинции стал старший сын, однако вскоре младший сын – будущий шейх Хаззаль убил брата и в 1897 г. возглавил эмират. Желая утвердиться в Арабестане, являвшемся зоной особых интересов англичан, он еще до того, как захватил власть, стал заверять их в готовности служить британским интересам и использовать для их усиления всю свою власть и возможности, что многократно доказывал в дальнейшем. В частности, в 1915 г., когда под влиянием османов в этом районе некоторые племена подняли антианглийское восстание, имея целью прервать поставки сырой нефти на Абаданский нефтеперерабатывающий завод и тем самым нарушить снабжение английской армии и флота, он использовал свои вооруженные силы для его подавления. За заслуги перед Великобританией шейх был награжден несколькими английскими орденами и удостоен звания рыцаря-командора Индийской империи.

Несмотря на то, что Хаззаль служил верой и правдой англичанам, они стали проявлять недовольство им. Он почувствовал изменение отношения и писал об этом в письме своему другу – тегеранскому сановнику Каваму од-Доуле: «Я обратил внимание на то, что английская политика по отношению ко мне

изменилась, и мало-помалу замечаю, что руководители нефтяной компании выказывают некоторое несогласие с действиями моих людей. С учетом того, что самые незначительные дела, по которым “Южная Нефтяная Компания” должна обращаться ко мне, всегда решаются, тем не менее видно, что они сами вмешиваются в них, и часто соответствующие вопросы скрывают от меня и держат в тайне»²⁰⁶. Приведенное свидетельство особенно ценно потому, что оно написано задолго до событий, рассматриваемых в настоящей главе.

Для того чтобы укрепить свое политическое положение и связь с англичанами, Хаззаль в 1921 г. создает Ложу Шейха Хаззаля, действовавшую под патронатом египетских масонов, входивших в систему лож Великой Ложы Шотландии.

Хотя в связи с событиями 20-х гг. за шейхом закрепилась репутация сепаратиста, это не соответствует действительности. На башне его дворца, расположенного на берегу Шатт эль-Араба, развивался иранский флаг, и от всех входящих в реку торговых судов шейх требовал салютовать этому флагу 21 артиллерийским залпом. Шейх в своем роде был патриотом, но патриотизм его носил своеобразный, феодальный характер, поскольку он всегда хранил верность не Ирану как таковому, а шахам из династии Каджаров, которые в его сознании ассоциировались с Ираном²⁰⁷. При этом неотъемлемой платой за верность трону он считал свои феодальные привилегии, к которым относил и право корректировать по своему усмотрению выплату налогов в государственный бюджет.

В основании многих политических конфликтов, как правило, лежат экономические интересы и противоречия. Это было верно и в отношении конфликта между шейхом и правительством Реза-хана. Так, в августе 1924 г. до правительства дошла информация о том, что Хаззаль ведет переговоры с Шахиншахским Банком о переуступке банку значительных земельных участков в Арабестане, управление которыми находилось

²⁰⁶ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 159.

²⁰⁷ В таком восприятии политического устройства страны нет ничего нового и удивительного. Хорошо известно, что Николай I, имея в виду национальный состав высшей государственной бюрократии и высшего военного сословия, говорил, что русские служат России, а немцы – нам (т. е. династии Романовых).

в его руках. Поскольку было известно, что он владеет в провинции большим количеством государственных земель, то из Тегерана пришло приказание передать в казну все имеющиеся там государственные имения. Как отмечало советское полпредство, этого «шейх, разумеется, стерпеть не мог, так как отнятие государственных имений означало для него почти полное обезземеливание и утрату всякого влияния. Поэтому он решил принять свои меры. Для воздействия на Перспра шейх снова прибег к излюбленным своим мерам, но на этот раз в более широком масштабе»²⁰⁸.

С мест стали поступать сообщения о передвижениях Хаззала, о его переговорах с арабскими племенами, даже с теми, с которыми он ранее не имел слишком дружеских отношений (Бени-Тереф), о посылке им эмиссаров в Кухгилуе и даже к племенам провинции Фарс и, наконец, о его совещании с бахтиарским ханом Амиром Мождахедем.

Следует отметить, что советский полпред беседовал с Реза-ханом и оценил складывавшуюся на юге Ирана ситуацию как опасную, указав в т. ч. на фактическую мобилизацию сил, проводившуюся Хаззалем. Однако Сардар Сепях не воспринял всерьез высказанное мнение и ограничился спокойными заявлениями, суть которых состояла в том, что шейх успокоился, что он вообще никогда «не посмеет» и вообще небольшие «шолуги» (заварушки – *прим. авт.*) затевает не Хаззаль, а бахтиарский хан Амир Моджахед²⁰⁹.

Тем не менее советское полпредство, используя информационные возможности РОСТА²¹⁰, публиковало свои сообщения и оценки ситуации на юге Ирана, основываясь на информации, поступавшей от советского генерального консула в Ахвазе. В них, в частности, указывалось, что на юге имеет место неподчинение государственным чиновникам, которых в некоторых случаях даже изгоняют с мест их службы, и что назревают антиправительственные выступления. Это вызывало раздражение

²⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 98. Л. 19.

²⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 99. Л. 19 с об.

²¹⁰ Российское Телеграфное Агентство, существовавшее с 1918 по 1925 гг., когда было превращено в ТАСС.

Реза-хана, и он в начале сентября обнародовал специальное опровержение советских сообщений:

«Московское радио в своих сообщениях от 31 августа поместило сведения о положении в Хузистане, неосновательность коих вызывает необходимость в опровержении. Подобные происшествия абсолютно не имели места в Хузистане, и в настоящее время вообще ни у кого не осталось ни сил, ни возможности проводить насилия по отношению к государственным чиновникам или же проявлять неповиновение приказам и распоряжениям центра»²¹¹. Указанная позиция премьер-министра объяснялась тем, что он не хотел раздражать шейха, отношения с которым внешне стали спокойнее после обмена посланиями, составленными в примирительном тоне. Более того, англичане обещали ему, что их клиент Хаззаль не будет бунтовать и что они его «уговорят»²¹².

Однако ситуация обострилась, поскольку центральное правительство по инициативе генерального администратора финансов А. Мильспо установило для провинции Арабестан новые размеры ежегодных отчислений и начало заставлять шейха выплачивать недоимки за предыдущие годы, что вызвало его возмущение. После обмена несколькими телеграммами с Реза-ханом, тон которых постепенно повышался, хотя первоначально Сардар Сепях отвечал Хаззалью в достаточно умеренном стиле и не провоцировал конфликт, шейх направил ему следующее послание: «Я совершенно не признаю вас главой правительства, вы узурпатор, который изгнал законного шаха и (попрал) конституцию, захватил столицу и насильственно взял в руки власть»²¹³. После этого премьер-министр направил Хаззалью резкую телеграмму, прервал с ним контакты и ввел цензуру на территории Хузистана.

Однако шейх чувствовал себя так уверенно, что 13 сентября 1924 г. разослал телеграммы в Меджлис, представителям духовенства, иностранным представительствам, а также, по слухам, в Лигу Наций. В телеграмме, направленной в Медж-

²¹¹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 99. Л. 10 об.

²¹² Там же. Л. 11.

²¹³ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 146.

лис, он писал: «Уважаемым господам, конечно, известно, что сейчас же после переворота третьего хута в 1299 г. ввиду честных стремлений господина Реза-хана Сардар Сепеха к проведению коренных реформ и созданию условий для счастья и процветания персидской нации персидский народ ответил на эти благородные патриотические устремления встречным беззаветным порывом и был всецело готов с полной самоотверженностью содействовать проведению в жизнь этих начинаний. Однако приблизительно за год до сего времени, в результате непомерного властолюбия указанного лица, его покушений на права народа и особенно проявившихся за несколько последних месяцев насилий и обид по отношению к свободолюбцам, националистам и представителям чистой мусульманской веры, посягательств на священные основные законы, высоких духовных руководителей народа и давления и оскорблений по отношению к истинным представителям нации – депутатам законодательной палаты, наконец, алчности и обнаружившегося стремления к умножению личного богатства – в результате всех этих явлений в делах государства объявилось расстройство, и несчастный персидский народ был ввергнут в отчаяние.

По сему мы, Общество зачинателей сего движения, именуемое “Гийаме Саадат”, видя в Сардар Сепехе узурпатора и захватчика государственной власти в Персии, объявляем его насильником и попирателем страны и народа и, решившись до последней возможности бороться за освобождение нашей страны, за спасение ее от финансового расстройства, за обеспечение свободы государства, за утверждение основных законов и конституции и за возвращение Его Величества Шаха – да будут наши души за него жертвой – не остановившись ни перед каким препятствием, и не прекратим нашего выступления до тех пор, пока не достигнем решительных результатов в деле обеспечения для страны и народа лучшего светлого будущего. На содержание этого нашего воззвания мы обращаем просвещенное внимание уважаемых господ, дабы не случилось недоразумения и дабы патриотическое наше движение, направленное исключительно против крамольника и захватчика,

не могло быть истолковано как мятеж и бунт против государственной власти»²¹⁴.

Когда приближенные доложили Реза-хану об этих телеграммах, то, по воспоминаниям его личного секретаря Сулеймана Бехбуди, он разразился следующей тирадой: «А знаете ли вы, что эти телеграммы посланы по распоряжению шаха?! Они думают, что я мирза Таги-хан Амир Кабир, которого они хотят убить и который сам поднимет руки и скажет: “Режьте мои жилы”. Но я – Мирза Таги-хан, который сам режет жилы другим. Больше у народа и государства нет сил терпеть. Завтра я вложу в руки этого грабителя и вора шейха и его хозяина то, что они заслужили»²¹⁵.

После официального разрыва с центральным правительством шейх немедленно создал «Комитет восстания счастья». В него вошел ряд крупных бахтиарских ханов, с которыми у правителя Арабестана уже несколько десятилетий были очень хорошие отношения. Видным руководителем комитета был бахтиарский хан Юсеф-хан Амир Моджахед. Он являлся племянником одного из вождей Конституционной революции Алиголи-хана Сардар Асада и сам был ее активным участником, за что и получил свой почетный титул. Также в комитет входили такие бахтиарские ханы как Сардар Фатех Бахтиари, Солтанали Шахаб Бахтиари, Салар Зафар, Сардар Хешмет и др.

Лидер «Комитета восстания счастья» Амир Моджахед также направил в Меджлис послание от имени племен юга Ирана, в котором писал, что уже в течение 40 месяцев Сардар Сепак на должности военного министра и позднее премьер-министра творит беззакония, проматывает богатства несчастных иранских подданных, убил настоящего воина Ирана полковника Мохаммед Таги-хана Песиана, устроил бойню в Луристане, подрывает всеобщее спокойствие. Все жалобы, идущие в Тегеран по почте и телеграфу, перехватываются цензурой и не доходят до властей. Действия Сардар Сепак крайне возбу-

²¹⁴ АВП РФ. Ф. 94. Оп. 24. П. 68. Д. 12. Л. 53–54.

²¹⁵ Реза шах. Хатерат-е Сулейман Бехбуди, Шамс Пехлеви, Али Йазди. Техран, 1372. С. 253.

доражили племена бахтиар и все племена юга страны. В такой трагической ситуации и создается «Комитет восстания счастья», чтобы, «не щадя своей крови, имущества и жизни, восстановить утраченный престиж Ирана, возвратить Его Величество Солтана Ахмед-шаха, укрепить основы истинно конституционного строя, защитить Собрание Национального Совета (Меджлис) и конституцию»²¹⁶.

Понимая неизбежность вооруженного столкновения с правительством, шейх Хаззаль стал собирать отряды арабских племенных вождей. Облачившись в торжественные одежды, состоявшие из высокой черного цвета чалмы, называемой аббасидской чалмой, и черного одеяния шейха шейхов (шейх аль-мошаехи), он стал объезжать регион, созывая племена. Вскоре из разных земель к нему в Ахваз, в те времена называвшийся Насери, прибыло до 20 тыс. пеших и конных воинов из арабских племен. Приехали со своими отрядами и бахтиарские ханы Амир Моджахед, Мортаза Гали-хан. В итоге войска сторонников Хаззала насчитывали до 35 тыс. человек, притом что он не всем вождям племен, желавшим встать под его знамена, разрешил прибыть в Ахваз. В то время как шейх являлся политическим руководителем выступления, командование вооруженными силами юга Ирана было возложено на полковника Реза-голи-хана Аргуна, который был командующим правительственными силами в Хузистане, но перешел на сторону противников правительства. В это время из Багдада в Басру прибыл враг Реза-хана Сеид Зия эд-Дин Табатабаи и провел несколько встреч с шейхом и его сыновьями.

Одновременно Хаззаль налаживал контакты в Тегеране с противниками Реза-хана, в т. ч. влиятельным религиозным деятелем аятоллой Модарресом и наследником престола Мохаммед Хасан Мирзой. Модаррес находился в постоянном контакте с Двором и наследником престола. Во многом их оценки, планы и намерения относительно Реза-хана совпадали. Часто Модаррес и руководимое им меньшинство в Меджлисе озвучивали позицию Двора и наследника, хотя иногда действовали,

²¹⁶ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 177.

не согласовав предварительно свои шаги с ним, чем вызывали его недовольство.

После нескольких неудачных попыток остановить Реза-хана, которые предпринимались весной и летом 1924 г., Модаррес искал повод организовать новую атаку на премьер-министра, и выступление шейха было как нельзя кстати, тем более что правитель Арабестана ставил вопрос о возвращении шаха в Иран, чего добивался и аятолла. У него была хорошая связь с Хаззалем через члена оппозиции депутата Кавама од-Доуле, избранного именно от этой провинции при поддержке шейха. На встрече наследника, Модарреса и Кавама од-Доуле было решено, что лучшим посредником между ними и Хаззалем будет верный им чиновник министерства внутренних дел, направленный в командировку в Хузистан, который передаст ему тайные послания.

Между стилистикой посланий наследника и Модарреса имелись большие различия. Пространное письмо Мохаммед Хасан Мирзы было весьма обтекаемым²¹⁷. В нем говорилось об известной преданности шейха монархии, но в то же время отмечалось, что последнее выступление против Реза-хана (наследник избегал использовать почетный титул Реза-хана Сардар Сепех) несколько поколебали взгляды Мохаммед Хасан Мирзы на Хаззала. Правда, пояснения, данные последним относительно своей позиции в письме к Каваму од-Доуле, сняли имевшиеся сомнения. Сообщалось, что человеку, прибывшему от него, можно полностью доверять и пр. Иными словами, наследник ходил вокруг да около, но непосредственно к восстанию не призывал, восхваляя верность шейха шаху: «Несомненно, искренность в служении и верности Его Величеству Шахин-шаху, являющаяся главной целью иранского народа, является основой, которая доказывает истинную преданность монархии и еще больше привлекает наше особое внимание к вам»²¹⁸. Правда, при всей обтекаемости указанного послания при желании наследника все-таки можно было обвинить в самом факте

²¹⁷ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 170–172.

²¹⁸ Там же. С. 172.

переписки в Хаззалем в тот момент, когда он вышел из подчинения иранскому правительству.

Иным был характер писем Модарреса, попытавшегося использовать случившееся для борьбы с Реза-ханом. В своем послании он описывал ситуацию, сложившуюся в Тегеране: столкновения с Реза-ханом в Меджлисе, непопулярность действий шейха у населения столицы, самое отрицательное мнение о нем и пр. Но говорил и о том, что правильными делами на пользу государству шейх может изменить ситуацию, что сегодня настало время испытаний, что лучшие люди из рядов истинных конституционалистов смотрят на него, и праведными делами Хаззаль может в корне изменить свою репутацию. Но кроме такого рода рассуждений в письме Модарреса были и конкретные указания к действию: «Господин Кавам од-Доуле все время информирует вас о событиях в центре и сообщал вам о насущных вопросах. Как я написал в нескольких строках, прибавленных к его письму, необходимо предпринять эффективные меры для возвращения шаха. Этот план, конечно, подготовлен здесь и должен быть исполнен со всеми предосторожностями. <...>

Если вы согласны помогать моим планам, то сейчас самое время. Конечно, мы, здесь в центре, видимо, сможем поправить их (планов) некоторые политические огрехи. Иначе говоря, вы должны попытаться привести шаха в Мохаммеру, но если он не захочет или не сможет вернуться, страна имеет законного наследника престола, и он должен будет принять дела, и в этой части политическая ситуация исправится.

Цель состоит в том, чтобы дела, которые вам разъяснит наш представитель, <...> вы бы выполнили вовремя с соблюдением всех предосторожностей, не нарушая законов государства»²¹⁹. Очевидно, что это послание было куда более откровенным, чем письмо наследника. В нем совершенно открыто говорилось о том, что если Ахмед-шах не вернется в Иран, то Модаррес, за которым не могла не стоять большая группа лиц, был готов провести своего рода государственный перево-

²¹⁹ Там же. С. 173–174.

рот и посадить на престол Мохаммед Хасан Мирзу вместо его старшего брата.

Кавам од-Доуле, высказывая в обстоятельном письме свои представления о том, как должны решаться различные вопросы, в т. ч. и финансовые, главное изложил в самом конце: «Вопрос о возвращении шаха по всесторонней информации, которой вы обладаете, крайне запутанный и сложный, и не может быть с легкостью решен. Несомненно, если бы в самом начале шах согласился с политикой Англии относительно Договора, то и Реза-хан Савадкухи не появился бы»²²⁰. Договор, о котором идет речь, не что иное, как Англо-персидское соглашение 1919 г., превращавшее Иран в английский протекторат. В свое время Ахмед-шах при всей своей слабости и робости не подписал его, в стране поднялась волна антианглийских выступлений и народного протеста с требованием отменить данный договор. Чтобы как-то выйти из ситуации и иначе контролировать страну, англичане организовали переворот 3 хута, в результате которого безвестный до того времени полковник Реза-хан стал военным министром и начал свое восхождение по властной вертикали, проводя внешне антианглийскую политику. С учетом всего этого такое утверждение с полным основанием могло считаться государственной изменой.

Поскольку одним из главных средств в борьбе с Реза-ханом было возвращение в страну шаха, то, действуя в соответствии с приведенными выше инструкциями, шейх Хаззаль отправил несколько телеграмм в Париж к Ахмед-шаху, в которых подробно описывал ему ситуацию и свои действия, прося его вернуться в Иран через Хузистан. При этом он сообщил, что имеет мощные вооруженные силы, которые позволят монарху беспрепятственно въехать в Тегеран. Однако шах не только не собирался вернуться, но и не отвечал на полученные телеграммы. В связи с этим шейх направил в Париж своего человека, старшину купцов Мохаммеры. Он имел право дать шаху любые гарантии безопасного возвращения в столицу. Но сколько бы

²²⁰ Там же. С. 176.

ни добивался аудиенции посланец, шах отказывался принять его и, наконец, передал записку, в которой говорилось, что после того как разрешится ситуация в Хузистане, шейха вознаградят²²¹. Таким образом, миссия закончилась неудачно, и Ахмед-шах не продемонстрировал ни малейшего желания вступить в борьбу, предпочитая дожидаться в Париже ее исхода.

Сардар Сепак видел, что выступление Хаззала против тегеранского правительства действительно было крайне негативно воспринято в иранском обществе. Даже те, кто тайно поддерживал восстание (оппозиция во главе с Модарресом, наследник и Двор) не решались открыто продемонстрировать свою поддержку ему. Народу через правительственные СМИ усиленно навязывалась мысль о том, что шейх является сепаратистом, поскольку хочет отделить Хузистан от Ирана, и что он является агентом англичан. Если первое обвинение было вымыслом, то второе – вполне соответствовало действительности не только из-за его связей с англичанами в прошлом. Тем не менее премьер-министр, прежде чем начать предпринимать реальные шаги по подавлению шейха, решил обратиться к духовенству, чтобы вынудить его высказаться против вышедших из подчинения сил. Это было необходимо потому, что, осуждая Хаззала в качестве сепаратиста и английского агента, народ не очень поддерживал и Реза-хана. В памяти были свежи его действия во время республиканского движения и репрессии весны – лета 1924 г. в отношении оппозиции. Вот почему для надежности премьер-министр хотел добиться от духовенства объявления Хаззала и всех его сторонников еретиками. В итоге пресса обнародовала заявление с осуждением тех, кто подрывает единство исламской нации и наносит урон самому исламу, делая все это ради интересов иностранцев, врагов веры и колонизаторов, подписанное 18 улемами не самого высокого ранга. Правда, Х. Макки пишет, что оно «будто не было подписано, и неясно, от имени улемов какого уровня его опубликовали»²²².

²²¹ Там же. С. 179.

²²² Там же. С. 181.

После таких приготовлений в конце октября 1924 г. Сардар Сепях во главе небольшого отряда выехал из столицы в Исфаган с целью собрать там армию для подавления смуты в Хузистане, оставив временно исполняющим обязанности премьер-министра Зока уль-Молька Форуги.

По пути следования к Хузистану, пребывая в Исфагане, Ширазе и других городах, Реза-хан везде встречался с представителями советских консульств, с которыми проводил беседы подчеркнуто дружественного и доверительного характера. В то же время с английскими официальными представителями в этих городах он не встречался или был демонстративно сух и не слишком доброжелательно настроен, что объяснялось связью между восставшими и англичанами²²³. На публичных мероприятиях он проводил мысль о том, что Хаззаль и поддерживающие его ханы проводят английскую политику по отделению нефтеносных районов от Ирана, чтобы не дать стране воспользоваться своими богатствами. По мере продвижения Сардар Сепяха на юг решимость повстанцев сопротивляться ему уменьшалась, и задолго до прибытия премьер-министра в Ахваз шейх заявил о своей капитуляции. При этом никаких вооруженных столкновений между его силами и войсками правительства не было. Правда, бои имели место в Луристане, где армия воевала с лурскими племенами и нанесла им поражение в конце ноября, заняв город Дизфуль.

Примерно в 20-х числа ноября Хаззаль по причинам, о которых будет сообщено ниже, объявил о своей готовности подчиниться иранскому правительству, а «Комитет восстания счастья» прекратил свое существование. Получив длинную и витиеватую покаянную телеграмму шейха, Сардар Сепях ответил кратко: «Вашу телеграмму получил в Ширазе. Вашу просьбу о прощении и ваши раскаяния и сожаления принимаю при условии окончательной сдачи»²²⁴.

²²³ В настоящей работе не рассматриваются детали эволюции английской политики в связи с выступлением шейха Хаззала, поскольку это сделано нами ранее. См. Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996. С. 119–123.

²²⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 101. Л. 18.

Из Шираза он взял курс на Хузистан и в начале декабря торжественно въехал в Ахваз. Шейх бежал в Мохаммеру и заявил о своей готовности в качестве гарантии лояльности направить в Тегеран своих сыновей, чтобы они служили там, где им будет поручено. Реза-хан согласился на это. Несколько месяцев Хаззаль оставался формальным правителем Арабестана. Но весной 1925 г. генерал Фазулла Захеда, возглавивший военную администрацию Хузистана, неожиданно приехал в Мохаммеру и поднялся на борт судна «Насери», где пребывали шейх и его семья. Согласно указаниям, полученным от премьер-министра, он арестовал Хаззала и его сыновей и через некоторое время отправил их в Тегеран.

Премьер-министр решил добираться до столицы окольным путем через Басру и Багдад, чтобы совершить паломничество к святым для шиитов местам в Неджефе и Кербеле и встретиться с авторитетными улемами, что позволило ему привлечь к себе внимание населения и поднять популярность. В Тегеран он вернулся триумфатором.

В связи с такой неожиданно легкой победой, достигнутой почти без использования вооруженных сил, а лишь угрозой их применения, возникает вопрос, чем же было рассматриваемое выступление, каковы были его причины и побудительные мотивы, что привело к его быстрому и бескровному поражению и какова роль иностранных держав в указанных событиях. Также неясно, почему, если шейх вышел из повиновения правительству 13 сентября 1924 г., Реза-хан выехал из столицы на его подавление только в конце октября. Такое промедление нельзя объяснить, например, тем, что требовалось время для подготовки многочисленной армии, поскольку он выехал с отрядом, по разным данным, численностью от нескольких сотен до 2 тыс. человек.

Эти вопросы усиливаются после ознакомления с небольшой брошюрой, написанной якобы самим Реза-ханом сразу после возвращения из хузистанского похода, которая называется «Путешествие в Хузистан». По слухам, ее автором являлся секретарь премьер-министра Азам Бахрами. Данное произведение было издано вскоре после его возвращения в столицу

ограниченным тиражом и распределено среди узкого круга лиц. После восхождения Реза-хана на иранский престол она была изъята и уничтожена²²⁵. В брошюре подробно излагаются перипетии поездки Реза-хана, приводятся тексты телеграмм различных участников событий, рассуждения о судьбах Ирана, любви Ахмед-шаха к жизни в Европе, роли англичан в разжигании восстания, непреклонной позиции Сардар Сепеха и его жесткости по отношению к английским дипломатам и пр. Однако ее прочтение вызывает определенные размышления и недоумение.

Он, как кадровый военный, должен был бы подробно рассказать о том, какие силы пришлось создать для подавления восстания, как их вооружить и т. д., ведь ему предстояло сразиться с огромным по иранским масштабам войском шейха, собравшим под свои знамена около 35 тысяч арабских и бахтиарских воинов. Но об этом автор ничего не пишет. Более того, публично демонстрируя свое неприязненное отношение к англичанам и их ставленнику Хаззалью, он появляется на юге, который должен был стать ареной военных действий, с горсткой солдат и не имеет при этом никаких гарантий и заверений от англичан ни в своей безопасности, ни в том, что шейх сдастся или против самого премьер-министра не будет предпринята какая-либо акция.

Кроме того, в книге постоянно пишется о фронте, войне, арене военных действий, но о каком фронте может идти речь, если Хаззаль сдался еще до того, как правительственные силы достигли границ Хузистана? В действительности он заявил о своей капитуляции в момент, когда Реза-хан выдвинулся из Исфагана, что стало результатом политических маневров и даже прямого указания англичан.

Свет на некоторые из поставленных вопросов проливают воспоминания одного из создателей и лидеров «Комитета восстания счастья» – бахтиарского хана Амира Моджахеда. После смены династии Каджаров на династию Пехлеви Реза-шах сослал группу ханов, поддерживавших шейха Хаззалья, в раз-

²²⁵ Ознакомиться с большей частью указанного сочинения можно в: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 183–290.

ные районы Ирана. Амир Моджахеда в конце 1931 г. выслали в Хорасан. Там во время встречи с одним из своих старых друзей, приехавших навестить его, после нескольких рюмок спиртного он начал вспоминать прошлое и поведал о событиях осени 1924 г. следующее: «Наше восстание (восстание счастья – прим. авт.) в Хузистане вместе с шейхом Хаззалем было начато по указанию английского консула в Ахвазе. Даже проект телеграммы, которую мы отправили в центр, был написан по его распоряжению и в стиле его вкусов и/или по его указаниям и с его уведомлением.

Английский консул в Ахвазе заверил нас в предоставлении любой материальной помощи, боеприпасов, и даже артиллерии и оружия в достаточном количестве. Когда бахтиары включились в восстание и отправили желательную для него телеграмму для того, чтобы сделать нас союзниками и привязать к шейху Хаззалю, он неожиданно прилетел в Маль Амир (позднее переименован в Дизадж – прим. авт.) и начал нас провоцировать и подстрекать, чтобы бахтиары приняли участие в восстании шейха Хаззала против Сардар Сепеха и помогли ему. Он и недвусмысленно давал слово, что нам доставят столько денег и боеприпасов, сколько потребуется. Бахтиары должны отправить определенное количество своих людей в Хузистан. После этой встречи и приема в консульстве с помощью Мортазы Голи-хана сына Самсам ос-Салтане, в Маль Амуре была собрана группа бахтиар и отправлена в Ахваз. Консул в Ахвазе также дал чек на 18 тыс. туманов на предварительные расходы. После приезда в Ахваз и встречи с шейхом по приказу консула в Тегеран была отправлена желательная ему телеграмма. Вроде бы в Ахвазе консул еще раз дал чек на определенную сумму, я забыл, на какую именно»²²⁶.

Поскольку из Тегерана стали приходить резкие ответы, крайне неблагоприятные для восставших, английский консул из Ахваза уехал, и через некоторое время там появился новый консул. Во время встречи с пришедшими к нему Хаззалем, Амиром Моджахедам и другими бахтиарскими ханами он сделал

²²⁶ Цит по: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 156–157.

вид, что совершенно не в курсе всех договоренностей между ними и его предшественником, и начал спрашивать у них, зачем они восстали против центрального правительства. Когда они сказали, что совершили такой шаг по приказанию бывшего английского консула в Ахване, то он выразил сожаление переговорами, проведенными до него, и сказал: «Мой предшественник поступил самовольно и поэтому был отозван, дела его плохи и будет проведено служебное расследование. Мы можем помочь вам в вашем выступлении против центрального правительства тем, что оплатим ваши расходы на восстание, когда придет одобрение от консульской службы, и обеспечим личную безопасность вам, шейху и другим участникам со стороны Сардар Сеха. С вашей стороны будет правильно сдаться на милость Его превосходительства Сардар Сеха»²²⁷.

Именно после этой встречи Хаззаль и поддерживавшие его ханы поняли, что без английской помощи у них нет другого выхода, как заявить о покорности Реза-хану и признать его власть. Таким образом, англичане начали восстание, они же и закончили его. Вопрос состоит лишь в том, было ли изменение английской позиции результатом борьбы различных взглядов на ситуацию в Иране или явилось заранее спланированной акцией в традиционном стиле английской политики и дипломатии.

В пользу первого суждения говорит то, что английские консулы в Ахване и Бушире, а также руководство АПНК в Иране выступали за поддержку Хаззаля и были уверены в том, что британцам достаточно занять в конфликте нейтральную позицию – и правительство Реза-хана падет, а шейх сможет лучше защищать английские интересы на юге Ирана²²⁸. Поверенный в делах английской миссии в Тегеране О'Вей резко выступал против такой позиции и считал, что всякая дестабилизация центрального правительства вредна и что у Реза-хана достаточно сил, чтобы разгромить Хаззаля и бахтияр вместе с ним, и британский МИД поддержал его²²⁹.

²²⁷ Там же. С. 157.

²²⁸ Sabahi H. *British Policy in Persia 1918–1925*. L., 1990. P. 179.

²²⁹ Ibid. P. 180.

Однако одно дело оставаться нейтральным в конфликте или даже поддержать одну из сторон, но другое – спровоцировать его, что, как видно из приведенных выше воспоминаний Амира Моджахеда, имело место в Иране осенью 1924 г. При всех существовавших различиях во взглядах на то, кто лучше сможет защищать английские интересы в Иране – шейх или центральное правительство, трудно предположить, что действия британского консула в Ахване не были санкционированы вышестоящими инстанциями. Можно предположить, что в какой-то момент англичане сочли целесообразным сделать ставку на Реза-хана и его политику централизации, решив избавиться от своего клиента на юге Ирана как переставшего отвечать их интересам в полной мере. С этой целью они спровоцировали его на восстание, даже не собираясь оказывать какую-либо поддержку, а потом отошли в сторону.

При всем значении английской поддержки для успешного исхода восстания нельзя недооценивать и роль отношения к нему со стороны иранского общества. Оно, однако, было настроено к выступлению шейха Хаззала резко отрицательно. Возникает вопрос: почему в самом Тегеране никто из представителей политического истеблишмента, кроме Модарреса и его сторонников, не выступил в пользу повстанцев? Ведь многие общественно-политические деятели не поддерживали Реза-хана из-за его явно диктаторских методов руководства и склонности к насилию над политическими оппонентами. Бесчинства сторонников премьер-министра в период республиканской кампании, избиение людей в памятный день 22 марта 1924 г., происходившее в его присутствии у стен Меджлиса, политические убийства, террор в отношении оппозиционной прессы и пр. были еще очень свежи и не могли прибавить ему сторонников среди истеблишмента. В действительности всем было понятно, что Хаззаль восстал не столько против центральной власти, тем более что он полностью признавал власть и верховенство Меджлиса и шаха, сколько против самого Сардар Сепеха, которого обвинил в попрании основ конституционного строя, узурпации власти и государственном перевороте. Более того, и сам Ахмед-шах полностью отстранился от какой-либо вовлечен-

ности в столкновение противоборствующих сторон. Известно, сделал он это только из своей робости и страха перед могущественным диктатором или существовали и какие-то иные мотивы.

Причин отсутствия поддержки действий шейха внутри Ирана было несколько. Прежде всего он имел очень плохую репутацию из-за того, что возглавил Арабестан, убив родного брата. Ради накопления богатства он шел на любые ухищрения и ничем не брезговал. В годы Первой мировой войны, когда в Иране происходили мощные выступления против Англии и России, в том или ином виде поддержанные даже высшими сановниками страны, включая шаха, Хаззаль верой и правдой служил англичанам, защищая имущество АПНК. Естественно, выступать на стороне такого человека стыдились даже противники Реза-хана. Вызывали опасения и фигуры многих бахтиарских ханов, участвовавших в восстании, кроме, вероятно, Амира Моджахеда, склонных к сепаратизму, которые могли попытаться отделить Бахтиарию от страны. Эти опасения, скорее всего, были безосновательны. Но еще свежи были в памяти события Конституционной революции, когда бахтиарская знать мечтала посадить в Иране свою династию и превратить страну в кочевую монархию. Ассоциироваться с такими вождями восстания националисты и демократы не могли.

Опасаясь непродуманных шагов со стороны Ахмед-шаха, группа свободолобцев направила к нему своего посланника, который на аудиенции заявил, что они выступают за скорейшее возвращение монарха в Иран, считают это не только необходимым, но и обязательным, однако никак не могут поддерживать восстание в Хузистане. В ответ на это шах подошел к шкатулке и достал несколько телеграмм, в которых Хаззаль призывал его вернуться в Иран, обещая полную безопасность, и сказал: «Я иранец и конституционный монарх, и не могу сам действовать против правительства, которое управляет в стране согласно моему же указу. Я знаю, что этот человек (Реза-хан – *прим. авт.*) – враг свободы и что собрание представителей не является настоящим Меджлисом, <...> но если я предприму действия по свержению правительства, которое меня силой и интригами

заставили поставить, то народ будет вправе считать меня нарушившим закон.

Когда этот человек попрах защиту, даваемую Меджлисом, и использовал силу против народа, я высказал свое мнение. История и будущее рассудят. Более я ничего не буду предпринимать»²³⁰.

Также существовала возможность ареста или физического устранения Реза-хана. Но когда Ахмед-шаху сообщили, что несколько заговорщиков готовы и только ждут его приказа, он ответил шифрованной телеграммой «Не разрешаю». В ходе беседы он пояснял: «Мой высочайший предок однажды наказал своевольного человека, который домогался власти»²³¹. Прошли годы, и все говорят, что этот поступок отвратил счастье от Ирана. Я не разрешу повторно превратить это государство в кладбище. Я присягал на семи принципах конституции и не готов к тому, чтобы будущие поколения обвиняли меня в том же.

Я знаю, вы скажете, что такие мысли проистекают от самовлюбленности. Очень хорошо. Вы и другие можете иметь такое мнение, но мое решение безупречно. Оно основано на принципах, к которым я привык, и уважать которые я обязался перед Богом. Почему от меня требуют того, что не позволено мне законом?»²³² Во время этой беседы с посланцами из Тегерана присутствовал иранский посол в Москве Мошавер уль-Мамалек, который в то время по служебным делам находился в Париже.

Учитывая особенности характера Ахмед-шаха, трудно судить о степени искренности таких его заявлений. Полностью списывать их на робость и слабость, желание за красивыми и формально правильными словами скрыть указанные личные недостатки все-таки нельзя. Он действительно уважал конституционные нормы, что видно уже из приведенной нами в соответствующей главе информации о состоя-

²³⁰ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 295.

²³¹ Здесь имеется в виду Насер эд-Дин-шах, приказавший умертвить своего канцлера Амир Кабира, испугавшись его возможных претензий на власть.

²³² Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 297.

нии ужаса, которое вызвала у шаха одна только мысль, что он может быть вызван в суд даже в качестве истца. С другой стороны, для человека его склада быть конституционным монархом, который царствует, но не правит и ни за что не отвечает, было крайне удобно. При этом в своих филиппиках монарх ничего не говорит о политических и морально-этических изъянах шейха Хаззаля и бахтиарских ханов как причинах, по которым он не может выступить против Сардар Сепеха. Если полностью довериться материалам, приведенным Х. Макки, то Ахмед-шах, отказавшись дать разрешение на арест или убийство Реза-хана, предстает в них перед нами как человек, готовый потерять трон, пойти на заклятие в качестве государя ради счастья и прогресса своей страны. Учитывая его молчаливое сопротивление Англо-персидскому соглашению от 1919 г., его отказ, уже находясь в эмиграции после отречения от власти, подписать акт отречения от престола в обмен на огромную по тем временам сумму в 1 млн фунтов, в это можно поверить.

В итоге ни Ахмед-шах, ни противники Реза-хана из числа националистов и демократов в Тегеране не решились поддержать выступление Хаззаля и бахтиар, и это в значительно большей степени, чем коварство английской политики, стало причиной его неудачи. Дело в том, что, несмотря на, казалось бы, всеобщую поддержку, в Меджлисе положение Реза-хана не было столь прочным, поскольку там имелось большое количество депутатов без твердых политических убеждений, т. е. тех, кого со времени французской революции называют «болотом». Они оказались крайне обеспокоены ситуацией и были готовы переметнуться на сторону противников Сардар Сепеха, если те будут побеждать. Между тем, как Реза-хан покинул столицу, и до его отъезда из Исфaghана, когда шейх, оставленный англичанами и не получивший решительной поддержки от Ахмед-шаха, объявил о своей готовности подчиниться правительству, а «Комитет восстания счастья» перестал существовать, прошло чуть более трех недель. В это время депутаты «болота» выступали примерно так же, как и антиправительственное меньшинство аятоллы

Модарреса, о чем свидетельствуют стенограммы выступлений в Меджлисе²³³.

Следует отметить, что советскому полпредству было известно о закулисных переговорах Реза-хана с британской миссией и о том, что после того, как восстание началось, у него был очень острый разговор с английскими представителями об их роли в организации и провоцировании этого выступления. В результате переговоров стороны достигли компромисса, состоявшего, по информации, полученной советской стороной, в том, что Реза-хан обязуется:

1. Не передавать ни одной концессии на строительство железных дорог в Иране без согласия английской стороны.
2. Концессия на разработку северной нефти должна быть передана лишь дружественной АПНК компании.
3. Меджлис должен утвердить ряд предложений, выгодных англичанам, переданных посланником Лореном перед его отъездом из Ирана²³⁴.
4. Тайное противодействие советским интересам в Иране.
5. Смещение командира Северо-западной дивизии Ахмед-ага.

В свою очередь англичане соглашались оказать Реза-хану поддержку в отрешении от власти династии Каджаров и смене режима в стране, а также удалении шейха Хаззая и Амира Моджахеда от политической деятельности и, возможно, даже из страны²³⁵.

Краткость срока противостояния (уже указанные три недели) также свидетельствует о том, что весь план был тщательно продуман и все актеры точно сыграли роли, отведенные им режиссерами. Вызывает удивление то, что многие участники этих событий счастливо избежали самых жестоких наказаний за свои деяния. Так, правитель Поштекуха имел возможность эмигрировать в Месопотамию, полковник Резаголи-хан Аргун,

²³³ Там же. С. 296.

²³⁴ К числу этих требований относились консолидация иранских долгов перед Англией, продление концессии шахиншахского банка, продление концессии АПНК, передача концессии на добычу северной нефти компании «Стандарт Ойл оф Нью Джерси».

²³⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 99. Л. 14 с об.

изменивший присяге и возглавлявший объединенные вооруженные силы мятежников, перебрался в Сирию, Мортазаго-ли-хан Бахтиари был помилован, Саге уль-Мольк – правитель Хузистана, внешне поддерживавший Хаззала, но в действительности являвшийся сторонником Реза-хана, получил гарантии личной неприкосновенности. Даже с самим шейхом Хаззалем обошлись совсем не жестоко. Он некоторое время продолжал жить в Мохаммере, потом его перевезли в Тегеран, где он находился в своем особняке под домашним арестом. Единственное насилие, учиненное над ним, состояло в том, что ему отказали в поездке в Европу с целью лечения зрения. Представляется, что такие мягкие наказания или возможность покинуть страну за дерзкое выступление могли быть результатом заранее существовавшей договоренности между Сардар Сепяхом и англичанами. Скорее всего, британцы просто использовали основных участников мятежа, договорившись с Реза-ханом о том, что наказание не будет слишком жестким.

Конечно, несколько ханов, принимавших участие в восстании, были расстреляны. В частности, по приговору военного трибунала был расстрелян Сардар Фатех Бахтиари. Самый именитый из бахтиарских ханов, выступивших против Реза-хана, Амир Моджахед выехал в Европу, потом вернулся в Тегеран и свободно жил, но впоследствии был выслан в Хорасан, а потом арестован и посажен в тюрьму Каср, где скончался от сердечного приступа²³⁶. Но эти наказания имели место не сразу по подавлении мятежа, а много позже. И тому есть несколько объяснений. Прежде всего репрессиям подверглись наиболее авторитетные ханы, и это произошло в те годы, когда Реза-шах завершал дело усмирения племенных вождей, принудительно переводил кочевников на оседлый образ жизни. Это вызывало резкое, часто вооруженное сопротивление. И решался вопрос об их полном принудительном разоружении. Правительственные войска проводили многочисленные карательные экспедиции. В такой ситуации шаху были не нужны ханы с оре-

²³⁶ Сердечный приступ был стандартным официальным объяснением смерти политических противников Реза-шаха, заключенных в тюрьму Каср. В связи с этим вероятность его убийства в тюрьме не исключена.

олом революционных героев, способные возбуждать бахтиар, луров, кашкайцев, курдов и другие племена. Кроме того, Реза-шах был человеком подозрительным, и его опале подвергались не только те, кто когда-то выступал против него, но и служившие ему верой и правдой Теймурташ, принц Фируз, Сардар Асад Бахтиари (младший), которые также были расстреляны или умерщвлены в тюрьмах.

Оценивая события осени 1924 г., иранский историк Х. Макки считает, что они были спланированы английской дипломатией с целью «обмана своего соперника и создания предпосылок для отстранения династии Каджаров и создания династии Пехлеви без всякого шума и противодействия со стороны северного соседа Ирана. <...> Данный маневр состоял в том, чтобы сначала заставить Хаззала, известного как сторонника английской политики, выступить против центрального правительства и дать понять, что он поднимает мятеж против правительства по приказам и указаниям британских дипломатов. Это должно было привести русских к мысли, что англичане хотят отделить Хузистан от Ирана и изолировать этот богатый регион от Ирана с помощью шейха Хаззала»²³⁷. По мнению указанного автора, этот план полностью сработал. Советская сторона стала поддерживать Реза-хана и даже тайно поставляла ему оружие и боеприпасы, исходя из того, что таким образом противостоит английскому империализму. Советские агенты по всему пути следования Сардар Сеха из столицы в Хузистан прилагали все усилия, чтобы он или его штаб не были подвергнуты внезапным нападениям или террористическим атакам. Сам премьер-министр также принимал участие в этой игре и постоянно выказывал свое благорасположение представителям СССР и неприязнь к английским дипломатам²³⁸. Более того, для полной достоверности инсценировки британские представители в Хузистане якобы организовывали специальные утечки документов о связях Хаззала с англичанами, которые оказывались в руках советского консульства в Ахване²³⁹.

²³⁷ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 153.

²³⁸ Там же. С. 155.

²³⁹ Там же. С. 291.

Разумеется, полностью отвергать возможность такой комбинации с английской стороны нельзя, но ситуацию можно оценить и иначе. Советская сторона не выступала против политики централизации Ирана. Более того, подписав Советско-иранский договор 1921 г., она прекратила поддерживать сепаратистское движение на севере Ирана – Гилянскую Республику, которая опиралась на прямую помощь РСФСР. Именно после этого Реза-хан, тогда только что вошедший в высшие политические сферы страны в качестве военного министра, начал ее подавление. В ходе всех столкновений между ним и противостоявшим ему духовенством и феодальным лагерем советские представители не испытывали к последним никакого сочувствия. Сам же Х. Макки, описывая события весны и лета 1924 г., с удивлением отмечает, что в советской прессе сторонников аятоллы Модарреса и духовенство в целом представляли как реакционеров, противостоящих прогрессивным преобразованиям Сардар Сеха²⁴⁰.

Оценки Х. Макки во многом объясняются тем, что он во всех своих произведениях, касающихся иранской истории эпохи Реза-хана и Реза-шаха, всегда оценивает его роль негативно, исходя из того, что данный политик действовал авторитарными методами, установил в Иране диктатуру, поправ конституцию и основы парламентаризма, превратив Меджлис в исполнителя своей воли. Не только Х. Макки, но и многие другие исследователи обвиняют Реза-хана в убийствах, политическом терроре и насилиях. Практически во всех случаях такие обвинения обоснованы. Но объективный взгляд на иранскую ситуацию требует признать, что в первой половине 20-х гг. страну надо было воссоздавать, можно сказать, из руин, и Реза-хан занимался ее посткатастрофической сборкой. Такие дела нельзя сделать, не запачкав своих белоснежных манжет, и никто не смог бы достичь положительного результата, действуя иными методами.

В восприятии советского руководства и согласно марксистской теории, Сардар Сеха вел иранское общество от фео-

²⁴⁰ Там же. С. 20, 107–108.

дализма к капитализму, а потому был прогрессивен. При этом даже еще до его появления на политической сцене большевики понимали, что в Иране социалистическая революция невозможна. В письме по иранским делам от 16 ноября 1920 г. на имя В. И. Ленина И. В. Сталин писал: «...в Персии возможна лишь буржуазная революция, опирающаяся на средние классы с лозунгами: изгнание англичан из Персии, образование единого республиканского государства, ныне разбитого на отдельные ханства с многочисленными таможенными кордонами, созыв меджлиса (учредилка) с общими и равными выборами, образование национальной армии (где прежде всего должны утвердиться советисты), улучшение положения крестьян за счет ханов»²⁴¹.

При этом советские представители видели крайнюю прагматичность политики этого государственного деятеля, склонность к сотрудничеству с англичанами и бонапартизму. Еще в январе 1922 г. советский полпред в Иране Ф. А. Ротштейн так характеризовал Реза-хана и его отношения с англичанами: «Хотя он многим обязан англичанам и подстрекаемый ими и поныне на диктатуру и чуть ли не узурпацию шахской власти, нисколько не является англофилом. Он скорее был бы русофилом, если бы Россия была прежней, царской и импонировала ему своей военной мощью. Чуждый каких бы то ни было политических идей, ненавидя большевизм, как явление для него непонятное, грозное и огромное, он все же испытывает страх перед нами. В последнее время он, несомненно, стал отходить от нас и приближаться к англичанам под давлением страшной нужды в деньгах, и если он не сможет удовлетворить из других источников, то неизбежно попадет к англичанам в объятия, провозгласив себя, если не шахом или надиром, то, по крайней мере, премьером и военным диктатором, распустив Меджлис и установив повсюду военное положение»²⁴².

Между англичанами и Реза-ханом действительно имел место сговор, подобный тому, какой видится Х. Макки, но без-

²⁴¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 317. Л. 1.

²⁴² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 5. Оп. 1. Д. 2153. Л. 143.

относительно к этому объективное развитие ситуации делало неизбежным столкновение между Сардар Сепакхем и феодальным лагерем, выразителем интересов которого в данном случае был Хаззаль. Независимо от того, как это столкновение было бы обставлено, советская сторона по указанным выше причинам поддержала бы центральное правительство, хотя уже за пару лет до этого предполагала, что Реза-хан может пойти и на диктатуру, и на провозглашение себя наследственным монархом Ирана. Значение событий осени 1924 г. прежде всего состоит в том, что поражение шейха означало падение последнего препятствия на пути отрешения от власти династии Каджаров и воцарения Реза-хана как наследственного шаха Ирана и основателя династии Пехлеви.

Глава VII

ШАХСТВО ИЛИ РЕГЕНТСТВО?

В январе 1925 г. серьезно обострилась борьба Реза-хана с династией Каджаров. По Тегерану поползли слухи о готовящемся перевороте. Даже в канцелярии премьер-министра и Меджлисе, не говоря о тегеранском базаре с его многочисленными шептунами и «весьма информированными» лицами, распространялись слухи о том, что со дня на день Сардар Сепак совершит переворот и станет не только фактическим, но и формальным руководителем Ирана, независимо от того, в какой форме это произойдет. В отличие от кампании за провозглашение республики, от которой он вынужден был отказаться из-за резкого противодействия шиитского духовенства, на этот раз Реза-хан был осторожнее.

Неслучайно сразу после капитуляции шейха Хаззая в Хузистане премьер-министр посетил Кербелу и Неджеф, где встречался с высшими представителями шиитского духовенства. После возвращения в Тегеран он стал искать поддержки местных улемов, которым некоторое время отдавал предпочтение по сравнению с иранскими политическими деятелями. В этот момент у него были контакты с одним из лидеров его политических оппонентов аятоллой Модарресом. Если со стороны Реза-хана целью данных контактов было получение поддержки своим планам со стороны религиозных деятелей, то аятолла Модаррес, вероятно, рассчитывал выиграть время и как-то его скомпрометировать. Такое чрезмерное внимание к духовенству и демонстративное уважение к нему, ранее не характерное для Сардар Сепакха, воспринималось наблюдателями как проявление слабости.

Однако этот период был кратким, и к премьер-министру получили доступ т. н. отцы нации: Мошир од-Доуле, Мостоуфи уль-Мамалек, Тагизаде, Элаи и др., которые в некоторых вопросах выступали в качестве его советников или, как минимум, лиц, чье мнение он хотел выслушать. Политики входили в неформальную консультативную комиссию, которую по совету своих друзей Реза-хан создал вскоре после занятия поста премьер-министра с целью знакомства с представителями политической элиты и обретения популярности в народе. Еженедельные заседания комиссии проходили поочередно в доме одного из ее членов, подавляющее большинство которых были националистами и демократами, состоя в масонской ложе Великого Востока Франции «Пробуждение Ирана» («Le Réveil de l'Iran»). Большинство из них спланировала общая цель: «Политические деятели, состоявшие в этой консультативной комиссии, за исключением Форути, всегда старавшегося усилить Сардар Сепеха, надеялись, что благодаря своему присутствию в данной комиссии сумеют воспрепятствовать реализации некоторых идей, которые были у него в голове»²⁴³.

Реза-хан вернулся в Тегеран 1 января 1925 г. Некоторые из наиболее ретивых царедворцев выехали ему навстречу аж за Казвин, расположенный в 140 км от столицы. В районе Мехрабада (ближний пригород Тегерана) триумфатора встречали советский, английский и французский военные атташе. Только представителю Советского Союза было предоставлено право произнести приветственную речь, в которой он заявил: «Полномочный Представитель Союза Советских Социалистических Республик Б. З. Шумяцкий поручил мне приветствовать Вас, как собирателя и централизатора страны, выковывывающего из отдельных ее феодальных окраин мощное национально-независимое государство.

Полпред СССР Б. З. Шумяцкий поручил мне также приветствовать Вас с одержанными под Вашим водительством молодой национальной армией Персии победами над силами окраинного распада и выразить уверенность, что ликвидиро-

²⁴³ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1361. Т. 2. С. 431. В действительности Реза-хану удалось использовать членов комиссии, которую он перестал собирать, как только почувствовал, что его положение достаточно прочно.

ванный Вами мятеж на юге Вашей страны явится последней вспышкой антигосударственных сил»²⁴⁴.

Пышность встреч победителя по всей столице была столь велика, что советское полпредство отмечало: «Поистине можно сказать, что “заграничный странник” – шах за все время своего царствования и за все свои многочисленные отъезды и приезды не видел и десятой доли того триумфа, который выпал на долю его антагониста»²⁴⁵.

Сам Реза-хан пребывал в приподнятом настроении, высоко оценив действия во время своего похода со стороны министра общественных работ Теймурташа и военного губернатора Тегерана, менее доволен был работой временно исполняющего обязанности премьер-министра и министра финансов Зока уль-Молька Форуги, найдя ее не столь твердой и энергичной. О делах остальных министров триумфатор отозвался совсем неодобрительно. Особенно недоволен он был работой министра иностранных дел Мошар уль-Молька. Плохо встретил и представителей партии «Таджаддо» (Возрождение), пришедших на поклон во главе со своим лидером Тадайоном.

Такое его настроение некоторое время приводило в уныние его противников, но вскоре они начали распространять слухи о том, что ничего особо не изменилось, Хаззаль по-прежнему оставался в Арабестане, что победа одержана очень легко и, вероятно, за счет того, что премьер-министр сговорился с англичанами, продал им интересы страны за бесценок. Оценивая развернутую кампанию, советское полпредство писало: «Чего было больше во всех этих рассказах: вполне ли понятной ненависти к централизатору и сокрушителю “милых устоев”, или же всамделишного беспокойства и зависти, что “продажа” может быть и действительно состоялась, а “вот мы в ней и не участвовали” – сказать трудно»²⁴⁶.

В течение недели по традиции премьер-министра посещали представители политической элиты, с тем чтобы принести ему свои поздравления в связи с одержанной победой. Среди

²⁴⁴ АВПР РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 15.

²⁴⁵ Там же. Л. 16.

²⁴⁶ Там же. Л. 18.

них было немало представителей духовенства, к которым Реза-хан относился очень тепло. После этого и сам премьер-министр начал делать ответные визиты, прежде всего посещая именно высших шиитских богословов и проповедников. Такое поведение Сардар Сепеха породило слухи о том, что улемы согласились на республику либо на возведение его на шахский престол. На фоне столь активного обмена визитами бросалось в глаза, что даже спустя 10–12 дней после возвращения в столицу Реза-хан так и не посетил наследника престола.

Негативное отношение к династии со стороны премьер-министра начало обретать более явные очертания, когда в середине января 1925 г. он заговорил о необходимости перемен, при этом резко отзываясь о шахе, наследнике и Дворе. Двор, по его мнению, принимал участие в авантюрах шейха Хаззала и потому мог быть обвинен в государственной измене. С таким Двором было невозможно сотрудничать. Реза-хан утверждал, что у него имеются документы, подтверждающие обвинения, и в свое время они будут обнародованы.

Знаком грядущих перемен стал арест 17 января 1925 г. министра внутренних дел Амира Эхтедара, происшедший неожиданно и буднично. К прогуливавшемуся в саду своего дома министру подошел офицер комендатуры и сообщил, что имеет приказ арестовать его. После чего достал из кармана ножницы и срезал генеральские погоны. Министр воспринял происшедшее совершенно спокойно. Это впоследствии породило слухи о том, что он был заранее обо всем проинформирован, поскольку позднее на процессе должен будет дать свидетельские показания против шаха, наследника и двора. Такому объяснению способствовало и очень спокойное поведение как самого арестованного, так и членов его семьи, хотя первоначально предполагали возможность его участия совместно с Двором в попытке подбить туркменские племена совершить налет на несколько городов, чтобы облегчить положение шейха Хаззала на юге Ирана, запрещенных контактах с советским полпредством и пр.

Происшедшее усилило настрой общества в пользу решительных перемен, которые могли проходить по двум направле-

ниям, условно названным шахство и регентство. Изначально большинство сторонников Реза-хана выступало за регентство. Но сложность реализации данного проекта состояла в том, что быть регентом при Мохаммед Хасан Мирзе Реза-хан не мог, т. к. наследник престола уже давно был совершеннолетним²⁴⁷. Было необходимо найти какого-либо малолетнего принца, который мог быть возведен на престол. Это являлось трудной задачей, поскольку царствовать имел право только принц – потомок свергнутого в 1909 г. Мохаммед Али-шаха. Кроме того, по материнской линии претендент должен был также принадлежать к династии Каджаров. Однако все дети свергнутого Конституционной революцией шаха были взрослыми либо давно миновали желательный для сторонников идеи регентства возраст в 6–8 лет, дававший возможность Сардар Сепаху еще 8–10 лет возглавлять страну в качестве регента. В итоге подходящий кандидат был найден в лице пятилетнего сына Мохаммед Хасан Мирзы от одной из третьесортных в династическом плане принцесс, которую он когда-то брал в качестве временной жены (сиге).

Разумеется, реализация плана с регентством не решала коренным образом вопроса об окончании правления Каджаров и противостоянии Реза-хана с ними. Однако она ослабляла династию и давала ему время для подготовки более радикальных мер. При этом возникал и вопрос о способе отрешения Ахмед-шаха от власти. Среди сподвижников Сардар Сепаха имелись лица, считавшие, что дело можно сделать путем молниеносного и бескровного переворота, но они пребывали в меньшинстве. Большая часть выступала за то, что все должно быть сделано в соответствии с основными законами страны и проведено через Меджлис.

В число сторонников «законности» входили главные лидеры демократов от весьма умеренных деятелей, таких как Мошир од-Доуле, Мостоуфи уль-Мамалек, Мотаммен уль-Мольк, до радикалов Элаи и Тагизаде, многие из которых входили в консультативную комиссию, упомянутую выше. Как

²⁴⁷ Возраст совершеннолетия в то время в Иране определялся в 16 лет.

только указанные уважаемые в иранских политических кругах деятели высказались за «законный» способ установления регентства, эту идею стали поддерживать представители самого разного спектра общественных сил, включая откровенных врагов Реза-хана. Последние рассчитывали на то, что многочисленные дебаты, обсуждения и споры ничем не закончатся, и все останется по-прежнему. В связи с массовым увлечением вопросом законности советское полпредство в январе 1925 г. сообщало: «В числе сторонников “законности” оказалась и <...> Английская Миссия. Второй секретарь этой миссии заявил, что “законность прежде всего и превыше всего”. Должно быть для того, чтобы подчеркнуть эту приверженность к законности, английский посланник в течение описанного периода²⁴⁸ побывал с визитами у наследника не менее двух раз»²⁴⁹.

Сам Реза-хан в это время заявлял о необходимости покончить с шахом и наследником, обещая представить на суд народа неопровержимые документы, свидетельствующие об их измене. Разумеется, под судом народа имелся в виду Меджлис, и даже предполагалось, что его выступление в парламенте может состояться 27 января 1925 г. А под документами, свидетельствующими об их измене, в т. ч. подразумевалась перехваченная переписка между братьями, касающаяся выступления шейха Хаззаля. В частности, 9 декабря 1924 г. ближайший сподвижник премьер-министра Теймурташ посетил советского полпреда Б.З. Шумяцкого и сообщил, что еще до того, как Реза-хан покинул Тегеран и выехал на юг, стало известно о зашифрованном письме Ахмед-шаха брату. В нем содержалась просьба собрать на совещание наиболее уважаемых политиков и дать рекомендации о том, какую позицию следует занять шаху в ходе разгоревшегося конфликта. На совещании присутствовали Мошир од-Доуле, Мотаммен уль-Моляк и Мостуфи уль-Мамалек, которые рекомендовали монарху придерживаться нейтралитета. Наследник сообщил об этом брату шифровкой, но добавил и свое личное мнение. Он рекомендовал не только

²⁴⁸ Ажиотаж с идеей регентства длился примерно неделю.

²⁴⁹ АВПр РФ. Ф. 04. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 28.

не прекращать контактов с шейхом, но при возможности всячески их расширять²⁵⁰. Это письмо было перехвачено людьми Реза-хана и расшифровано. В ходе беседы Теймурташ охарактеризовал обоих братьев следующим образом: «... наследник более решителен, чем шах, но зато и более глуп. Несмотря на эту свою относительно большую решительность, он за время отсутствия шаха еще больше скомпрометировал двор и династию»²⁵¹.

Однако неожиданно Реза-хан изменил линию поведения. Перемена произошла в результате того, что премьер-министр стал регулярно проводить консультации с одним из основных своих противников аятоллой Модарресом, являвшимся лидером оппозиции в Меджлисе, в ходе которых стороны искали взаимоприемлемый компромисс. В результате дата т. н. решительного выступления Сардар Сепеха была отложена на неопределенный срок, что озадачило тех, кто выступал за более решительные действия, и усилило позиции сторонников максимального соблюдения законности в вопросе о регентстве. Эти контакты сильно подняли престиж аятоллы Модарреса, упавший после нескольких политических неудач. Сам Реза-хан внешне изменил отношение к аятолле Модарресу и даже стал хвалить его за ум, твердость, честность и прямоту, отмечая лишь один недостаток – «излишнее упрямство и чрезвычайное честолюбие»²⁵². Поскольку Сардар Сепех делал вид, что советуется с аятоллой по ключевым политическим вопросам, Модаррес с присущим ему самомнением полагал, что его противник, чувствуя непрочность своих позиций, готов следовать его линии. В действительности он просто усыплял внимание противника, прощупывал и выводил планы оппозиции или, как писал Саади:

Дани ке гофт заль бе ростаме гора
Дошмане натаван,
хагир ва бичаре шоморд.

Знай, что Заль сказал Ростаму:
Нельзя считать врага
жалким и никчемным.

С учетом изложенного можно сделать вывод о том, что против политики премьер-министра и его властолюбивых устремлений вели борьбу две течения. Первая – придвор-

²⁵⁰ АВПРФ. Ф. 94. Оп. 8^а. П. 107. Д. 2. Л. 3.

²⁵¹ Там же.

²⁵² АВПРФ. Ф. 94. Оп. 18. П. 123. Д. 3683. Л. 24.

ная феодальная партия во главе с Ахмед-шахом и наследником престола, которая старалась отстоять традиционную организацию иранского общества и видела угрозу династии Каджаров и своим привилегиям со стороны премьер-министра. Вторая – группировка националистов и демократов, сторонников демократических процедур и законности, которая была не против глубоких перемен в стране, понимая, что сложившийся status quo и Каджары являются тормозом для ее развития. Однако эти люди видели сильные авторитарные тенденции в действиях Реза-хана, боялись установления его диктатуры, попрания основ парламентаризма и демократии. При этом духовенство в значительной своей части, прежде всего его ключевой представитель в политических сферах аятолла Модаррес, было более склонно поддерживать феодальный лагерь. Однако под влиянием успехов Сардар Сепеха и ослабления позиций и авторитета Каджаров он начал постепенно дрейфовать в сторону поддержки демократов, вероятно, рассчитывая совместными усилиями остановить его²⁵³. Англичане же в свойственной им манере вели тонкую игру, имея неплохие контакты со всеми сторонами политического процесса. В то же время советская сторона, исходя из теоретических положений марксизма, явно отдавала предпочтение премьер-министру, видя в нем силу, выступающую против отживших свое феодальных пережитков и имеющую определенный прогрессивный потенциал.

Противники Реза-хана начали новую кампанию, используя наметившееся изменение отношения к нему со стороны советского руководства. В январе – феврале 1925 г. из Европы проездом через СССР в Иран возвращались два принца: дядя Ахмед-шаха Носрет ос-Салтане и принц Азод ос-Салтане. Первый был вынужден покинуть страну в разгар борьбы Сардар Сепеха за то, чтобы совместить пост премьер-министра и вер-

²⁵³ Такого рода ситуации в истории нередки. В СССР 20–30 гг. критики курса И.В. Сталина слева и справа в конечном итоге объединились в троцкистско-зиновьевский блок. Это дало основание И.В. Сталину в ответ на вопрос о том, какой уклон хуже, правый или левый, сказать: «Оба хуже».

ховного главнокомандующего²⁵⁴. В Москве указанные лица были приняты весьма благожелательно, в чем сторонники шаха увидели предпосылки для его возвращения в Иран. Также сторонники аятоллы Модарреса, ссылаясь на источники своего лидера, стали говорить, что принцев не только радушно встречали в Москве, но и что «Чичерин сделал перспослу в Москве заявление, осуждающее борьбу Сардар Сеха с династией “как авантюру”»²⁵⁵. Вероятно, такую же информацию получил и премьер-министр, поскольку его люди старались разузнать в полпредстве, действительно ли СССР кардинально меняет свою политику в иранских делах. Кроме того, и сами принцы в Москве делали намеки на то, что шах вскоре может вернуться в Иран.

Слухи об изменении советской позиции не были беспочвенными, поскольку совпали с приходом в полпредство директивы, в которой действия Реза-хана назывались авантюрными, указывалось, что «ввиду возможно скорого возвращения шаха надо восстанавливать добрые отношения с Двором»²⁵⁶. Судя по всему, Б.З. Шумяцкий внутренне не был согласен с резкой сменой курса и считал перемену политики слишком радикальной: «Указанная новая директива Центра, на каком бы реальном учете соотношения сил она ни основывалась при осуществлении наших взаимоотношений с Резой, тем не менее являла собой крайне резкую перемену курса, крайне резкий переход от политики “безусловной поддержки централизаторской работы Сардар Сеха” к установлению “добрых отношений с Двором”»²⁵⁷. По этой причине для смягчения ситуации и более плавного изменения отношений с Реза-ханом под предлогом необходимости присутствия на важных совещаниях по экономическим вопросам он улетел в Баку 2 февраля 1925 г. и возвратился только 11 февраля.

В то время, когда Б.З. Шумяцкий находился в Баку, там также были и упомянутые принцы, которые после доброжела-

²⁵⁴ По традиции главой вооруженных сил страны ранее считался шах.

²⁵⁵ АВП РФ. Ф. 04. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50856. Л.7.

²⁵⁶ Там же. Л. 7 об.

²⁵⁷ Там же. Л. 7 об., 8.

тельного приема в Москве пожелали встретиться с полпредом, но он от этих встреч уклонился. Принцы выразили возмущение отказом, заявляя, что «Россия наконец-то вступает на правильный путь в своих отношениях к Персии, – и, оценивая действия полпреда, говорили: Так долго продолжаться не будет. Государства и правительства остаются, а вот люди, которых туда посылают другие правительства, меняются»²⁵⁸.

Двор действительно считал, что Реза-хан в какой-то степени опирается на поддержку полпреда Б. З. Шумяцкого, и, стараясь лишить его этой поддержки, прилагал усилия по замене советского представителя на человека, более лояльного к династии Каджаров. В частности, в одном из писем к иранскому послу в СССР Мошавер уль-Мамалеку наследник престола писал: «Русский посол в высшей степени поддерживает этого человека (Реза-хана – *прим. авт.*). <...> Употребите все имеющиеся у Вас средства для замены его другим, что имело бы большое политическое значение»²⁵⁹. Следует отметить, что усилия дворцовой партии не остались бесплодными: вероятно, не без ее участия Б. З. Шумяцкий был заменен другим полпредом и в апреле 1925 г. покинул Тегеран.

В начале февраля между всеми группами, борющимися против Сардар Сеха и его «узурпаторских» устремлений, установилось взаимопонимание высокой степени, и они начали новую атаку. Однако кампания направлялась не непосредственно против него лично, а против его «незаконных» намерений и наиболее твердых сторонников, в частности Теймурташа (Амира Моаззама). При этом старались доказать, что Теймурташ нечестен в отношениях с премьер-министром и советскими партнерами. Так, влиятельный купец Хаджи Рахим Ага Казвини утверждал: «Сарад Моаззам только делает вид, что сотрудничает с русскими. Мошавер уль-Мамалек уже давно разоблачил его в Москве. Этого не видит только Шумяцкий»²⁶⁰.

Первого февраля 1925 г. состоялось совещание авторитетных политических деятелей – сторонников соблюдения закон-

²⁵⁸ Там же. Л. 15.

²⁵⁹ Там же. Л. 9.

²⁶⁰ Там же.

ности при решении вопроса об отстранении шаха и наследника и установлении регентства Реза-хана при новом малолетнем шахе, проходившее в доме депутата Элай. В нем кроме хозяйина участвовали Мошир од-Доуле, Тагизаде, Мостоуфи уль-Мамалек, Давлетабади, Мосаддык ос-Салтане и Мохбер ос-Салтане. В качестве представителя премьер-министра присутствовал Зока уль-Мольк Форути.

Совещание пришло к заключению о том, что «законных путей для низложения шаха и наследника и вообще коренной перемены режима не имеется»²⁶¹. Наряду с этим было отмечено, что фактор присутствия Сардар Сеха является крайне важным для развития страны, а его уход из политики, на который он грозит пойти, если из создавшегося положения не будет найдено выхода, был бы большим несчастьем для Ирана. Этот ответ был передан Форути Сардар Сехау и вызвал его резкую реакцию.

Прежде чем продолжить анализ рассматриваемых событий, необходимо пояснить логику и мотивацию участников данного совещания, которые являлись признанными моральными авторитетами иранского общества. Для этого целесообразно привести ценные признания М.Т. Бахара – одного из авторитетных лидеров демократов: «В те дни я осознал, что сильная работоспособная центральная власть надежнее любого восстания и движения за реформы, которое может произойти в провинциях, что нужно помогать центральному правительству, что политические игры, ослабление правительства, склоки между газетами и ругань с правительством, поощрение жителей провинций к бунтам и неповиновению являются поистине адом для будущего конституции, свободы и даже независимости страны.

Тогда, вчера, сегодня и всегда я считал и считаю, что центральное правительство должно быть дееспособным и, несомненно, что если делами руководит дееспособное правительство, пришедшее к власти справедливым путем, которое поддерживает партии и свободолюбивая печать, то оно может

²⁶¹ Там же. Л. 9.

все сделать для страны. И ничего хорошего, кроме провокаций и злокозненности не получится из желания ослабить правительство и подбивать окраины к выступлениям против него.

Руководимый такими мыслями, я был против бунтарей на окраинах и разного рода выступлений против центрального правительства. Я не верил ни в дженгелийцев, не сходился во мнениях с Хиабани, не был согласен и с восстанием Мохаммед Таги-хана. Я считал, что все эти движения направлены против всего народа и всей страны, а самих восставших – вредными»²⁶².

Таким образом, многие представители политической элиты были против всех выступлений в провинциях Ирана вне зависимости от того, какой характер они имели, и стремились всемерно укрепить центральное правительство, при этом сохранив его демократическую суть и подчиненность Меджлису и конституции. В этом смысле для них не было различия между выступлениями полковника Песиана в Хорасане, Хиабани в Тавризе, движением дженгелийцев, с одной стороны, и мятежами шейха Хаззала, Исмаила Ага Смитко (Симко) и пр. – с другой.

Такая позиция диктовалась стремлением обеспечить социально-экономическое развитие своей страны и укрепить ее политическую независимость. Поскольку будущее от их взоров было сокрыто, то они не подозревали, что поддерживаемый ими в тот момент Сардар Сепех явится могильщиком иранской демократии, а если и догадывались, то надеялись противостоять ему, использовать позитивные тенденции, которые он нес, и нейтрализовать негативные. Однако, забегая вперед, отметим, что добиться этого им не удалось. В более широком плане иранский материал показывает, что в странах периферии капиталистической мир-системы, каковой был Иран, крайне трудно или даже невозможно совместить демократию, взятую в понимании общественной мысли представителей центра капиталистической мир-системы, и успешную модернизацию общества. В них отход от «классической демократии»

²⁶² Бахар Малек ош-Шоара. Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сийаси-йе Иран. Техран. 1357. С. ۷۰ و ۷۱.

является неизбежной платой за модернизацию и социально-экономическое развитие.

Как отмечалось выше, все время после возвращения из хузистанского похода Реза-хан имел встречи с аятоллой Модарресом, которые не дали существенных результатов. Более того, 5 февраля 1925 г. Аятолла заявил, что в ходе переговоров он добился того, что Сардар Сепак поклялся на Коране в том, что не будет более добиваться ни шахства, ни регентства, а сам Модаррес теперь будет требовать, чтобы он отказался от поста премьер-министра и остался только военным министром²⁶³. Такие заявления показали Реза-хану, что он уже получил от политики переговоров все, что мог, и может переходить к активным действиям. В тот же день он сообщил председателю Меджлиса, что настаивает на избрании трех представителей от каждой из парламентских фракций, перед которыми выступит с важным сообщением. Этими представителями в количестве 21 человека стали: Сеид уль-Мохатгейн, Сулейман Мирза, Сардар Мофаттах (группа «Азадидах»); Амир Эйлам, Тадайон, Малек от-Тоджар (группа «Таджаддо»); Эмад ос-Салтане, Сехам ос-Салтане, Гаемагам (группа «Гийам»); Шейх ор-Раис, Оджаг, Сеид Абд-уль-Вагаб (группа «Такамоль»); Эфшар, Ширвани, Давер (группа «Меллиюн»); Кавам од-Доуле, Малек ош-Шоара Бахар, Ахмед Бехбахани (группа «Агалийат»); Мостоуфи уль-Мамалек, Арбаб Кейхосров, Мосаддек ос-Салтане (группа независимых депутатов)²⁶⁴.

Выступление премьер-министра состоялось 8 февраля 1925 г. Сначала Реза-хан сказал о своей личной незаинтересованности в политических перипетиях последнего времени и бескорыстном служении родине, указав на то, что Ахмедшах и наследник мешают ему работать и не останавливаются ради достижения своих целей перед государственной изменой. Он заявил, что на основании неопровержимых доказательств известно об их участии в организации мятежа шейха Хаззая в Хузистане, и если депутаты хотят, то он готов предоставить

²⁶³ Там же. Л. 10.

²⁶⁴ Там же.

в их распоряжение целое досье. Ряд лиц якобы предлагали ему пути разрешения сложившейся ситуации, но он счел их неприемлемыми. Завершая выступление, Сардар Сепак еще раз подчеркнул, что не ищет для себя выгод, но просит, «чтобы Меджлис поскорее решил этот вопрос, т. к. нынешнее положение невозможно»²⁶⁵.

Его речь была встречена гробовым молчанием, и он сам спросил присутствующих, почему никто из депутатов ничего не отвечает ему. На это после некоторой заминки дерзнул ответить лишь Мостоуфи уль-Мамалек, который после комплиментов и заверений в любви и уважении депутатов к Реза-хану сказал: «Им нечего сказать Вам. <...> Вы знаете также, что представители фракций без совещания со своими фракциями ничего сказать Вам не могут»²⁶⁶. Премьер-министр согласился с этим, но просил дать ответ как можно скорее, а если к 12 февраля удовлетворительного ответа не будет, то он станет апеллировать к общественному мнению.

Ультиматум мало встревожил иранское общество, которое ошибочно принимало вынужденные маневры Реза-хана, предпринимавшиеся под давлением обстоятельств, как проявление непоследовательности и нерешительности. К такому отношению подталкивало и то, что уже на следующий день после выступления и сделанных в частных беседах заявлений о разрыве с Модарресом он вновь встретился с аятоллой и провел очередные переговоры. Сам Сардар Сепак не выказывал особой уверенности в том, как разрешится кризис, и 11 февраля 1925 г. даже направил Теймурташа на встречу с советским полпредом для обсуждения создавшегося положения²⁶⁷.

Готовясь дать ответ, депутаты парламентского большинства предлагали назначить его верховным главнокомандующим (фарманде-йе колль) вооруженными силами и силами безопасности со всеми полномочиями, ответственным перед Меджлисом. Однако данная формулировка не устроила группу независимых депутатов, представивших свой вариант, в котором гово-

²⁶⁵ Там же. Л. 10 об.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ Там же. Л. 11.

рилось, что парламент назначает Реза-хана главным начальником (раис-е колль) «с тем, чтобы обязанности свои он исполнял с совершенными полномочиями в пределах основных законов и законов государства с ответственностью перед Меджлисом»²⁶⁸. Когда Форуги и Теймурташ привезли премьер-министру указанную формулировку, то она не встретила его одобрения по двум причинам. Прежде всего из-за того, что его должен назначить Меджлис и действовать он должен, соотносясь с основными законами государства, а также нести ответственность перед Меджлисом.

Недовольство Сардар Сеха было доведено до депутатов, в результате чего родилась новая формулировка: «Меджлис считает Верховным Главнокомандующим над всеми оборонительными и охранительными военными силами государства специально Реза-хана Сардар Сеха с тем, чтобы он с полными полномочиями исполнял эту должность в пределах основных законов и законов государства, и его названная должность без постановления Меджлиса от него отнята быть не может»²⁶⁹.

Однако 14 февраля 1925 г. при окончательном голосовании в законодательное постановление была внесена поправка, предложенная аятоллой Модарресом, по которой расплывчатая формулировка «охранительные силы» была заменена словом «амнийе», которым именовались силы жандармерии. Таким образом, из-под контроля премьер-министра выводилась полиция.

Данное законодательное постановление имело большое значение в противостоянии Реза-хана с династией Каджаров. Оно показало, что ему не только не удалось реализовать идею регентства или, тем более, шахства, но в итоге он получил то, что имел и раньше, поскольку противостояние с Ахмед-шахом и двором начиналось именно из-за желания совместить посты премьер-министра и верховного главнокомандующего. Однако имелся и важный успех — раньше на должность верховного главнокомандующего его назначал шах своим указом, он же имел

²⁶⁸ Там же. Л. 12 об.

²⁶⁹ Там же. Л. 13.

право указом снять Реза-хана с нее. В новой ситуации данный пост закреплялся за ним решением Меджлиса, и только парламент мог освободить от него. Таким образом, Сардар Сепак не только оказывался в независимом от шаха положении, но получилось так, что сам Меджлис отобрал у Ахмед-шаха полномочия, ранее являвшиеся его исключительной прерогативой. В то же время премьер-министр попадал в большую зависимость от парламента, с которым, учитывая разобщенность состава депутатского корпуса и наличие среди парламентариев большого количества своих сторонников, ему было легче работать.

Тем не менее можно сделать вывод о том, что по вопросу о необходимости противостоять Реза-хану между демократической оппозицией и Двором не могло не возникнуть некоторой близости взглядов. Разумеется, мотивы их различались. Реза-хан понимал это и предпринимал определенные шаги для разрыва этого фронта. Он старался играть на противоречиях между Ахмед-шахом и наследником, страстно желавшим занять иранский престол.

Но прежде всего премьер-министру пришлось возвращать «долги» тем силам, которые помогли принять законодательное постановление. 17 февраля 1925 г. он прибыл в Меджлис, сопровождаемый кабинетом министров в полном составе, и произнес речь программного характера, в которой поблагодарил депутатов за оказанное доверие, заявил о том, что с самого начала своей работы на высших должностях действовал только ради улучшения положения в стране и не преследовал личных целей. Он объявил о завершении первого этапа преобразований, в ходе которых было обеспечено единство страны, безопасность, спокойствие, охрана границ, и провозгласил начало второго этапа. Сутью данного этапа станет налаживание экономической жизни, развитие путей сообщения, внимание к вопросам просвещения, здравоохранения и пр. Далее Реза-хан делал реверанс с сторону Меджлиса: «Для осуществления этих пожеланий я предлагаю избрать от Меджлиса Комиссию в 12 человек, чтобы Правительство могло представить в Меджлис, с идейной

помощью указанной Комиссии, свои соображения и достигнуть успеха в разрешении различных вопросов»²⁷⁰.

Правда, в конце выступления последовало совершенно неожиданное заявление: «В заключение я должен сообщить, что, несмотря на принятые за это время меры к возвращению Его Величества, как например, телеграммы и пр., он не вернулся. За последнее время также принимаются меры к скорейшему возвращению Его Величества из этого далекого путешествия»²⁷¹.

Советское полпредство в своем отчете о рассматриваемом событии отмечало, что последняя часть выступления относительно возвращения шаха была произнесена не по бумагам, сильно дрожащим голосом и стала неожиданностью для многих, поскольку в проекте речи этого не было.

Вероятно, указанное заявление было сделано по настоянию Модарреса в качестве компенсации за поддержку в проведенном через Меджлис законодательном постановлении²⁷². Данный сюжет можно рассматривать как временное, тактическое отступление Сардар Сепеха, предпринятое в рамках достигнутых компромиссов. Тем более что в начале марта 1925 г. он действительно направил Ахмед-шаху телеграмму с приглашением вернуться в Иран, составленную, правда, в сдержанных выражениях. В рамках все тех же компромиссов и, возможно, для того чтобы поощрить трения между братьями, Реза-хан 18 февраля 1925 г. нанес визит наследнику престола и беседовал с ним полтора часа. О чем шла речь, неизвестно, но наследник по ее окончании в знак особого благорасположения подарил ему свой золотой портсигар. А 28 февраля 1925 г. наследник с ответным визитом посетил дом Реза-хана. Чисто внешне телеграмма шаху и обмен визитами с наследником выглядели как налаживание отношений. Очевидно, этому способствовала и корректировка позиции советской стороны в сторону «восстановления добрых отношений с Двором».

Однако за видимой стороной событий стояла тонкая интрига, затеянная Сардар Сепехом. С одной стороны, он воз-

²⁷⁰ Там же. Л. 16 об.

²⁷¹ Там же. Л. 17.

²⁷² Там же.

обновил переписку с шахом и через своих людей давал понять монарху, что наследник готовит условия для своего восшествия на престол. С другой – он, устанавливая неплохие отношения с наследником, как бы поощрял его к действиям, нацеленным на смещение брата. Хотя резко ухудшить отношения между братьями было крайне трудно, определенное недоверие между ними существовало, а может быть, и увеличивалось. В такой ситуации постоянные контакты премьер-министра с аятоллой Модарресом можно расценивать не как попытку установить с ним дружеские или хотя бы партнерские отношения, а как стремление, расколов оппозицию своими действиями и уступками по второстепенным вопросам, оторвать ее от шаха и Двора.

Также интересна и позиция англичан, занятая во время рассмотренных бурных событий. Внешне линия британской миссии в Тегеране выглядела спокойной. В беседах с общественными деятелями английский посланник заявлял, что миссия всем довольна и оценивает ситуацию как благоприятную. Восточный секретарь миссии Ховард говорил, что хотя все события в настоящее время протекают спокойно, но стремление Реза-хана к переменам – опасный путь²⁷³. Наряду с этим англичане стали настойчиво требовать скорейшей выплаты иранских долгов.

Оппозиция не ограничивалась лишь политической деятельностью в самом Иране. Ее усилия и упования все-таки были связаны с возвращением Ахмед-шаха в страну. Не успели закончиться события в Хузистане, как 18 декабря 1924 г. Рахимзаде Сафави, издатель газеты «Асия-е воста», отправился из Тегерана в Париж с целью встретиться с монархом и от имени группы националистов и противников Реза-хана убедить его приехать в Иран. Он имел при себе послание аятоллы Модарреса. В нем излагался план возвращения шаха, который должен въехать в Иран через Ирак. Там в районе Поштекуха он будет встречен правителем этой области, группой военных, хранящих ему верность, и ханов, которые явятся со своими отрядами. Пле-

²⁷³ Там же. Л. 18.

менные вожди, ханы юго-западных районов и их люди окажут помощь при переезде монарха в Тегеран. Вступив на иранскую землю, шах подпишет указ об отставке правительства Реза-хана. Модаррес считал, что для реализации задуманного будут необходимы средства в объеме 2 млн туманов, которые пойдут на оплату поддержки вождей племен и ханов²⁷⁴.

Перед тем как покинуть столицу, Рахимзаде Сефевии встретился с наследником престола и имел с ним приватную беседу. Мохаммед Хасан Мирза просил передать брату, что монархия подвергается огромной опасности, положение династии Каджаров крайне неустойчиво, и чтобы изменить ситуацию, Ахмед-шаху необходимо быть в Иране. Если же что-либо препятствует монарху предпринять такой решительный шаг, то, возможно, ему следует передать права суверена наследнику престола, т. е. самому Мохаммед Хасан Мирзе.

Во время аудиенции у шаха посланец заявил: «Я не утверждаю, что Каджары слишком любимы иранцами, поскольку иранский народ претерпел много плохого от правления этого рода, но с полной уверенностью докладываю, что покойный Мозаффар эд-Дин-шах и близкие Вашего Величества поистине любимы народом. И естественно, народ, любящий своего государя, уповает на Ваше Величество. Народ уповает на то, что его Величество защитит его права и государство, проявит стойкость и упорство. Народ надеется на то, что всякий раз, когда с какой-либо стороны будет появляться опасность (Ваше Величество) не будет оставлять корону, трон и, покинув страну, отправляться в Европу. Поскольку такие мысли наносят урон популярности августейшей особы...»²⁷⁵. В этом месте Ахмед-шах, понявший, к чему его призывают, пришел в сильное возбуждение, прервал оратора и сказал: «Вопросу о любви лично ко мне я придаю самое малое значение, но сам я от всего сердца люблю иранский народ. Однако каким падишахом я должен быть по мнению ваших товарищей и иранского народа. Хотите ли вы,

²⁷⁴ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 318–319.

²⁷⁵ Там же. С. 305. Сам Х. Макки ссылается на воспоминания Рахимзаде Сефевии «Дар рах-е салтанат-е Реза-шах», опубликованные в книге «Кетаб-е эсрар-е сийа-си», которую автору настоящей работы найти не удалось.

чтобы я был законным конституционным монархом или самовластным и деспотичным правителем? Несомненно, вы возропщете на деспотию, и считаете необходимым, чтобы ваш падишах уважал конституцию и основные законы. Я такой монарх, который никогда не выйдет за рамки законов, потому как клялся в этом, давал слово государя и народы Ирана и мира – свидетели тому»²⁷⁶. Далее шах долго и витиевато, хотя и небезосновательно, говорил о своем патриотизме и приверженности законности, о том, что не хочет повторять прошлых ошибок своих предков, о том, как противостоял давлению и интригам во время визита в Лондон, где его убеждали подписать злосчастное Англо-персидское соглашение 1919 г. и пр. В итоге встреча закончилась безрезультатно, но Рахимзаде Сафави еще несколько месяцев находился в Париже и имел ряд высочайших аудиенций, на которых продолжал убеждать Ахмед-шаха вернуться в страну.

В ходе этих встреч монарх стал приводить и новые причины, по которым его возвращение не имеет особого смысла, в частности, отношение англичан к нему лично и ко всей династии: «Два представителя самых уважаемых иранских семей и даже несколько моих иностранных друзей, входящих в лондонские круги и имеющих там влиятельных друзей по своей воле приехали сюда и беседовали с высшими сановниками министерства иностранных дел, в т. ч. с начальником Управления Азии и некоторыми министрами. Отношение англичан ко мне не изменяется, открыто говорится, что со мной нельзя иметь дело. Поразмыслив, я не сомневаюсь в том, что дружба с иностранными политиками не приносит пользы, но враждовать с ними опасно. Мы сами должны позаботиться о себе. В тот день, когда мы сможем сами встать на ноги, ты увидишь, что они будут первыми, кто протянет нам руку. Но отношение англичан лично ко мне не единственная причина, по которой они считают ошибочным работать со мной. Со времени заключения договора с Фатх Али-шахом они плохо оценивали династию Каджаров, но, несмотря на это, уже 140 лет, как Каджары

²⁷⁶ Там же.

были и остаются падишахами. Всякий раз, когда один из нас становился сильным, они предлагали дружбу, но когда слабели, то говорили, что с ним нельзя иметь дело. <...> Короче, мы сами должны быть сильными»²⁷⁷.

Приведенное показывает, что шах уже понял или был проинформирован теми, кому доверял, что англичане взяли курс на замену правящей династии и делают ставку на Реза-хана. Это явно проявилось в их позиции во время выступления шейха Хаззаля, наиболее могущественного и преданного Каджарам вождя юга Ирана. Кроме того, план Модарреса мог вызывать в душе робкого Ахмед-шаха воспоминания о неудачной попытке его отца Мохаммед Али-шаха восстановить свою власть, предпринятой в 1911 г. Когда же Рахимзаде Сафави, согласно полученным инструкциям, сообщил монарху о просьбе Мохаммед Хасан Мирзы передать ему иранский престол, это еще больше ухудшило ситуацию, и Ахмед-шах стал подозревать его и тех, кто его направил, в интригах против своей персоны.

Переговоры Рахимзаде Сафави в Париже длились до конца марта 1925 г. За это время Реза-хан узнал о плане его противников и предпринял соответствующие меры. Он приказал арестовать шейха Хаззаля, все еще остававшегося в Мохаммере, привезти его в Тегеран и поместить под домашний арест. Правитель же Поштекуха, предчувствуя скорый арест, бежал. Предпринимались меры и против ряда феодалов юго-запада Ирана.

Если после провала республиканского движения Ахмед-шах сделал попытку конституционными средствами убрать Реза-хана, во время выступления шейха Хаззаля и «Комитета восстания счастья» он крайне робко и завуалированно старался поддержать его, то после этого он прекратил даже пассивное сопротивление и демонстрировал полное нежелание как-то влиять на ситуацию, полагаясь только на волю судьбы. Его позицию не изменила относительно неудачная попытка Реза-хана стать регентом или шахом, предпринятая зимой 1925 г. Судьба династии Каджаров была предрешена.

²⁷⁷ Там же. С. 324.

Глава VIII

КОНЕЦ ДРАМЫ

Глядя из сегодняшнего дня, когда известно, чем закончилась борьба Реза-хана с Каджарами, может показаться, что иного исхода и быть не могло, но осенью 1925 г. многое еще было неясно. Об этом свидетельствует точка зрения советского полпредства, высказанная в начале декабря того года, оценивавшего события октября – ноября следующим образом: «Весь октябрь, ноябрь и начало декабря прошли под флагом окончательного разворачивания событий этой борьбы. Еще с сентябрьского беста в Полпредстве и ажиотажа, который был создан вокруг предположительного приезда в Персию шаха – можно было заключить, что Реза-хан начал игру «Во-банк», и если было трудно предположить о настоящем исходе, то было совершенно ясно, что борьба будет окончательной»²⁷⁸. При этом не исключалось, что за Сардар Сепахом стояли определенные силы, которые закулисно вели его: «Надо отдать справедливость Резе, или тем, кто, довольно ловко спрятавшись за кулисы, дирижировал событиями»²⁷⁹.

После всех перипетий и неудач, которые претерпела династия Каджаров с 1922 по начало 1925 г., позиции Сардар Сепаха значительно укрепились, а Каджаров – предельно ослабли. Для того, чтобы завершить противостояние в свою пользу, Реза-хану нужно было сделать еще несколько ходов, главным из которых было не просто нейтрализовать аятоллу Модарреса и его сторонников, но тем или иным способом перетащить его на свою сторону, лишив Двор последней опоры. Это было не так

²⁷⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 118. Л. 5.

²⁷⁹ Там же. Л. 5 об.

сложно, поскольку сам Модаррес устал от безынициативности, нерешительности и робости Ахмед-шаха, постоянно отказывавшегося от возвращения в Иран для того, чтобы возглавить борьбу с самовластием Сардар Сепеха и ввести его деятельность в конституционные берега.

Но, как часто бывает в истории, непосредственным толчком для начала какого-то процесса может стать случайное событие или происшествие. В данном случае таковым, вероятно, можно считать предпринятую Реза-ханом в первой половине июня поездку в Азербайджан. Официальной причиной данного путешествия было объявлено желание премьер-министра отметить особые заслуги Азербайджана перед страной. Под этой формулировкой имелась в виду поддержка, оказанная Реза-хану местным купечеством и знатью весной и летом 1924 г. Правда, Х. Макки считает, что одним из мотивов совершения данного шага было опасение, что командующий Западным военным округом генерал Абдулла-хан Амир Тахмаспи набирает слишком большой авторитет и может составить конкуренцию Сардар Сепеху²⁸⁰. В ходе поездки Амиром Тахмаспи были созданы условия для контактов Сардар Сепеха с одним из могущественных курдских вождей Исмаилом Ага Смитко, который устроил торжественную встречу общенациональному лидеру, явившись в сопровождении 800 курдских всадников. Этого отряда было более чем достаточно для того, чтобы уничтожить Реза-хана и всех сопровождавших его лиц, но меры безопасности, предпринятые генералом Тахмаспи, произвели на Смитко впечатление, и он не решился предпринять каких-либо действий, о чем потом очень сожалел²⁸¹. Имея в виду именно данный эпизод, современный иранский автор Б. Агели оценивает опасность для жизни Сардар Сепеха как очень высокую: «В конце весны 1304 г. (июнь 1925 г. – прим. авт.) Сардар Сепех Реза-хан вместе с несколькими армейскими генералами совершил путешествие в Азербайджан, путешествие, которое в действительности могло оказаться поездкой в один

²⁸⁰ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 346.

²⁸¹ Агели Б. Носрет од-Доуле Фируз: аз руйа-йе падшахи та зендан-е Реза-шах. Техран, 1373. С. 192.

конец, но вопреки всем расчетам он и его спутники вернулись невредимыми»²⁸².

Несомненно, Реза-хан так или иначе узнал о замыслах Смитко, который был выразителем интересов племенных вождей, ильханов, крупных феодалов, недовольных его политикой и в той или иной степени поддерживавших Двор и Каджаров, и это стимулировало его действия и ускорило реализацию планов, направленных на ликвидацию старой династии.

Для осуществления задуманного премьер-министр избрал проверенный способ: показное сближение с лидером оппозиции и внешнее соблюдение всех его рекомендаций. Вскоре после возвращения из Азербайджана он встречается с аятоллой Модарресом и в ходе беседы говорит: «Вы должны помогать мне в государственных делах. Я передам в Ваше распоряжение два министерских поста и представляю в качестве министров того, кого Вы предложите»²⁸³. В итоге летом 1925 г. Реза-хан достигает соглашения с оппозицией на следующих условиях: введение в состав кабинета сторонников Модарреса, отмена военного положения в стране и в столице и передача власти в провинциях от военных гражданским губернаторам. Такой компромисс означал отказ феодального лагеря и духовенства от поддержки Каджарского дома. В августе 1925 г. Сардар Сепак реформирует свое правительство и вводит в него представителей старой феодальной аристократии, рекомендованных аятолой – Носрета од-Доуле и Кавама од-Доуле (Мирза Шокруллахан Кавам Садри).

Сам Модаррес в результате достигнутого компромисса чувствовал себя победителем. Х. Макки так описывает этот период и самовосприятие Модарреса: «За два дня до представления кабинета (Меджлису и наследнику престола – *прим. авт.*) Модаррес уехал в Исфаган. В момент отъезда пришли провожающие. Модаррес, садясь в автомобиль, окруженный сановниками и депутатами Меджлиса, обратился с интонациями, достойными шаха, к Носрету од-Доуле и Каваму од-Доуле:

²⁸² Там же. С. 192.

²⁸³ Там же. С. 193.

“Ты – министр финансов²⁸⁴, а Кавам од-Доуле – внутренних дел, но не делайте ничего и никого не меняйте, пока я не вернусь из Исфагана”»²⁸⁵.

Когда 8 августа 1925 г. Реза-хан предложил две указанные кандидатуры на утверждение Меджлиса, то против них, особенно против Носрета од-Доуле, резко выступил лидер социалистов Сулейман Мирза. Он высказал удивление и возмущение тем, что премьер-министр идет на поводу у Модарреса, назначая на ключевые министерства его выдвиженцев, а также сразу исполняет все рекомендации лидера оппозиции²⁸⁶. Его выступление не изменило и не могло изменить ход дела, но оно показывает, что Сулейман Мирза не был информирован о сделке между Реза-ханом и Модарресом и уж тем более не знал о тонкой игре, которую Сардар Сепак ведет с аятоллаи.

После возвращения из Исфагана Модаррес начал активно вмешиваться в дела исполнительной власти. Часто на бумаге, в которую упаковывались папиросы при укладке в пачку, он писал указания, кого назначить, на какую должность и в какую провинцию. К таким запискам чиновники относились так, будто это были шахские фирманы. Несмотря на действия Модарреса, Реза-хан, сохраняя договоренности, не вмешивался в сложившуюся ситуацию, был крайне любезен, и эти два политических деятеля часто встречались вечерами в городской квартире премьер-министра и в обстановке сердечного общения обсуждали различные вопросы. У лидера оппозиции, хотя чисто формально его уже не вполне правильно было считать оппозиционером, поскольку его люди вошли в кабинет министров и такое правительство уже можно было бы рассматривать как коалиционное, складывалась иллюзия, что он сможет назначать угодных ему деятелей на любые министерские посты, губернаторами провинций и пр. и таким образом сосредоточить в своих руках государственную власть. Сардар Сепак не разрушал этих иллюзий. Его действия, направленные на то, чтобы снискать благорас-

²⁸⁴ В действительности Носрет од-Доуле стал министром юстиции.

²⁸⁵ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 358.

²⁸⁶ Текст речи Сулеймана Мирзы см.: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 362.

положение своего политического противника, были настолько эффективными, что тот расслабился и уверовал в искренность дружеских чувств Реза-хана.

В связи с этим Х. Макки отмечает: «Нужно признать, что этот процесс был крайне важным, поскольку таким образом солдат, далекий от политики, заставил ошибиться политического тяжеловеса»²⁸⁷. В этом утверждении есть с чем согласиться, но есть и то, что можно оспорить. Разумеется, данный момент был важен для понимания сложившейся расстановки политических сил. Но называть Реза-хана солдатом, далеким от политики, было бы ошибочно. Таким он был до февраля 1921 г., но за четыре года прошел через множество острых ситуаций, политических кризисов, успехов и неудач и уже вошел в число ведущих иранских государственных деятелей. Кроме того, несмотря на низкий образовательный уровень²⁸⁸, невозможно отрицать его от природы сметливый ум, точность политического расчета, способность к лицедейству и пр. В противоположность ему аятолла Модаррес как «политический тяжеловес», несмотря на весь свой ум, опыт и иные достоинства, обладал крупным недостатком, о котором неоднократно упоминал и сам Х. Макки, – он был предельно тщеславен и себялюбив. Именно эти качества и сослужили ему недобрую службу в тот исторический период.

Пока Сардар Сепех заигрывал и добивался дружбы главного оппозиционера, его агенты проводили большую работу. Они внимательно изучали всех сторонников Модарреса, их авторитет в различных слоях общества, особенно среди наиболее популярных лидеров базара. Все места сбора сторонников Модарреса были определены, и имелась полная информация о направлении и характере их деятельности, стал поименно известен перечень лиц, способных выполнить указания своего лидера. У властей имелись полные списки его сторонников

²⁸⁷ Там же. С. 361.

²⁸⁸ До сих пор бытует байка, распространявшаяся противниками Реза-хана, о том, что он даже толком читать не умел. Говорят, что как-то, идя по улице, он увидел надпись на магазине «Лебас ва зиршалвари» (Одежда и нижнее белье). Однако прочел ее неправильно «Лебас-е вазир-е шалвари» (Одежда министра Шалвари) и с удивлением спросил у свиты: «Кто это министр Шалвари?»

на случай, если в какой-то момент возникнет необходимость их нейтрализовать.

Такие маневры и видимое сближение двух политических вождей страны позволило Реза-хану, с одной стороны, окончательно ослабить и парализовать деятельность Двора, направленную против него. А с другой – внушить Модарресу ложную мысль о том, что именно он, Модаррес, является хозяином положения в стране, а сам премьер-министр признал его политическое первородство, послушно выполняет указания, став лишь инструментом в его руках. В такой обстановке выдвигенец аятоллы Носрет од-Доуле, страстно и давно желавший должности премьер-министра, считался самой сильной фигурой в составе правительства и исподволь готовил условия для реализации своей мечты, а Кавам од-Доуле кроме функций министра внутренних дел играл роль личного секретаря Модарреса и исполнителя его поручений.

Пока происходили все указанные события, парижский сиделец Ахмед-шах все пребывал в нерешительности и сомнениях и не мог принять решения о возвращении в Иран. Многие из сопровождавших его лиц и представителей знати, проживавших в Европе, убеждали монарха не возвращаться, опасаясь Реза-хана. Среди них были и бывший регент Наср уль-Мольк, иранский посол в Великобритании Мофаттах ос-Салтане и др. С другой стороны, его сторонники в Тегеране постоянно убеждали его вернуться как можно скорее. Поскольку шаху было хорошо известно о негативном отношении англичан, контролировавших Средиземное море и Суэцкий канал, к идее его возвращения, на очередном совещании было решено вступить в контакт с советским представителем в Париже и узнать об отношении политического руководства СССР к возможности транзитного проезда Ахмед-шаха через территорию этой страны.

В ходе контактов с полпредом СССР во Франции Л.Б. Красиным стало ясно, что СССР не только предоставит шаху беспрепятственный транзит через свою территорию, но и окажет ему соответствующий его статусу прием в Москве. Но шах отказался от проезда через советскую территорию,

поскольку опасался негативной реакции Англии и панически боялся большевистской России. В итоге он повторно вызвал своего посла из Лондона и приказал ему арендовать судно для переезда в Иран. Мофтах ос-Салтане, который, вероятно, подыгрывал англичанам и Реза-хану, в ответ начал убеждать его не покидать столь прелестное место, как Европа. Однако на этот раз получил жесткое указание вернуться в Англию и организовать необходимое для путешествия судно.

Когда судно было зафрахтовано, Ахмед-шах направил премьер-министру телеграмму, датированную 16 сентября 1925 г., в которой сообщал, что второго октября на таком-то судне отплывает из Франции на возлюбленную родину и очень рад, что вскоре встретится с ним. В ответном послании Реза-хан выразил радость в связи с возвращением государя и спросил, в какой из иранских портов следует направиться свите для встречи его величества²⁸⁹. В действительности Сардар Сепех и его сторонники были чрезвычайно обеспокоены намерением шаха и начали предпринимать меры для противодействия этому.

По мнению Х. Макки, средством для срыва планов Ахмед-шаха была выбрана организация бунтов из-за искусственно созданной нехватки продовольствия²⁹⁰. Правда некоторые объективные основания для проблем с хлебом в стране имелись и были вызваны засухой в тех районах, из которых пшеница обычно поставлялась в Тегеран²⁹¹. В сентябре подозрительными личностями, связанными с управлением полиции Тегерана, стали распускаться слухи о нехватке основных продовольственных товаров, запасов которых осталось на три месяца, и грядущем голоде. Учитывая, что в памяти людей еще очень свежа была память о голоде 1917–1919 гг.,²⁹² такие слухи воспринимались населением очень серьезно. К сентябрю в стране действительно имелись некоторые проблемы с обеспечением продо-

²⁸⁹ Макки Х. Тарих-е бистале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 370.

²⁹⁰ Там же.

²⁹¹ Мостоуфи А. Тарих-е еджтемай ва эдари-йе доуре-йе Каджар. Шарх-е зендегани-йеман. Тегеран, 1343. Т. 3. С. 565.

²⁹² О голоде 1917–1919 гг. см.: Арабаджян З.А. Иран в годы Первой мировой войны. М., 1921. С. 186–209.

вольствием, но ничего критического не было. Вполне вероятно, что в Тегеране ситуация была создана искусственно. Однако в условиях созданной нехватки товаров, особенно хлеба, в столице началась паника, и народ бросился в лавки купить все, что только можно.

Подрывные элементы и шептуны, связанные с полицией, распространяли слухи о том, что в таком-то районе затоптали женщину, раздавили ребенка, от голода умерло несколько человек и пр. Все это производило сильное впечатление на жителей города и возбуждало их недовольство властями. Народ подбивали на то, чтобы идти к Меджлису и требовать от правительства и парламента немедленно обеспечить хлебом столицу. Особенно остро проблема воспринималась женщинами. В итоге 24 сентября 1925 г. несколько тысяч женщин пришли к зданию Меджлиса и стали требовать хлеба. Вслед за ними подошла и большая толпа мужчин. Иранский историк Х. Макки считает, что эта акция была спровоцирована полицией и рядом старшин тегеранского базара, а также хорошо оплачена²⁹³. В толпе были провокаторы, которые подбивали народ на противоправные действия. Часть участвовавших в выступлениях торговцев базара и местных жителей двинулась к домам проживавших в тех местах религиозных деятелей и стала жаловаться на свое бедственное положение, призывая их присоединиться к протестам и вместе с народом пойти к Меджлису, но в тот день улемы с людьми не пошли.

Несмотря на это, большая группа женщин и мужчин заполнила пространство между Меджлисом и мечетью Сепасалар, кроме того, имелось и много зевак, которые ничего не требовали, но наблюдали за тем, чем все кончится. В конце концов народ начал врываться на территорию парламента. Депутаты были настолько испуганы, что думали только о спасении. Аятолла Модаррес, считавший действовавшее правительство своим собственным кабинетом, предложил немедленно информировать власти о происходящем, чтобы они воспрепятствовали бесчинствам. Но правительство, уже проинформированное обо

²⁹³ Макки Х. Тарих-е бистале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 371.

всем, если отчасти само не спровоцировавшее беспорядки, уже выслало военных к месту событий, которые установили пулемет у ворот Меджлиса. Однако в тот день войска не пришлось пустить в ход, поскольку Модарресу и еще несколькими депутатам удалось убедить толпу успокоиться и разойтись.

На следующий день все повторилось, однако и тогда провокаторам не удалось спровоцировать столкновения. Но 26 сентября 1925 г. скопление народа у домов улемов было еще большим, чем в предыдущие дни. У дома Хаджи Джемаля Исфгани собралось две тысячи человек, у дома пятничного имама Тегерана – несколько тысяч человек, Шахская мечеть и ее двор были забиты до отказа²⁹⁴. Ораторы, сменявшие друг друга, произносили зажигательные речи против правительства. Все говорили как о нехватке, дороговизне, так и плохом качестве выпекаемого хлеба. Генерал Тахмаспи прибыл к шахской мечети и примирительными речами пытался увещевать народ. Вокруг домов других улемов также собирались большие группы людей. Большая группа женщин с площади Чалемейдан, славившихся на весь Тегеран своей бойкостью, острым языком и бесстрашием, была крайне активна. Особенно это касалось дочери Хаджи Калантара Нами, имевшей большой авторитет среди них. Она сняла с себя светлую чадру, надетую специально для намаза, повязала ее вокруг талии и, взяв в руку палку, пошла к Меджлису, поведя за собой несколько тысяч женщин. Этот марш дал толчок движению других групп, находившихся около жилищ местных улемов. В итоге на территории Меджлиса, площади Бахарестан и близлежащих районов собралось более 20 тыс. человек. Протестующие, ворвавшиеся на территорию Меджлиса, начали оскорблять попавшихся им депутатов и даже нанесли несколько ударов некоторым из них.

Аятолла Модаррес, как и в предыдущий раз, получив поддержку большинства депутатов, предложил проинформировать премьер-министра и вызвать войска, которые немедленно были переброшены на защиту Меджлиса и установили пулемет у его ворот. Реза-хан лично прибыл к месту событий и был осыпан

²⁹⁴ Там же. С. 372.

оскорблениями и поношениями. В это время Модаррес, находившийся рядом с ним, встал на ступеньки и хотел обратиться к народу с призывом успокоиться и разойтись. Но со стороны части присутствовавших в его адрес посыпалась брань. Раздались возгласы: «Мы хотим шаха, Сардар Сепеха не хотим!» В этот момент аятолла разрешил Реза-хану, чтобы солдаты сделали несколько выстрелов в воздух, охладив тем самым пыл толпы. Но выстрелы произвели обратный эффект. Люди стали напирать еще сильнее и призывали стрелять в них, поскольку им все равно – умереть от голода или от пули. В условиях нараставшего хаоса Реза-хан отдал приказ стрелять в толпу. После первого залпа был убит один сеид, еще несколько человек получили ранения. Толпа отпрянула, подхватила тело погибшего сеида и понесла его к одной из мечетей. В возникшей давке погибло еще несколько человек и от 30 до 40 человек были травмированы. Группа протестующих пошла к советской миссии, чтобы там сесть в бест, но сделать этого не удалось, поскольку правительство заранее перекрыло войсками подходы к миссиям всех ключевых государств²⁹⁵. Разгон протестующих продолжался еще несколько часов.

Данные события имели важное политическое значение, поскольку разгон толпы был произведен правительством и лично премьер-министром по просьбе Меджлиса и лидера бывшей оппозиции ради защиты народных избранников. Иначе говоря, он был совершен именем Меджлиса при том, что аятолла Модаррес не заподозрил и не распознал тонкой интриги Реза-хана. Об этом свидетельствует то, что вечером того же дня состоялось заседание парламента, на котором депутаты поручили премьер-министру для стабилизации положения в стране объявить военное положение. А ведь, как было отмечено выше, всего двумя-тремя месяцами ранее одним из условий, на которых между Модарресом и Сардар Сепехом была достигнута договоренность о сотрудничестве, стала отмена военного положения по всей стране. Более того, на заседании депутаты требовали расследования всего дела, поиска и стро-

²⁹⁵ Там же. С. 373.

гого наказания зачинщиков, а председатель правительства смягчал их требования и всячески подчеркивал, сколь тяжело положение народа, как много невинных людей может пострадать и пр. Иначе говоря, с одной стороны, он не хотел расследовать происшествие, чтобы не выявились следы, ведущие к полицейскому управлению и его сторонникам среди старшин базара, а с другой – выставлял себя человеком, сочувствующим простому народу и его заступником на фоне депутатов²⁹⁶.

На следующий день было обнародовано заявление правительства о введении военного положения в Тегеране, Исфагане, Тавризе, Мешхеде и других крупных городах. Данный шаг объяснялся тем, что народ, поддавшись подстрекательствам неких провокаторов, напал на Меджлис, имея злокозненные намерения в отношении некоторых депутатов. Поскольку правительство по указанию Меджлиса было вынуждено воспрепятствовать этому и в результате погибло несколько человек, то теперь вводится военное положение, и по приказу Меджлиса зачинщики безобразий будут арестованы. Модаррес не понял, что происходит, и не возражал против таких формулировок. Он воспринял текст заявления как знак полной покорности Реза-хана ему и парламенту. Таким образом, в глазах народа парламент взял всю ответственность за происшедшее и военное положение на себя, а Реза-хан формально остался в стороне, выступая лишь как послушный исполнитель указаний высшего законодательного органа страны.

Но вместо расследования происшедшего силы безопасности стали арестовывать противников Сардар Сепеха: придворных, некоторых сторонников Модарреса в провинциях, включая и назначенных на те или иные должности по его указаниям, членов различных тайных обществ и пр. Сделать это было легко, поскольку списки несогласных с премьер-министром заранее были подготовлены и находились у местных полицейских властей. Кроме того, сильный удар был нанесен по сторонникам социалистической партии («Эджтемайуюн»), лидером которой был Сулейман Мирза, твердо поддерживавший Реза-хана

²⁹⁶ Выступление Реза-хана на заседании Меджлиса см.: Макки Х. Тарих-е биста-ле-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 374.

в его борьбе с феодально-клерикальной реакцией и Каджарами, несмотря на то что сам был членом этой династии.

Фактически аятолла утратил все позиции, которые, как ему казалось, он приобрел по итогам летнего компромисса, но сделать уже ничего не мог. Хотя не исключено, что и в этот момент он не до конца понял смысл игры своего политического соперника, поскольку основной удар в провинциях пришелся именно по кадрам социалистической партии, которая последовательно выступала против всевластия клерикалов. В ходе кампании арестов в столице и провинциях было задержано и посажено в тюрьмы 800–900 человек²⁹⁷.

Иранские авторы – противники Реза-хана, описывая его репрессии в стране в 1924–1925 гг., живописуют жестокости в отношении представителей духовенства, интеллигенции, редакторов газет и журналистов, однако они никогда не упоминают о гонениях, обрушенных режимом против Иранской коммунистической партии (ИКП). Так, в 1925 г. при подготовке к смене династии Реза-ханом была полностью разгромлена тегеранская организация иранских коммунистов²⁹⁸.

В целом репрессалии против ИКП носили системный, классово ориентированный характер, о чем свидетельствует письмо секретаря ЦК ИКП Никбина в Восточный отдел Исполнительного комитета Коминтерна от 12 октября 1925 г.:

«Несмотря на постоянную поддержку, оказываемую правительству Реза-хана Пехлеви, все же оно относится весьма враждебно к нам и к СССР. <...>

По всей Персии коммунистическая организация и ее члены подвергаются неслыханному до сих пор преследованию. Профсоюзы – эти легальные наши массовые организации почти всюду разгромлены, и им не дают возможности собраться. Ответственные товарищи по профсоюзу арестовываются и высылаются.

Еще хуже относятся к коммунистам. Так, наша Астрабадская организация ИКП совершенно разогнана, все тамошние

²⁹⁷ Там же. С. 377.

²⁹⁸ Хатерат-е сийаси-йе Ардешир Аванесиан. Бе кушеш-е Али Бехдаши. Техран, 1378. С. 25.

ответственные товарищи высланы частью в Мешхед, частью в Тегеран, частью в другие города Персии. В Тавризе арестованы все ответственные товарищи. <...>

В Тегеране арестованы все ответственные товарищи <...>, из коих трое – члены ЦК, один – секретарь тегеранской организации, один – член тегеранского горкома, одна коммунистка, ответственная работница среди женщин, т. Гамар Ханум. <...> Аресты еще продолжают, и полагаем будут подвергнуты аресту может быть еще десяток коммунистов из Тегерана.

Арестованных посадили в темницы, и к ним применяют пытки с целью выдачи других тт. и установлению связи с Полпредством. <...> разоблачительных документов полагаем, что правительству в руки не попало за исключением денежной отчетности. <...> Правительство, как выяснилось из следствия, старается разоблачить (получить информацию) относительно отправленных в КУТВ курсантов. <...>

С коммунистическим приветом,
Секретарь ЦК ИКП Никбин.

Не успели отправить вам настоящее письмо, как получили новую информацию о том, что дополнительно произведены новые аресты <...> в следующих городах в следующем количестве:

В области Азербайджана арестовано 28 тт.

В Кермане 4

В Гиляне 16

В Хорасане 12

Итого 60 чел.

А с Тегераном 71»²⁹⁹.

Кроме уже упомянутых выгод, которые получил Сардар Сепак от событий 26 сентября 1925 г., он направил несколько посланий всем участникам событий. Он показал депутатам, что если в марте 1924 г. народ выступил против республиканской кампании, за которой стоял сам премьер-министр, то на этот раз тот же народ выступил против Меджлиса, и если бы не действия самого Реза-хана, то мог бы расправиться и с депутатами.

²⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 109. Л. 21–22.

Бедноте южного Тегерана была дана возможность сравнить действия главы правительства и парламента. Когда в кризисный момент республиканской кампании в главу кабинета летели не только оскорбления, но и камни, то он не стрелял в народ, а лишь приказал рассеять толпу. Но когда возникла угроза Меджлису из-за постигшего народ голода, то народные избранники, испугавшись группы женщин, потребовали от правительства применить армию, и пролилась кровь. В итоге ему удалось переключить недовольство людей с правительства на депутатов.

Но самый главный успех указанной акции состоял в том, что Реза-хану удалось так запугать беспорядками Ахмед-шаха, что тот в очередной раз отказался от намерения вернуться в Иран. В день событий, закончившихся кровопролитием у стен Меджлиса, встревоженный монарх направил телеграмму премьер-министру:

«Ваше превосходительство господин премьер-министр,
Сегодня местные газеты передали сообщения из Ирана о том, что по причине нехватки продовольствия в Тегеране произошли беспорядки и закрылся базар. Это крайне меня обеспокоило. Ожидаю от вас срочной и подробной информации. Ответ на эту телеграмму направьте в Париж»³⁰⁰.

Реза-хан 27 сентября 1925 г. направил шаху ответную телеграмму, в которой представил события в выгодном для себя свете. Сообщалось, что события начались 23 сентября³⁰¹, когда из-за проблем со снабжением хлебом народ начал стекаться к зданию Меджлиса и, «несмотря на то что было бы целесообразно ввести военное положение, чтобы твердо воспрепятствовать скоплению людей»³⁰², этого сделано не было, поскольку предполагалось, что после необходимых разъяснений ситуация успокоится. Описывая ситуацию примерно в том виде, какой она и была, Сардар Сепак, используя лозунги протесту-

³⁰⁰ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 381.

³⁰¹ Хотя события около Меджлиса начались 24.09.1925 г., в тексте телеграммы они датированы днем раньше.

³⁰² Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 381.

ющих о том, что они недовольны правительством и хотят шаха, постарался представить виновными в беспорядках монархистов и сановников шахского двора: «Кроме заправил и лиц, подбивавших народ к беспорядкам, для проведения расследования и доклада Вашему Величеству были задержаны несколько человек из сотрудников Двора, которые, предположительно, имеют контакты с некоторыми иностранными чиновниками. Но после дознания они были освобождены»³⁰³.

Поскольку между указанными событиями и отправкой телеграммы прошло не более суток, трудно предположить, что за это время власти успели арестовать сотрудников шахского двора, провести серьезное расследование и разобраться в их невиновности. Это тем более странно, что заявление правительства о введении военного положения, на основании которого производились аресты, было обнародовано в тот же день, т. е. 27 сентября 1925 г.

Вслед за этими событиями сторонники Реза-хана усилили агитацию против Каджаров, стараясь использовать для достижения своих целей трудности беднейших слоев с обеспечением продовольствием. По многим районам в октябре 1925 г. прошли демонстрации против династии. Особенно бурными они были в Азербайджане. Все это время премьер-министр и шах обменивались телеграммами о положении в стране. Содержание посланий Сардар Сепеха было направлено на то, чтобы Ахмед-шах отказался от намерения вернуться в страну. Вероятно, кульминацией этих запугиваний стала телеграмма, в которой он утверждал, что за беспорядками стоят иностранные державы и имеющиеся в стране длительное время нестабильность, подстрекательства и беспорядки не закончатся, пока не будет установлена твердая власть. В ней же отмечалось, что якобы на некоем мероприятии в советском полпредстве говорилось о том, что вскоре шах будет называться не шахом, а как-то иначе³⁰⁴. Кто кому и когда это говорил, да и говорил ли вообще – неизвестно. Однако данное известие произвело на робкого Ахмед-шаха

³⁰³ Там же. С 381–382.

³⁰⁴ Текст телеграммы см.: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 383.

такое впечатление, что он отказался от намерения вернуться в страну. Об изменении планов монарха 9 октября 1925 г. сообщила газета «Иран».

Добившись своей цели, верный тактике запутывать соперников, Реза-хан сделал позитивный знак в адрес наследника престола. В середине октября состоялось заседание Меджлиса, на котором по предложению премьер-министра рассматривался вопрос об увеличении содержания Мохаммед Хасан Мирзы. Депутаты согласились с этим предложением и увеличили ежемесячное содержание на 4500 туманов. В действительности этот ход был направлен на то, чтобы усыпить бдительность наследника и убедить его не противиться отрешению Ахмед-шаха от престола. Поскольку ранее между Сардар Сепакх и Мохаммед Хасан Мирзой имелись некие разговоры на тему о возможности передачи ему шахской власти, данная инициатива была воспринята как подтверждение приверженности премьер-министра прежним планам.

Между тем, столкнувшись с таким неожиданным проявлением благорасположения, ему следовало бы вспомнить строки Мирзы Мохаммеда Али Саиба Табризи, творившего в XVII в.:

Фарибе тарбийате	Пусть не обманет розу
багбан махор эй голь	садовника забота:
Ке аб мидегад	За воду кровь возьмет,
амма гольаб михагад.	вот суть его работы.

Великобритания уже несколько лет поддерживала Реза-хана в его претензиях на власть, но было необходимо заручиться поддержкой и советской стороны, которая к нему и его деятельности по централизации и реформированию страны относилась позитивно, однако не отказывалась, в отличие от англичан, иметь дело и с Ахмед-шахом. С целью направить советскую политику на поддержку своей линии по смене режима в Иране англичане использовали своих сторонников из числа местной политической элиты. Этим лицам было рекомендовано внешне сменить ориентацию и начать посещать советское полпредство и информировать британскую миссию о настроениях и планах большевиков, а по возможности и влиять на них в желаемом направлении. Составлялись перечни поли-

тических деятелей, внесенных англичанами в черные и белые списки своих врагов и друзей, которые новоявленные «друзья» СССР якобы с риском для жизни выкрали у них и передали советским дипломатам. По мнению Х. Макки, эта деятельность англичан и их агентов помогла обмануть советских политиков и обеспечила их поддержку действиям Реза-хана: «В любом случае в результате таких маневров советская политика в Иране попала на обман. Разумеется, не стоит удивляться тому, что они попались на эту ловушку, поскольку (большевики – прим. авт.) лишь недавно вышли на иранскую политическую сцену и не имели представления об истинной сущности тех, кто контактировал с ними. В результате Советы, в начале всех дел выступавшие против Сардар Сепеха, постепенно стали с ним соглашаться»³⁰⁵.

В подтверждение своего тезиса Х. Макки приводит следующее заявление ТАСС от 21 октября 1925 г., подчеркивая, что оно было сделано всего за несколько дней до начала заседания Меджлиса, на котором произошло отрешение династии Каджаров от власти (30 октября 1925 г.): «В последнее время европейская пресса стала публиковать информацию о том, что будто бы правительство Советского Союза имеет отрицательное отношение к иранскому национальному правительству, во главе которого стоит Реза-хан Пехлеви, и будто бы советское правительство усиливает иранского шаха, который находится в Европе. Вероятно, европейская пресса преследует цель представить, что в этой борьбе, происходящей в Иране в последние годы, советское правительство является сторонником шаха и, тем самым, расстроив отношения между советским правительством и национальным правительством Ирана, облегчить проведение империалистической политики в Иране. Обеспокоенность монархистов, которые недавно подстрекали реакционные элементы в Тегеране, преследует те же цели.

Для того чтобы развеять все эти безосновательные утверждения, ТАСС уполномочен заявить, что советское правительство, как и ранее, придерживается принципа полного

³⁰⁵ Там же. С. 388.

невмешательства во внутривнутриполитические вопросы Ирана и имеет дружественные отношения с национальным правительством Ирана, во главе которого стоит премьер-министр Реза-хан»³⁰⁶.

Следует отметить, что в данном заявлении не было ничего необычного, и оно находилось в русле классической внешнеполитической линии Советского Союза. Более того, в предыдущей главе мы с опорой на материалы АВП РФ показали, что в начале 1925 г. в советской политике по отношению к внутриполитическому противостоянию в Иране произошла определенная корректировка позиции в пользу более благоприятного отношения к монархии. Это имело место в результате многочисленных жалоб со стороны представителей монархического лагеря на то, что полпред СССР Б.З. Шумяцкий слишком поддерживает Реза-хана. Не исключено, что и его замена (апрель – май 1925 г.) на нового полпреда К.К. Юреньева была произведена именно для обеспечения равной удаленности советской стороны от обеих группировок, участвовавших в политической борьбе.

Однако Х. Макки чрезвычайно увлекся своей конструкцией: «После того как советские руководители поняли, что их представители в Иране ошиблись, проводя политику усиления Сардар Сепеха, согласились на занятие им поста премьер-министра и, наконец, на его восшествие на престол, а агенты, направленные в Иран, оказались обманутыми, то предали их суду и приговорили к смертной казни. Советский посол Шумяцкий, который был в Иране во время республиканского движения и после того, был среди тех посланников, которых по итогам нескольких процессов приговорили к казни»³⁰⁷.

Действительно, три советских полпреда, работавших в Иране, – Б.З. Шумяцкий (1923–1925 гг.), К.К. Юреньев (1925–1927 гг.) и Я.Х. Давтян (1927–1930 гг.) были расстреляны

³⁰⁶ Поскольку автору не удалось найти подлинник указанного заявления ТАСС, обратный перевод сделан по: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 388.

³⁰⁷ Там же. С. 388–389.

в 1938 г. в ходе ежовских репрессий, но совсем не за то, что работали в Иране и помогали Реза-хану³⁰⁸.

Когда в конце сентября – октябре раскручивалась антикаджарская кампания, произошло еще одно важное событие. По положению о функционировании Меджлиса каждые шесть месяцев должны происходить пере выборы его председателя и заместителей председателя. Весь срок функционирования Меджлиса пятого созыва председателем избирался Хосейн-хан Пирния Мотаммен уль-Мольк, человек с безупречной репутацией и сторонник строгого соблюдения законности. Так произошло и в начале октября 1925 г., когда он был переизбран единогласно. Однако 13 октября 1925 г. Мотаммен уль-Мольк подал заявление о своей отставке с указанного поста: «...На заседании в воскресенье, когда происходило переизбрание руководящих органов, глубокоуважаемые господа депутаты хорошо отозвались обо мне. Я бесконечно признателен и благодарен глубокоуважаемым депутатам за оказанное доверие. Но с сожалением сообщаю, что недуги не позволяют мне выполнять эти обязанности. С великим стыдом я отказываюсь от принятия указанного поста и исполнения (сопряженных с ним) задач»³⁰⁹.

Такой шаг только что избранного председателя парламента был продиктован его строгой приверженностью иранской конституции, которой предусматривалось, что царствующим в Иране домом является династия Каджаров. Между тем в октябре 1925 г. уже всем было ясно, к чему идет дело, хотя еще не все знали, каким будет политическое устройство страны после отрешения Ахмед-шаха от власти. Будучи на протяжении нескольких десятилетий глубоко погруженным в политику, Мотаммен уль-Мольк прекрасно чувствовал, а возможно и был непосредственно проинформирован о желании Реза-хана стать наследственным шахом Ирана, и был принципиальным про-

³⁰⁸ Б.З. Шумяцкий «оказался в плену у вредителей, проникших на ответственные участки кинопромышленности». Его обвинили в «парадной шумихе» и «пустословии» (Кремлевский кинотеатр 1928–1953. М.: РОССПЭН, 2005. С. 457). К.К. Юрнев был обвинен в подготовке заговора против Ежова, финансировании контрреволюционной организации и шпионаже. Я.Х. Давтян приговорен к расстрелу за участие в контрреволюционной террористической организации.

³⁰⁹ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 389.

тивником этого антиконституционного шага. Однако он понимал, что не способен помешать надвигающимся переменам. Поскольку должность председателя Меджлиса являлась одним из наиболее важных и даже ключевых постов, то Хосейн Пирния не хотел, чтобы впоследствии кто-либо мог обвинить его в том, что он сыграл очень большую роль в указанном деянии, по сути являвшемся государственным переворотом.

Отставка Мотаммен уль-Молька произвела сильное впечатление на депутатов. В тот же день созданная инициативная группа посетила его и пыталась уговорить изменить свое решение, но он остался непреклонен. Депутация повторила свой визит 15 октября 1925 г., однако ситуация не изменилась. Поскольку Меджлис не мог существовать без председателя, то 20 октября 62 голосами из 92 был избран Мостоуфи уль-Мамалек³¹⁰. Однако и этот авторитетный политик, понимая, к чему он может оказаться причастным, отказался возглавить парламент. Тогда был избран человек Реза-хана Сеид Мохаммад Тадайон, который руководил высшим законодательным органом в судьбоносный для страны период: ноябрь – декабрь 1925 г.

В свое время потерпев фиаско с поднятым им республиканским движением, Реза-хан стал более осмотрительным и тщательно готовил отстранение Каджаров. Со всех концов страны летели в столицу телеграммы от «народа», в которых заявлялось о нежелании терпеть более деспотии старой династии. Разумеется, они во многом были инспирированы сторонниками премьер-министра, особенно военными генерал-губернаторами, предусмотрительно восстановленными им после хлебных бунтов. Крайне резкие послания направлялись националистами Азербайджана, традиционно считавшегося опорой Каджаров и резиденцией наследника. В одной из телеграмм даже угрожали депутатам, что если они отвергнут требования, то стены Меджлиса окрасятся их кровью. Такая активность азербайджанских политиков, вероятно, была заранее обговорена во время сентябрьского визита Реза-хана в эту провинцию. Массовый поток телеграмм обеспечивался еще и тем, что было приказано не визи-

³¹⁰ Там же. С. 391.

мать плату с отправителей. Правда, после утверждения на иранском престоле новой династии с отправителей деньги были взысканы силой в полном объеме.

Чтобы привлечь к протестам против Каджаров городские низы, по решению правительства в пригородах Тегерана проводили сельскохозяйственную выставку. Там были разбиты шатры и раздавались бесплатные угощения. Также по городу распространялись листовки с описанием всех истинных и мнимых преступлений Каджаров и требованием их свержения.

За несколько дней до заседания парламента наиболее близкими к Сардар Сепакху людьми Теймурташем и Давером был составлен проект решения Меджлиса о низложении Каджаров. После чего они и еще несколько сторонников премьер-министра стали приглашать в его дом депутатов по одному и угрозами и угрозами вынуждали поставить свою подпись под данным документом³¹¹. Таким способом им удалось собрать подписи большинства депутатов.

Накануне заседания Меджлиса, на котором должен был быть поставлен на рассмотрение данный вопрос, Реза-хан пригласил группу депутатов прибыть к нему в дом с первыми лучами солнца 29 октября 1925 г. (день начала обсуждения судьбы династии в парламенте). Среди них были Ходаяр-хан, Тадайон, Рахнема, Бахрами, Сеид Мохаммед Табатабаи, Солейман Мирза, Эхья ос-Салтане и Мирза Керим-хан Рашти. Появившись перед депутатами, Сардар Сепакх достал из кармана четки и сказал, что хочет вместе с ними вершить важные государственные дела, разделять общие взгляды, быть в союзе с ними. После этого он совершил следующее: передал головку четок в руки одному из депутатов, а каждый из присутствовавших дотронулся до разделительных дисков на четках³¹². Поскольку среди этих людей были лидеры центристских и левых фракций Меджлиса, Реза-хан таким способом полу-

³¹¹ Там же. С. 396.

³¹² Там же. С. 391–392. К. Асадулаев ссылается на указанный источник, описывая эту сцену, но по какой-то причине пишет, что Реза-хан предложил депутатам «поклониться кораном» (Асадулаев К. Свержение династии Каджаров в Иране (1921–1925). Душанбе. 1966. С. 134), хотя у Х. Макки ничего подобного нет.

чил символическое заверение в их готовности к сотрудничеству в ходе судьбоносного заседания парламента.

Когда 29 октября 1925 г. началось заседание Меджлиса, сторонники премьер-министра не осмелились сразу вынести на обсуждение заранее подготовленное решение. Сначала началось обсуждение телеграмм из Азербайджана с требованием о низложении старой династии. Это был своего рода пробный шар. Сама идея не вызвала сопротивления, лишь некоторые депутаты от меньшинства (Ясаи, Малек ош-Шоара Бахар и др.) высказались за то, что такой вопрос должен решаться на референдуме, поскольку не входит в компетенцию Меджлиса³¹³.

Знавший о содержании проекта постановления, которым предлагалось отстранить Каджаров и передать всю полноту власти Реза-хану, аятолла Модаррес также не выступил против самой идеи. Он предложил перенести ее обсуждение до того времени, когда у Меджлиса появится председатель, поскольку Мостоуфи уль-Мамалек, как отмечалось выше, подал в отставку, не желая принимать участия в указанном действе в качестве председателя парламента³¹⁴.

Приведенное показывает не только слабость оппозиции по отношению к планам Сардар Сепеха, но и то, что она даже не смогла подготовиться к заседанию и выработать единую позицию. Часть фракции Модарреса апеллировала к тому, что Меджлис не уполномочен решать такие вопросы в принципе, а ее лидер опроверг мнение своих соратников и сослался всего лишь на то, что сначала следует избрать председателя, а уже потом рассматривать дело по существу. Однако и предложение Модарреса было отвергнуто депутатским большинством.

Тогда от имени группы депутатов Ага-шейх Джалал передал подготовленный проект, состоявший из одной статьи, который гласил: «Во имя счастья народа Собрание Национального Совета (Меджлис – *прим. авт.*) объявляет о низложении династии Каджаров и временной передаче власти в соответствии

³¹³ Текст выступления депутата Ясаи см.: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 401–402.

³¹⁴ Сначала Мостоуфи уль-Мамалек сообщил об этом по телефону одному из заместителей председателя, а 29.10.1925 г. подал официальное прошение об отставке. Не исключено, что его действия как-то были скоординированы с Модарресом.

с Основным Законом и законами государства господину Реза-хану Пехлеви. Вопрос о назначении постоянной и прочной власти передается на усмотрение Учредительного Собрания, которое созывается для изменения статей 36, 37, 38, 40 Дополнений к Основному Закону»³¹⁵.

В представленном проекте предлагалось голосовать сразу за три вопроса: отстранение от власти Каджаров, временную передачу власти Реза-хану и созыв Учредительного Собрания, которое должно изменить четыре статьи Дополнений к Конституции. Именно это смешение разных вопросов, на которые по замыслу организаторов всего дела следовало дать только один ответ, вызвало возмущение и противодействие ряда оппозиционных депутатов³¹⁶. В принципиальном плане противников отрешения старой династии от власти не было, но с двумя другими решениями, которые предлагались в нагрузку к первому, согласны были не все.

Заместитель председателя Меджлиса Тадайон запустил машину для голосования, чтобы поставить вопрос на обсуждение, которое неожиданно приняло острый характер. Модаррес воскликнул, что это против Конституции и не может рассматриваться на заседании, и понимая, что большинство продавит обсуждение данного вопроса, добавил: «Соберите хоть сто тысяч голосов, все равно противоречит закону!»³¹⁷

В ходе обсуждения с яркими речами против принятия решения по всем трем вопросам одним голосованием выступили такие депутаты, как Сеид Хасан Тагизаде и Мирза Хосейн-хан Алаи. Отвечая на выступление Тагизаде, депутат Сеид Ягуб Анвар завершил свою речь словами: «Лучшее, что Меджлис может сделать сейчас, это прекратить революцию, идущую по всей стране, и осчастливить весь народ. На вопрос господина Тагизаде о том, что данное дело (постановление Меджлиса – *прим. авт.*) противоречит Основному Закону, хотя, в конечном

³¹⁵ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 430.

³¹⁶ Современному российскому читателю, ставшему свидетелем и/или участником голосования по поправкам в Конституцию РФ в 2020 г., когда предлагалось сказать «да» или «нет» сразу за несколько десятков изменений в тексте Основного Закона, недовольство иранской оппозиции должно быть понятно.

³¹⁷ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 431.

счете, я с ним согласен, должен сказать, что оно не противоречит Основному Закону, ибо оно и есть закон»³¹⁸.

Наиболее яркую речь произнес Мосаддык ос-Салтане (доктор Мосаддык), который завершил выступление ответом депутату Анвару: «Если вы отрубите мою голову и разрубите ее на мелкие кусочки, а депутат Сеид Ягуб пошлет мне тысячу проклятий, я не поддамся на все эти слова. Все 20 лет кровопролития, господин Сеид Ягуб, Вы были конституционалистом? Свободолюбом? Я сам видел в этой стране, как Вы с минбара призывали народ к свободе, а сейчас Ваши взгляды таковы, что один человек должен быть в стране и шахом, и премьер-министром, и правителем? Если так, то это на пользу реакции. На пользу деспотии. Тогда зачем кровь мучеников за свободу проливалась понапрасну?! Зачем посылали народ на смерть. С первого дня Вы должны были сказать: “Мы соврали, конституцию не хотим, свободу не хотим, народ темен и должен находиться под сапогом одного человека”»³¹⁹.

Позицию доктора Мосаддыка и его единомышленников, таких как Мотаммен уль-Мольк, Мостоуфи уль-Мамалек, Мошир од-Доуле и пр., а также аятоллы Модарреса можно воспринимать как запоздалое прозрение и признание ошибочности своей политики в прошлом. Все они в той или иной степени поддерживали Реза-хана, хотя и пытались ввести его деятельность, не лишенную конструктивности, в рамки конституции и законов и подчинить честолюбца решениям Меджлиса.

В день 31 октября 1925 г. решение не было принято, и дебаты растянулись еще на два дня. Понимая, что их мнение и аргументы ничего не смогут изменить, группа оппозиционеров не явилась на голосование, когда решение о низложении Каджаров и передаче всей полноты власти Реза-хану Пехлеви было принято 80 голосами из 85³²⁰. Как только огласили результаты голосования, тегеранцам сообщили о происшедшем артиллерийскими залпами, во все концы Ирана полетели телеграммы. Одна была подписана Тадайоном, а вто-

³¹⁸ Там же. С. 438.

³¹⁹ Там же. С. 447.

³²⁰ Там же. С. 465.

рая – премьер-министром. Под вечер большая группа депутатов и кабинет министров в полном составе торжественно направились к дому Сардар Сепеха и принесли текст постановления Меджлиса. Преподнося документ новому правителю страны, Тадайон сказал о единодушной надежде и ожиданиях депутатов на то, что под сенью нежности его «высочества» Иран и иранский народ обретут счастье, и сделанный шаг будет благословенен и благодатен. Следует отметить, что называть титулом «его высочество» (по-персидски «валахазрат») можно было только принца или наследника престола. В связи с этим уместно полагать, что, используя это слово, Тадайон уже давал понять широкой общественности, бывшей еще не в курсе планов ближнего круга премьер-министра, кем в недалекой перспективе должен стать Сардар Сепех.

В ответной речи Реза-хан заявил: «Я чрезвычайно рад важному и историческому шагу, предпринятому Меджлисом пятого созыва во имя счастья Ирана и низложения монархии Каджаров, вдохнувшего новый дух в политическую жизнь нашего государства. Я бесконечно благодарен руководителям властных органов и попечителям Ирана за проявленное ко мне благосклонное внимание. Надеюсь, что Меджлис пятого созыва, который сделал важные шаги для прогресса и обустройства Ирана, и в будущем достигнет больших успехов. Пятый Меджлис в истории иранского конституционализма, кроме данного большого шага, сослужил важную службу государству и оставил память о себе, вписав свое имя на страницах истории. Никогда не забуду благожелательности депутатов Меджлиса пятого созыва и добрых отношений, которые установились у меня с господами (депутатами)»³²¹.

В тот же день начался процесс опечатывания коронных драгоценностей и шахских дворцов. Разумеется, пустые шахские дворцы не могли представлять опасности для установления новой политической системы, но наследник престола при определенных обстоятельствах мог бы что-либо предпринять. Поэтому вокруг его резиденции заранее был установлен уси-

³²¹ Там же. С. 468.

ленный надзор тайной полиции, которая фиксировала всех, кто приходил и выходил оттуда. 30 октября 1925 г. количество полиции увеличили и даже перебросили некоторое количество военных. После того, как артиллерийские залпы сообщили о низложении Каджаров, военные перекрыли общение дворца с внешним миром.

В 14:00 военные опечатали все двери дворца, складов и иных построек на его территории, и руководивший операцией военный комендант генерал Тахмаспи³²² сообщил Мохаммед Хасан Мирзе о том, что он должен немедленно покинуть пределы Ирана и отправиться в Европу к своему брату. На это уже бывший наследник заявил, что он не имеет средств для отъезда и попросил, чтобы правительство выплатило ему задолженность по гражданскому листу в размере 40 тыс. туманов. Эту просьбу передали Реза-хану, и тот распорядился выдать наследнику 5 тыс. туманов, которые привезли в 20 мешках по 250 туманов в серебряной монете. При этом специально создавали впечатление, что это Реза-хан проявил великодушие и выдал деньги из своих личных сбережений³²³. После этого наследника и группу сопровождавших его лиц усадили в его автомобиль, и в сопровождении нескольких машин с военными в 22:00 караван двинулся в Казвин и далее на Багдад.

Между тем, пока Реза-хан и его сторонники готовили отречение династии от власти, Ахмед-шах, запуганный хлебными бунтами, находился в Париже и в последние недели или даже дни своего царствования встречался с приезжавшими к нему националистами. На все попытки побудить его вернуться он отвечал пространными рассуждениями о своей приверженности конституции и законам. Объясняя собеседникам, что в Основном Законе страны подтверждается правление династии Каджаров, т. е. имеется договоренность между нацией и династией. При этом он ссылался на мнения неких правоведов, утверждавших, что смещение Каджаров в рамках права невозможно. А на мысль о том, что династия может быть отстранена силой,

³²² Злая ирония судьбы состоит в том, что в прошлом Тахмаспи являлся командиром шахской гвардии.

³²³ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 471.

отвечал: «Каждый раз после того, как применяется сила, народ становится недостоин независимости, потому что народ, желающий говорить на языке силы, должен быть готов и слушать под давлением силы. Такой народ очень быстро утрачивает независимость и свободу и становится пленником внутренней и внешней деспотии»³²⁴. Иначе говоря, он не демонстрировал никакого желания что-либо предпринимать и предпочитал пребывать в приятных для себя философических размышлениях.

Реза-хан 2 ноября 1925 г. опубликовал свое обращение к нации, в котором обещал хранить верность исламским законам, закрывал игорные и питейные дома. Правда, в нем говорилось о невозможности сразу ликвидировать кризис со снабжением населения хлебом.

После отстранения Каджаров и до того, как должно было начать работу Учредительное собрание, среди политической элиты было распространено мнение о том, что Иран станет выборной монархией, т. е. на престол в качестве исключения пожизненным правителем будет избран Реза-хан. Но после его смерти именно Меджлис изберет нового главу государства. Станет ли новый руководитель пожизненным или его выберут на определенный срок, было неясно. И именно такой план обсуждался за некоторое время до исторического заседания Меджлиса между Сардар Сепяхом и его ближним кругом. Именно наличие такого плана обеспечило в парламенте поддержку идее отрешения вырождавшейся династии со стороны многих свободолюбцев, таких как Солейман Мирза, шейх Мохаммад Хосейн Йезди и некоторых других. Однако с началом выборов депутатов в Учредительное собрание, некоторые из которых уже были избраны, Реза-хан отказался от данного ранее обещания и решил, став наследственным монархом, основать новую династию.

Это вызвало протесты среди некоторых из тех, кто ранее поддерживал премьер-министра, и они решили как-то воспрепятствовать такому плану. Когда Сардар Сепях узнал о недовольных, то вызвал Тадайона, своего верного сторон-

³²⁴ Там же. С. 478.

ника и обсудил с ним данный вопрос. Но даже Тадайон заявил, что такая договоренность была достигнута ранее и он считает правильным придерживаться ее. Такой ответ вызвал гнев и раздражение Реза-хана, и он выгнал Тадайона со словами: «Я должен вырвать свой язык за то, что не могу сказать тебе все, что об этом думаю!»³²⁵ В итоге был взят курс на учреждение новой династии.

Для установления новой системы власти была важна не только внутренняя, но и внешняя легитимация, которую было необходимо продемонстрировать политическому истеблишменту и народу. Признание иностранными правительствами новой политической конструкции не заставило себя долго ждать. 8 ноября 1925 г. газеты поместили заявление иранского МИД. В нем сообщалось, что в период со 2 по 7 ноября 1925 г. дипломатические представители Великобритании, СССР, Германии, Италии, Бельгии и Египта нанесли визиты Его Высочеству и передали послания от своих правительств касательно признания его временным правителем Ирана³²⁶.

Временный правитель Ирана 3 ноября 1925 г. опубликовал постановление о проведении выборов в Учредительное собрание. Была образована комиссия по подготовке и проведению выборов в этот орган, число членов которого должно составить 300 человек. О принципе подбора кандидатов советское полпредство сообщало: «С первых же дней подготовки к выборам был очевиден состав будущей конституции: 1. Наиболее верные Резе депутаты, зарекомендовавшие себя за последнее время своей работой в пользу переворота. 2. Депутаты-англофилы, поскольку Реза во всех этих событиях шел рука об руку с англичанами. 3. Крупные купцы, связанные с Резой персонально или через посредника – Казвини»³²⁷.

Выборы проходили в условиях еще более жестких, чем выборы депутатов Меджлиса пятого созыва. Были составлены списки лиц, имеющих право быть избранными в состав учре-

³²⁵ Там же. С. 480.

³²⁶ Полный текст заявления см.: Макки Х. Тарих-е бистале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 480–481.

³²⁷ РГАСПИ. Ф. 495 Оп. 90. Д. 118. Л. 24.

дителей. В столице они составлялись полицейским управлением, депутатом Давером и еще несколькими близкими Реза-хану людьми. В провинциях – военными губернаторами. О том, как они реально проходили в провинции, свидетельствует пример Ардебилля, в который были согнаны крестьяне из окрестных деревень, которым власти вручили записки с записанными на них по указанию военного губернатора именами кандидатов в Учредительное собрание. Около урн стояли полицмейстер, начальник тайной полиции, полицейские и военные, проверявшие подаваемые бюллетени. Бюллетени, где не были написаны имена нужных кандидатов, уничтожались, а нарушителей избивали или арестовывали.

Во время подсчета голосов обнаружилось вскрытие военным губернатором и полицией урн и замена 2000 бюллетеней. Избирательная комиссия отказалась составить протокол и выдать мандаты «избранным», однако под давлением военных и полиции продолжила работу в усеченном составе. В итоге были избраны четыре человека, трое из которых были кандидатами властей, а четвертый – жителем Тегерана, которого местные жители узнали только после выборов. Члены избирательной комиссии, купцы и группа местных уважаемых людей хотели собраться и обсудить сложившуюся ситуацию, но власти не допустили этого, а под их давлением члены избирательной комиссии подписали мандаты депутатов³²⁸.

О том, насколько несвободными были выборы, говорит тот факт, что в Тегеране не набрали нужного числа голосов такие авторитетные деятели, как Мошир од-Доуле, Мотаммен уль-Мольк, Мостуофи уль-Мамалек, Тагизаде, Мосаддык ос-Салтане, аятолла Модаррес и некоторые другие³²⁹. Очевидно, причиной этого стало их отрицательное отношение к смене династии, проявленное в ходе дебатов в Меджлисе 29–31 октября 1925 г. Наоборот, избранными оказались малоизвестные в Тегеране люди, а сами выборы не вызвали особой активности населения. Это объяснялось тем, что противники Сардар

³²⁸ Там же. Л. 26–27.

³²⁹ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 484.

Сепеха, ранее поддерживавшие Каджаров, понимали, что им ничего не удастся изменить, а часть сторонников считала, что все уже ясно и ходить на выборы незачем. На самих избирательных участках дежурили представители полиции, которые приводили людей к урнам, вручали избирательный бюллетень со сделанными правильными пометками и следили за тем, чтобы он был опущен в урну. В провинциях полиция и военные губернаторы действовали еще более жестко.

Членами Учредительного собрания стали практически все депутаты Меджлиса пятого созыва, которые ранее подписали проект постановления Меджлиса об отрешении Каджаров и передаче всей полноты власти Реза-хану.

Сами выборы проходили в условиях полной цензуры над всеми публичными и печатными выступлениями, установленной по всей стране по указанию временного правителя Ирана. Правда, эти ограничения не касались речей и призывов в пользу Реза-хана. В столице и провинциях, несмотря на военное положение и всевозможные ограничения, постоянно организовывались митинги, шествия и иные мероприятия, на которых ораторы всячески восхваляли и поддерживали Сардар Сепеха. При этом лозунги против Каджаров быстро сменились призывами к провозглашению его новым шахом Ирана. По сути, депутаты Учредительного собрания были не избраны, а назначены.

Учредительное собрание работало с 6 по 13 декабря 1925 г. Для предотвращения каких-либо неожиданностей, например, возвращения к идее республиканского устройства, против которой велась усиленная пропаганда, Тегеран был переведен на военное положение. О том, насколько свободной была ситуация в стране, говорит и следующий факт. Во время работы учредителей 7 декабря 1925 г. в Москве прошел митинг иранцев, проживавших в СССР, который принял резолюцию с призывом установить в Иране республиканское правление. Однако тегеранские газеты опубликовали данную новость только 13 декабря 1925 г., когда престол уже был передан Реза-хану. При этом местная пресса начала масштабную полемику с указанной резолюцией и критику «московских персов», не знающих «истин-

ных условий персидской действительности», где республике места нет. В частности «Шефаг-е сорх» многозначительно заявила, что «каждая страна заслуживает такое правительство, которого она достойна»³³⁰.

Открыла работу собрания речь Реза-хана, подчеркнувшего судьбоносность решения, которое должны принять депутаты. С учетом состава данного органа, никаких происшествий произойти не могло.

Правда, верный своим принципам, с блестящей речью, приводимой ниже в полном объеме, выступил Сулейман Мирза. Он сосредоточил свое внимание на Статье 36 Дополнений к Основному Закону:

«Как я уже говорил господам представителям Учредительного собрания на прошлом заседании, рассматриваемая ныне статья состоит из двух частей. С одной частью ее я согласен, с другой – нет. Один из недостатков устава заключается в том, что при голосовании я не смогу воспользоваться своим правом: я просмотрел весь устав, но относительно права разбить голосуемую статью на части ничего не нашел. Забыли записать. Во время голосования статьи я не смогу воспользоваться своим правом, поскольку с одной частью ее, именно с той частью, которая говорит о передаче власти господину Пехлеви, я согласен вполне. К данному моменту, пожалуй, исполнилось уже три года, в течение которых как на закрытых, так и на открытых заседаниях Меджлиса я неизменно бывал одним из первых защитников его и его действий, нацеленных на подъем и благоденствие страны. Ни у кого нет ни малейшего основания усомниться в том, что во многих важных случаях именно я был человеком, который вставал и выступал в защиту действий господина Пехлеви ради низвержения основ феодализма, в защиту безопасности, которую он обеспечивал по всей стране, в защиту политики централизации и борьбы с разбойниками и людьми, не признававшими раньше центральной власти, а также в защиту иных преобразований, необходимость коих была очевидна.

³³⁰ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 119. Л. 8.

Каждый раз, когда проведение этих мероприятий встречало противодействие, бывало ли это на открытых или закрытых заседаниях Меджлиса, <...> человеком, выступавшим в их защиту, был я. В этом нет сомнения. Также поступил я и при голосовании единой статьи в Меджлисе. Я проголосовал за единую статью. В делах имеется мой белый лист. В данном случае, если бы устав, фактически получивший официальное признание господ представителей, предусматривал бы право разбить голосуемую статью на части, я бы потребовал сделать это.

При голосовании первой статьи я бы проголосовал за ту ее часть, которая касается личности Реза Пехлеви, за другую же ее часть я бы не проголосовал. В данном же случае этот вопрос неразрешим, т. к. в уставе нет статьи, которая позволила бы мне воспользоваться своим правом. Так как же мне быть, коли статья не разделена? Ведь с одной ее частью я вполне согласен, поскольку для блага нашей страны я считаю самым лучшим тот порядок, при котором Реза Пехлеви станет во главе власти: его прошлые заслуги известны, а будущее не подвергается сомнению. Что касается другой ее части, которая расходится с моими принципиальными убеждениями, то, если я не захочу проголосовать за вторую ее часть, то не смогу этого сделать, поскольку устав не предусматривает такой возможности. Именно поэтому я настоятельно просил разрешения подробно изучить данный случай при обсуждении обоих вопросов. Очередь не дошла или не разрешили, или случилось еще что-то, не ведаю. Впрочем, никакой разницы нет. Именно об этом я хотел сказать господам представителям во время обсуждения обоих вопросов, сказать о том, что сказал сейчас, при обсуждении первой статьи. Поэтому я принял решение воздержаться при голосовании всех статей – первой, последней и других, ибо расчленив их невозможно»³³¹.

Суть выступления Сулеймана Мирзы становится ясной из содержания Статьи 36. Ею предусматривалось: «Через посредство Учредительного Собрания конституционная монархическая власть передается нацией Его Величеству Реза-шаху

³³¹ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 526–527.

Пехлеви и переходит его потомкам мужского пола из поколения в поколение»³³². Очевидно, что такая формулировка нарушала прежние договоренности о том, что новая монархия, явившись пожизненной, не станет наследственной. Именно против второй части этой неразрывной статьи и выступал Сулейман Мирза. Однако его речь при имевшемся составе Учредительного собрания и общей обстановке в стране не произвела особого впечатления на делегатов, и против указанной статьи никто не проголосовал.

Иных выступлений, способных посеять сомнения в умах, по сути, не было, и 12 декабря 1925 г. при голосовании из 260 представителей 257 проголосовали «за» и трое воздержались³³³. Исходя из смысла выступления Сулеймана Мирзы, приведенного выше, тремя воздержавшимися могли быть социалисты. После голосования быстро была сформирована делегация из почти сорока человек, которая отправилась к дому Реза-хана, которого Тадайон уже назвал «Его Величеством», чтобы торжественно вручить ему текст утвержденных поправок в Дополнениях к Конституции.

На следующий день (13 декабря 1925 г.) Учредительное собрание завершило свою работу. В связи с воцарением новой династии полицейское управление устроило в Тегеране трехдневное всенародное празднование. Город был иллюминирован, торговцы выставили у своих лавок лампы и зеркала, улицы украсили цветами, национальными флагами, коврами и портретами нового шаха. По ним гуляли толпы народа, как приветствовавшие нового монарха, так и просто любопытствующие. В провинции события были восприняты более сдержанно, празднование проходило формально, казенно. Базары, несмотря на усилия властей, не закрылись, как это должно быть по большим праздникам, духовенство не проявляло признаков особой радости.

Оценивая настроения в стране, советское полпредство в декабре 1925 г. отмечало: «Восшествие на престол Реза-хана,

³³² Там же. С. 586.

³³³ Стенограмма заседания приводится по: Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1362. Т. 3. С. 577.

когда-то бывшего национальным героем страны, было воспринято с тяжелым чувством: у прогрессивных элементов – с боязнью за будущее родины, у реакционных – с вынужденным примирением видеть на престоле выскочку, ибо какой-никакой шах – он лучше республики – верного предвестника гибели для феодально-клерикальных классов персидского общества»³³⁴.

Несмотря на столь пессимистическую оценку советских дипломатов, было ясно, что трансфер политической власти завершен, и страна вступает в новый период своей истории.

³³⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 90. Д. 118. Л. 7.

Глава IX

ПЕРВАЯ МИССИЯ АРТУРА МИЛЬСПО (1922–1927 гг.) – ФИНАНСОВАЯ ОСНОВА МОДЕРНИЗАЦИИ В ИРАНЕ

Со второй половины XIX в. иранское правительство сталкивалось с возрастающей нехваткой денег для покрытия базовых государственных расходов. Эта проблема усилилась после того, как в начале 70-х гг. Насер эд-Дин-шах совершил свое первое путешествие в Европу, где делал чудовищные траты и занимал огромные суммы у европейских банкиров. Его преемники продолжили практику подобных вояжей и не стеснялись в расходах. Средством для получения денег стали концессии на строительство телеграфных линий и дорог, добычу полезных ископаемых, вылов рыбы в иранских водах, чеканку и печать национальной валюты и пр., передававшиеся правительством иностранцам. Другим способом пополнения бюджета стали внешние займы. Основными концессионерами и кредиторами через свои государственные и частные структуры были Англия и Россия, превратившие Иран в полностью зависимую от них страну и в большой степени попиравшие ее суверенитет. В результате страна утратила способность существовать без иностранных заимствований, которые не была способна вернуть. Доходы от иранских таможенных поступлений покрывали только выплату процентов по долгам. Южные таможни обеспечивали выплату процентов по английским долгам, а северные – по русским.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции молодая Советская Россия отказалась в пользу иранского правительства от всех российских концессий, долгов

и неравноправных договоров, заключенных с ним в прошлую эпоху. Всего Иран получил имущества и списанных долгов на сумму около 70 млн рублей золотом. Однако и такой поистине царский подарок не помог иранским государственным органам сбалансировать свою финансовую систему. Страна, расхищаемая англичанами и своими собственными сребролюбцами, находилась в постоянном финансовом кризисе. Воспользовавшись этим, англичане с помощью своих агентов влияния и подкупов заключили в августе 1919 г. с кабинетом Восуга од-Доуле Англо-персидское соглашение, которое превращало Иран в их протекторат³³⁵. Главным инструментом этого процесса являлось предоставление займа в размере 2 млн фунтов, руководить расхождением которых должна была группа английских финансовых советников, возглавленная Сиднеем Эрмитадж-Смитом. Английские специалисты должны были также контролировать иранскую промышленность и армию. Данное соглашение вызвало бурю протестов со стороны националистов и демократов, развернулось широкое движение за его отмену.

Но не только иранские патриоты были недовольны указанным соглашением. Оно вызвало резкое недовольство и в Америке. В частности, госсекретарь США направил послу в Лондоне следующую телеграмму: «Англо-персидское соглашение произвело очень неблагоприятное впечатление как на президента, так и на меня, и мы не собираемся просить нашего посланника в Тегеране помогать британскому правительству или просить его сохранять дружественное отношение к этому соглашению»³³⁶. Американский посланник не скрывал резко отрицательного отношения своего правительства к данному документу, и на одном из приемов говорил некоторым представителям иранской политической элиты: «Аннулируйте соглашение и дайте отрицательный ответ английскому правительству. Даю вам слово, что оно (правительство США – *прим. авт.*)

³³⁵ Подробнее см.: Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996. С. 8–25, 219–221.

³³⁶ Papers Relating to the Foreign Affairs of the United States. 1919. Vol. 11. Washington, 1934. P. 700.

даст вам столько денег, сколько захотите. Также пришлет советников и будет управлять вашими финансами, армией и рудниками»³³⁷. В результате всестороннего противодействия стало ясно, что Соглашение, которое не прошло через Меджлис и не было одобрено Ахмед-шахом, обречено на аннулирование.

Англичане принимают решение удержать свое влияние в стране через государственный переворот. Его политическим руководителем назначается Сеид Зия эд-Дин Табатабаи, а военным – полковник казачьей бригады Реза-хан Мирпянж. Это событие вошло в иранскую историю как «Переворот третьего хута» (месяц по лунному календарю) и произошло в ночь с 20 на 21 февраля 1921 г. Сеид Зия, ставший премьер-министром, объявил об аннулировании Англо-персидского соглашения. Реза-хан получил должность командира казачьей бригады и почетный титул Сардах Сепаха, а позднее пост военного министра в его правительстве³³⁸.

После переворота и отмены Соглашения англичане перестали финансировать иранское правительство в счет двухмиллионного займа, что ввергло страну в жестокий финансовый кризис. Это заставляло искать новые источники бюджетных поступлений.

Основной финансовой проблемой Ирана было то, что средства, которые должны были пополнять казну, в нее не попадали, а оседали в карманах тегеранских сановников, бюрократии на местах и откупщиков. Другим, не менее серьезным участником расхищения государственных средств являлись иностранные компании, работавшие в Иране, в первую очередь – английский Шахиншахский банк и «Англо-Персидская нефтяная компания» (АПНК). Острой проблемой для государственных финансов стали и растущие запросы все больших и больших сумм со стороны военного министра, каковым был Реза-хан, на нужды армии. В связи с этой проблемой Абдула Мостууфи, являвшийся в то время одним из руководителей Мини-

³³⁷ Мааш. Альмас ва риг. Нью Йорк, 1989. С. 42.

³³⁸ Подробно о перевороте и его значении, вошедшем в иранскую историю как переворот третьего хута (хут – месяц по лунному календарю) см.: Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям... С. 26–48.

стерства финансов, отмечал в своих воспоминаниях, что привлечение иностранного финансиста с большими, практически диктаторскими, полномочиями представлялось премьер-министру Каваму ос-Салтане и многим другим членам кабинета единственным возможным средством прекратить императивные запросы военного министра: «Эта мысль особенно привлекала председателя правительства, который более, чем кто-либо, сталкивался с сетованиями своих сотрудников на безденежье. Постепенно она распространилась в умах и засела в сознании»³³⁹. Финансовая ситуация в стране была столь тяжелой, что сотрудникам министерств в Тегеране по несколько месяцев не выплачивали зарплату, а некоторым ее выдавали кирпичами или другим товаром³⁴⁰.

Кроме того, Кавам ос-Салтане, в очередной раз занявший пост премьер-министра в июне 1922 г., планировал начать социально-экономические реформы, что было невозможно без привлечения денег извне. Для упорядочения государственных финансов было решено удалить английских экспертов, все еще находившихся в Иране, хотя их руководитель Эрмидаж-Смит ранее покинул Тегеран и представлял интересы Ирана в Лондоне, и вновь прибегнуть к помощи иностранных специалистов и по возможности займов. Опыт работы с бельгийскими экспертами во главе с Морнаром иранцы считали неудачным, поскольку он, по их мнению, был послушным орудием в руках России (прежде всего) и Англии. Французское правительство после окончания Первой мировой войны также не имело достаточно средств, чтобы ссужать их Ирану и не стремилось к конфронтации с англичанами. Германия, раздавленная Версалем, переживала тяжелый экономический кризис и была надолго выведена из числа мировых игроков.

В этот период для многих колониальных и полуколониальных стран символом свободы, бескорыстной помощи угнетенным и справедливости были США. К тому времени иранцы еще не имели негативного опыта отношений с Америкой, и обще-

³³⁹ Мостуофи А. Тарих-е аджтемай ва эдари-йе доуре-йе Каджар... С. 527.

³⁴⁰ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Техран, 1361. Т. 2. С. 106.

ственное мнение в Иране было настроено однозначно в пользу этой страны. Кроме того, в Иране в 1911 г. уже работал американский финансист Морган Шустер. Его миссия была краткой и неуспешной, поскольку столкнулась с открытым противодействием России и слегка завуалированным – Англии, увидевших в ней опасность для своих интересов. В результате российского ультиматума он был вынужден покинуть страну, проработав там с мая по декабрь 1911 г. Также Кавам ос-Салтане в качестве противовеса англичанам планировал привлечь американские компании к разработке нефтяных месторождений на иранском побережье Каспийского моря и передать их им в концессию и очень хотел укрепления экономических и политических связей с США.

Премьер-министр дает поручение иранскому посланнику в Вашингтоне, которым в то время являлся его родственник Хосейн-хан Моин уль-Возара (Хосейн Ала), предпринять шаги с целью поиска американских финансистов и привлечения займов. Правительство США согласилось предоставить кредиты, но только после того, как американские эксперты изучат и оценят финансовое положение Ирана. В качестве руководителя группы специалистов был избран доктор Артур Мильспо. Для того, чтобы правительство на законных основаниях могло его нанять, Меджлис принял соответствующий закон из 15 статей, в котором А. Мильспо назначался генеральным администратором финансов с окладом 15 000 долларов в год.

А. Мильспо приехал в Иран в ноябре 1922 г. и привез с собой группу экспертов, большую часть которых составляли американцы. Общественное мнение благожелательно восприняло приезд американских специалистов. Большая часть иранских газет несколько дней помещала статьи, в которых восторженно приветствовала их и выражала надежду на то, что их миссия будет успешной³⁴¹.

Офис американской миссии располагался на третьем этаже здания Министерства финансов. В ее состав, кроме руководителя, входили 14 человек, каждый из которых возглав-

³⁴¹ Там же. С. 172.

лял определенное направление или департамент. Ключевыми сотрудниками миссии были Маккормак – начальник департамента по сбору прямых и косвенных налогов, Маккасски³⁴² – начальник казначейства, Гувер – начальник бухгалтерии министерства и Пирсон, руководивший личным аппаратом А. Мильспо³⁴³. Остальные американцы, прибывшие с ним, направлялись в ключевые провинции Ирана в качестве управляющих их финансами или кураторами некоторых отраслей: сельского хозяйства, транспорта и др. По условиям контракта между генеральным администратором финансов и иранским правительством никакие траты не могли производиться без его визы, ни один законопроект, связанный с расходованием средств, не мог выноситься на рассмотрение Меджлиса.

Первым действием группы американских экспертов стала разработка закона о гражданской службе и проведение его через Меджлис, который позволил упорядочить вопросы, связанные с наймом работников и, по мнению даже некоторых современных иранских авторов, был «очень действенным и эффективным»³⁴⁴. Чтобы сделать деятельность миссии прозрачной и понятной, раз в квартал издавался Бюллетень, в котором описывались меры, предпринятые ею, и их результаты. Это произвело положительный эффект на иранское общество, хотя одновременно использовалось американцами и в рекламно-пропагандистских целях.

А. Мильспо начал борьбу с племенными вождями и губернаторами, постоянно недоплачивавшими в госбюджет налоги, собираемые ими в своих провинциях. Наиболее ярко это проявилось в требовании к шейху Хаззалю, правителю Арабестана (ныне Хузистан). Основываясь на данных своего представителя в Арабестане Хомана, генеральный администратор финансов посчитал, что контролируемая шейхом провинция недоплачивает налоги в государственный бюджет, и потребовал, чтобы

³⁴² Маккасски уже имел опыт работе в Иране в составе миссии М. Шустера в 1911 г.

³⁴³ Мостоуфи А. Тарих-е еджтемай ва эдари-йе дойре-йе Каджар... С. 528.

³⁴⁴ Агели Б. Носрет од-Доуле Фируз: Аз руйа-йе падшахи та зендан-е Реза-шах. Техран, 1373. С. 206.

он внес недостающие 430 тысяч туманов (примерно 80 тыс. фунтов). Телеграмма об этом была направлена в адрес начальника службы по сбору налогов провинции Хузестан Мофаххаму ос-Салтане, который показал ее самому Хаззалею.

Это требование вызвало резкую и предсказуемую реакцию Хаззалея, направившего министру финансов дерзкую телеграмму, копию которой он отправил Реза-хану: «Кто такой этот иностранец, чтобы требовать с меня эти деньги! Я не только не должен правительству, но и сам имею претензии (финансовые к правительству – *прим. авт.*)»³⁴⁵. Реза-хан, который поддерживал действия А. Мильспо, хитро ответил ему примирительной телеграммой: «С большим сожалением сообщая, что эти действия предприняты без согласования со мной, и я сам их исправлю»³⁴⁶. Однако в итоге провинция восполнила недостачу.

Другим направлением деятельности А. Мильспо стала перестройка взаимоотношений с АПНК. Прежде всего он отделил технические вопросы от финансовых. Первые были переданы в ведение Министерства общественных работ³⁴⁷, а вторые – Министерства финансов. Уже это не понравилось руководству компании. Кроме того, он добился подписания дополнительного соглашения между АПНК и иранским правительством, что позволило увеличить концессионные платежи с 341 996 фунтов в 1924 г. до 750 тыс. фунтов в 1925 г.³⁴⁸ Также по его указанию иранский комиссар по нефтяным делам в Лондоне Мирза Исахан сделал несколько запросов о деятельности компании, которые были болезненно восприняты англичанами.

Не устраивала А. Мильспо и деятельность Шахиншахского банка. Он сделал несколько попыток проанализировать финансовые операции организации. Американские советники захотели разобраться в том, насколько точно банк выполняет свои обязательства по отношению к иранскому правительству. Такие действия американцев вызвали резко негативное отношение англичан к миссии А. Мильспо. Он начал проработку

³⁴⁵ Макки Х. Тарих-е бистсале-йе Иран. Тегеран, 1362. Т. 3. С. 163.

³⁴⁶ Там же. С. 164.

³⁴⁷ В то время в Иране не существовало Министерства промышленности.

³⁴⁸ Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории «политики силы». М., 1956. С. 49.

вопроса о создании Национального банка Ирана, который был учрежден в 1927 г., что стало серьезным ударом по Шахиншахскому банку и финансовым интересам англичан.

Кроме того, аппарат американских советников весьма критично отнесся и к другим международным соглашениям и концессиям, которые иранское правительство хотело заключить с иностранными государствами или компаниями, в т. ч. к советско-иранскому соглашению о концессии на вылов рыбы в иранских водах, которое без одобрения генерального администратора финансов не могло быть утверждено ни кабинетом министров, ни Меджлисом.

Британцы не стали выступать сами против А. Мильспо. Они, используя свою миссию в Тегеране, постарались действовать через его иранских противников и некоторые иностранные представительства, в частности миссию Франции. Между американскими финансистами и французской транспортной компанией «Кеттане» произошел конфликт в связи с тем, что она хотела получить концессию на автотранспортные перевозки в Южном и Западном Иране. Компания направила проект концессии в Министерство почт и телеграфов, а министерство вынесло его на утверждение Меджлиса без согласования с миссией А. Мильспо, что было обязано сделать. Последний потребовал отозвать проект из парламента, а также предъявил документы о махинациях заместителя министра почт и телеграфов Мохбер од-Доуле, курировавшего данный вопрос, потребовал его отставки и добился ее³⁴⁹. Данное происшествие вызвало бурную реакцию французского посланника, оценившего его как враждебное интересам Франции действие д-ра Мильспо, приведшее к провалу в Меджлисе соглашения о транспортной концессии. Правда, следует отметить, что и англичане претерпели от этого определенный урон, поскольку ушедший в отставку сановник был их человеком, а в компании «Кеттане» была доля английского капитала.

Противником деятельности генерального администратора финансов был и министр иностранных дел Мошар уль-Мольк,

³⁴⁹ АВР РФ. Ф. 04. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 33.

который по должности имел контакты со всеми иностранными миссиями в Тегеране и настраивал их против А. Мильспо. Вероятно, именно его беседы с французским посланником подтолкнули последнего к эмоциональному и неуместному выступлению. Такое допущение можно сделать и потому, что в конце 1923 г. Мошар уль-Мольк пытался втянуть в открытую конфронтацию с американцем и советскую миссию, в связи с чем полпредство докладывало в НКВД следующее: «Не проходит буквально ни одного свидания с Полпредом или сотрудниками Миссии без того, чтобы Мошар уль-Мольк, кстати, или не кстати, не поднял разговор о Мильспо, или не сделал того или иного выпада против “финансового диктатора”, которого он неизменно старается винить в неуспехе или задержании всех дел как персидских, так и иностранных»³⁵⁰. Также в компании против А. Мильспо неизменно участвовали деятели правого спектра политических сил и их пресса, в частности газета «Мейхан», руководимая депутатом Ширвани.

Таким образом, сформировались различные группы как внутренних, так и внешних сил, чьи интересы оказались ущемлены его действиями. Соответственно указанные группы, равно как и советская миссия, каждая по своим причинам, стали основными силами, стремившимися воспрепятствовать деятельности А. Мильспо.

Однако его поддерживали иранские националисты. Вероятно, они полагали, что этот, как его называли в Иране, «финансовый диктатор» сумеет каким-то образом умерить власть Реза-хана, считавшегося его противниками «военным диктатором». Но отношения между двумя «диктаторами» оставались хорошими, несмотря на то что Реза-хан не терпел вмешательства иностранцев в иранские дела. Причину этого А. Мостуфи видел в следующем: «Отношения между Сардар Сепакхом и генеральным администратором финансов были хорошими. Помимо сбалансированного бюджета, на закупки и чрезвычайные расходы Военного министерства для этого ведомства выделялись большие средства из постоянно возрастающих доходов

³⁵⁰ АВР РФ. Ф. 04. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 34.

от нефти и излишки от таможенных поступлений. Потребности Сардар Сеха учитывались и в сбалансированных государственных бюджетах последующих лет, которые Мильспо вносил в Меджлис, и ему не нужно было захватывать Министерство финансов»³⁵¹.

Поддерживавшие американских финансистов националисты и демократы рекомендовали ему улучшить отношения с советскими представителями. В результате А. Мильспо наносит визит полпреду СССР Б.З. Шумяцкому и заявляет, что никогда не был противником советских проектов и интересов в Иране, что он признает отсутствие агрессивной политики Советского Союза по отношению к этой стране, что готов поддержать ряд советских начинаний, в т. ч. вопрос о создании смешанного транспортного товарищества «Авто Иран». В связи с главным предметом разногласий между ним и полпредством – советско-иранским соглашением по вопросу о рыболовстве на Каспийском море он заверил полпреда, что отрицательное заключение на проект данного соглашения писал не он сам, а «кто-то другой»³⁵². Здесь делался намек на его секретаря, некоего Пирсона, который, как оказалось, работал на англичан и после того, как это выяснилось, был уволен.

Изменение позиции генерального администратора финансов по отношению к советской стороне повлияло и на ее отношение к нему и его деятельности, о чем полпредство докладывало в НКВД: «Полпредство решило также изменить свое отношение к советникам, принявшее в последнее время, в виду их ошибок и неловкостей, довольно неприязненный характер. Мы вступили с советниками, так сказать, в брак по расчету, считая что в данной стадии борьбы «финансовый диктатор» со своими товарищами является средством более современным, прогрессивным, нежели сопротивляющаяся его работе по упорядочению финансов феодальная шваль.

При всем этом нельзя также упускать из вида и тех чисто практических выгод, которые может дать совместная работа

³⁵¹ Мостуофи А. Тарих-е еджтемай ва эдари-йе доуре-йе Каджар... С. 529.

³⁵² АВР РФ. Ф. 04. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 35.

с американцами в прохождении различных наших дел, в частности Рыбного Соглашения 7 октября прошлого года»³⁵³.

Полпредство считало, что новая позиция А. Мильспо будет способствовать прохождению указанного документа в правительстве и Меджлисе Ирана. Это признавалось даже премьер-министром Реза-ханом и его влиятельным сподвижником Абдулхосейн-ханом Теймурташем, сторонником сближения с Советским Союзом, занимавшим в то время пост министра общественных работ. Однако ни тот, ни другой не решались ставить указанный вопрос даже на рассмотрение кабинета министров, не говоря уже о Меджлисе, выжидая результатов переговоров полпредства с А. Мильспо и его отказа от своего первого заключения по данному межправительственному документу и замене его новыми рекомендациями. Однако этим надеждам не суждено было сбыться.

Для того, чтобы укрепить свои позиции, «финансовый диктатор» запрашивает иранское правительство о том, намерено ли оно продлить его истекающий контракт еще на два года или же расторгнуть его по окончании трехлетнего срока. Согласно условиям контракта, он считался состоящим на службе у иранского правительства со дня выезда из Вашингтона, а по завершении трех лет правительство и он будут иметь возможность продлить договор еще на два года или расторгнуть его. В феврале 1925 г. правительство сообщило о намерении продлить контракт. Во многом такой ответ был обусловлен как тем, что работа американской миссии дала хорошие результаты, так и тем, что ему удалось наладить отношения с националистами и демократами, советским полпредством и при этом не испортить отношения с Реза-ханом. Последнее во многом определялось тем, что возросшие благодаря действиям американских финансистов поступления в государственный бюджет позволили премьер-министру усилить финансирование армии, начать ее укрепление и реорганизацию.

После продления контракта А. Мильспо, хотя и пошел навстречу советским интересам в некоторых второстепенных

³⁵³ Там же. Л. 36.

делах, однако в самом важном на тот момент вопросе о рыбных промыслах ни на какие уступки, вопреки ожиданиям полпредства, не согласился. В связи с этим полпредство сообщало: «Как бы то ни было, но сейчас же вслед за продлением своего контракта Мильспо моментально прекратил свои заигрывания с нашей Миссией и возобновил свою враждебную кампанию почти по всем советским делам»³⁵⁴. И действительно, А. Мильспо удалось существенно затормозить подписание советско-иранского соглашения об эксплуатации рыбных промыслов. Оно было подписано только 1 октября 1927 г., т. е. после того, как он подал в отставку (21 августа 1927 г.). Также обложение высокими транспортными тарифами тормозило деятельность смешанного общества по перевозке грузов на севере Ирана «Авто Иран».

Как было сказано выше, в 1925 г. последний шах из династии Каджаров был отрешен от власти и на престол взошел Реза-шах Пехлеви. Воцарение новой династии сопровождалось продолжением беспорядков. В 1926 г. выступления военных произошли на северо-западе и северо-востоке Ирана. Особенно крупным стало восстание регулярных частей в Хорасане (июль 1926 г.), которое возглавил кадровый офицер, сын правителя г. Барфоруш (ныне – Баболь) Лехак-ханд Баванд. Причиной восстания стали злоупотребления властей на местах и задержки с выплатой жалования солдатам и офицерам местной дивизии. Восставшие быстро захватили города Боджнурд и Кучан. Лехак-хан собирался двинуться на Мешхед, чтобы оттуда по телеграфу сообщить правительству о том, что происходит в провинции, и причинах восстания. Однако Реза-шаху информация была уже подана в самом превратном виде, и он лично возглавил войска, выступившие на подавление восстания. В ходе сражения, в котором впервые в иранской военной истории использовалась боевая авиация (два самолета), восставшие были разбиты³⁵⁵.

³⁵⁴ АВП РФ. Ф. 04. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50856. Л. 19.

³⁵⁵ Лахак-хан с группой военных бежал в СССР, где они были интернированы. Сам он поступил в советское военное учебное заведение и дослужился до звания майора. Впоследствии подвергся репрессиям, но при Н. С. Хрущеве был реабилитирован и вскоре вернулся в Иран.

Эти события, на первый взгляд не имевшие никакого отношения к деятельности американской миссии, оказали самое непосредственное влияние на ее судьбу. Для похода против Лехак-хана Реза-шаху были нужны деньги, и он обратился с запросом в Министерство финансов о выделении сверх расходов, предусмотренных бюджетом на нужды Военного министерства, дополнительно 100 тыс. туманов. Но А. Мильспо наложил вето на предоставление этих денег по причине того, что такие суммы не предусмотрены бюджетом. В итоге шах оказался вынужден послать своего приближенного Махмуда Джама обратиться в английский Шахиншахский банк и договариваться там о краткосрочном займе на указанную сумму³⁵⁶.

Пока Реза-шах совершал восхождение на вершину власти и еще был Реза-ханом Сардар Сепакх, военным министром и даже премьер-министром, он снисходительно относился к такого рода действиям А. Мильспо. Когда же он возглавил страну, то терпеть какие-либо ограничения своей воли со стороны иностранца, тем более находившегося на зарплате у иранского правительства, уже не собирался. Вероятно, данный инцидент переполнил чашу монаршего терпения, и он принимает решение избавиться от опеки строптивого американца, тем более что задача реорганизации финансовой системы, реформирования системы сбора налогов, наведения порядка на иранских таможнях и пр. уже была выполнена американской миссией. А. Мильспо быстро почувствовал изменение отношения к себе со стороны Реза-шаха после воцарения на иранском престоле и утверждал, что однажды, имея в виду его, монарх сказал: «В стране не может быть двух шахов, и шахом собираюсь быть я»³⁵⁷.

Однако в то время Реза-шах еще был вынужден считаться с оппозицией в Меджлисе, авторитетами из числа националистов и демократов, духовенством, многие представители которого, в частности аятолла Модаррес, неодобрительно отнеслись к смене династии. Кроме того, А. Мильспо поддерживал и премьер-министр Мостуфи уль-Мамалек, который в слу-

³⁵⁶ Агели Б. Носрет од-Доуле Фиру: *Аз руйа-йе падшахи та зендан-е Резахшах*. Тегран, 1373. С. 207.

³⁵⁷ Millspaugh A. C. *Americans in Persia*. Washington, 1946. P. 26.

чае волевого решения монарха мог подать в отставку, а в тех условиях правительственный кризис не упрочил бы положение новой династии. Исходя из сложившегося положения, он принимает решение убрать генерального администратора финансов чужими руками, а именно руками министра финансов. Для этого используется недовольство Меджлиса работой некоторых министров и по предложению парламента делегируются четыре депутата на занятие министерских постов. Разумеется, назначение того или иного кандидата заранее согласовывается с монархом.

Среди новых министров, официально представленных шаху 19 февраля 1927 г., был и принц Фируз Носрет од-Доуле – сын известного политического деятеля из династии Каджаров принца Фарманафарма, не раз занимавшего пост премьер-министра. Принц Фируз был человеком амбициозным, честолюбивым и напористым. Ранее он уже четыре раза занимал министерские посты и трижды избирался в Меджлис. Максимально скандальную известность ему принесло участие вместе с Восугом од-Доуле в подготовке Англо-иранского соглашения 1919 г., за что он вместе с другими лоббистами данного договора получил от англичан большую взятку. Также в 1921 г., когда англичане готовили переворот третьего хута, Носрет од-Доуле претендовал на роль его политического руководителя. Его назначение министром финансов не вызвало никаких подозрений и возражений в Меджлисе, и даже один из главных противников отрешения Каджаров от престола и нового шаха аятолла Модаррес отнесся к данной кандидатуре благосклонно. Возможно, сыграла роль принадлежность принца к старой династии и его родственные связи.

Принц Фируз, считавший себя достойным должности премьер-министра и рассчитывавший ее получить в качестве награды за службу, быстро понял, чего от него ожидает монарх, и активно включился в работу. Первым актом ущемления прерогатив А. Мильспо стала передача одного из законопроектов из Министерства финансов в Меджлис без его визы. В связи с этим генеральный администратор финансов направляет принцу Фирузу письмо, в котором опротестовывает его действия:

«Глубокоуважаемый господин министр финансов!

Принимая во внимание то, что недавно один законопроект, касающийся (введения) новых налогов, был внесен в Меджлис, считаю необходимым довести до Вашего сведения, что я не утвердил указанного законопроекта.

С учетом увеличения добычи нефти по сравнению с обычными объемами, которое в последнее время имело место в США, приведшего к снижению цен на нефть на мировом рынке, в 1928/29 г. ожидается снижение доходов правительства в счет доли в АПНК примерно на два курура (1 млн туманов). С другой стороны, законопроект, направленный Вами в Меджлис, будет иметь дефицит по доходам более чем два курура, поэтому и бюджетные расходы уменьшаются на такую же величину. Естественно, что в будущем году дефицит будет столь велик, что создаст угрозу финансовой системе страны. Исправить эту ошибку правительства можно путем отзыва законопроекта из Меджлиса, чтобы внести в него необходимые изменения и повторно представить его в Меджлис»³⁵⁸.

Принц Фируз ответил на протест А. Мильпо следующим образом:

«... Подготовленный новый законопроект изучался в комиссии, состоявшей из господина Теймурташа – Министра Двора, господина Форуги – Военного министра, господина Ала – Министра общественных работ и самого доктора Мильпо. Исходные данные для его подготовки были верными, и даже если правительством были внесены небольшие изменения, это никоим образом не повлияло на ключевые вопросы. Кроме того, разве Вы не помните, что на заседаниях комиссии я многократно обращался к Вам, Мовсес-хану и Насери и требовал изменить ориентировочные и приблизительные цифры дефицита налоговых поступлений в иностранной валюте и новых поступлений от налогов в национальной валюте и от монополий?

³⁵⁸ Рузнаме-е Эттелаат (сальха 1305–1309). Эттелаат дар роб-е гарн-е ахер (чап-е рузнаме-е Эттелаат 1329). С. 21.

Касательно снижения поступлений от нефти хотел бы напомнить Вам, что, во-первых, утверждать такого рода дефицит до поступления калькуляции и окончательных документов не в интересах иранского государства, а во-вторых – если такой дефицит возникнет и достигнет суммы в два курура, что может быть и не случится, то не следует превращать его в причину волнений и тревоги»³⁵⁹.

Этот обмен мнениями стал исходной точкой роста напряженности между А. Мильспо и министром финансов, которая быстро нарастала. В итоге правительство приняло решение пересмотреть контракт генерального администратора финансов в сторону резкого сокращения его полномочий. Новый проект контракта был внесен в Меджлис и получил его одобрение. А. Мильспо не согласился с новым контрактом и пытался добиться аудиенции Реза-шаха, но тот от встречи уклонился. В итоге после обмена длинными и весьма нелицеприятными посланиями с принцем Фирузом 21 июля 1927 г. А. Мильспо направил ему прошение об отставке, которая была принята. Но Реза-шах поручил премьер-министру Мохбер ос-Салтане Хедаяту и министру Двора Теймурташу, являвшемуся в то время вторым человеком в Иране после самого шаха, встретиться с ним и попробовать урегулировать данный вопрос. В ходе встречи было предложено, что в случае возникновения разногласий между генеральным администратором финансов и министром финансов должна создаваться специальная комиссия из премьер-министра, председателя Меджлиса и председателя Верховного суда, которая будет принимать окончательные решения по спорным вопросам. Однако это предложение не удовлетворило А. Мильспо, который не посчитал возможным, чтобы мнение кого-либо из иранских сановников преобладало над его собственным. Переговоры закончились провалом, и его отставка стала окончательной.

Оценивая действия и фигуры самого Реза-шаха, премьер-министра Мохбер ос-Салтане Хедаята и принца Фируза, руками которого шах боролся с американской миссией,

³⁵⁹ Там же.

А. Мильспо впоследствии писал: «Он назначил бесхребетного и закостенелого старика Хедаята премьер-министром и очень коррумпированного интригана по имени принц Фируз министром финансов. Целью последнего назначения было измотать меня в министерстве, дискредитировать меня в глазах Меджлиса и создать среди членов Миссии атмосферу недоверия и раскол. Правительство предложило мне новый контракт, который был составлен таким образом, что меня лишали всех полномочий. После нескольких встреч с премьер-министром и министром Двора стало ясно, что правительство не внесет никаких изменений в этот контракт; и мне не удалось добиться аудиенции шаха. Поэтому, когда срок контракта закончился, я покинул Персию. По мере окончания контрактов это же сделали и другие члены Миссии»³⁶⁰.

Справедливости ради следует отметить, что во время своей работы в Иране А. Мильспо в 1924 г. выпустил книгу, в которой писал о принце Фирузе, в то время являвшемся членом бюджетной комиссии Меджлиса, совсем иначе: «Фируз Мирза – высокоинтеллектуальный отпрыск влиятельного семейства, являвшийся общепризнанным лидером большинства в Меджлисе»³⁶¹.

После отставки А. Мильспо правительство предполагало назначить на его должность Маккаски, учитывая его большой опыт работы в Иране как в составе миссии А. Мильспо, так и в группе экспертов М. Шустера, но данное предложение не получило поддержки Меджлиса. Тогда на должность начальника Казначейства был приглашен Мостер Вальдер, с которым был заключен контракт на три года. Также сочли целесообразным нанять 14 бельгийских чиновников для контроля за работой иранских таможен, работавших в Иране до 1935 г.³⁶²

Прежде чем давать оценку результатам деятельности миссии А. Мильспо и ее влиянию на процесс модернизации в Иране, равно как и действиям иранского правительства, пригласившего американских финансистов, целесообразно напомнить об одном

³⁶⁰ Millsaugh A. C. *Americans in Persia*. Washington, 1946. P. 26.

³⁶¹ Millsaugh A. C. *The American task in Persia*. London, 1924. P. 183.

³⁶² Агели Б. Носрет од-Доуле Фируз: Аз руйа-йе падшахи та зендан-е Резахшах. Техран, 1373. С. 216.

методологическом замечании Ф. Энгельса, сделанном в письме К. Шмидту от 27 октября 1890 г. В нем Ф. Энгельс говорил о влиянии государственной власти на экономическое развитие: «...действие государственной власти на экономическое развитие может быть троякого рода. Она может действовать в том же направлении – тогда развитие идет быстрее; она может действовать против экономического развития – тогда в настоящее время у каждого крупного народа она терпит крах через известный промежуток времени; или она может ставить экономическому развитию в определенных направлениях преграды и толкать его в других направлениях. Этот случай сводится в конце концов к одному из предыдущих. Однако ясно, что во втором и третьем случаях политическая власть может причинить экономическому развитию величайший вред и может вызвать растрату сил и материала в массовом количестве»³⁶³.

О деятельности генерального администратора финансов в 1922–1927 гг. существуют самые полярные мнения. Современные иранские исследователи, как правило, дают ей положительную оценку. Так, М. Реза Годс отмечает: «Налоговая система и бюджет были поставлены на прочную финансовую основу с помощью миссии США во главе с Артуром Мильспо, которая прибыла в Иран в 1922 г. по инициативе Кавама»³⁶⁴. Другой иранский автор Б. Агели считает, что иранским общественным мнением его деятельность оценивалась весьма положительно: «В любом случае во время этой миссии деятельность Мильспо была настолько заслуживающей внимания, что после отречения Реза-шаха, оккупации Ирана войсками союзников и начала экономического кризиса и голода иранцы пришли к мысли о (приглашении) доктора Мильспо»³⁶⁵. Мнение последнего автора особенно ценно, поскольку оно изложено в работе, написанной и изданной в Исламской Республике Иран, отношении которой к США и их политике крайне критическое.

³⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М., 1965. С. 417.

³⁶⁴ Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994. С. 133.

³⁶⁵ Агели Б. Носрет од-Доуле Фируз: Аз руйа-йе падшахи та زندан-е Резахшах. Техран, 1373. С. 206. Следует отметить, что, в отличие от первой, вторая миссия А. Мильспо в Иране была крайне неудачной и разрушительной для страны.

В отечественной иранистике утвердилось мнение о том, что деятельность А. Мильпо во время его первой миссии в Иране имела разрушительные последствия для страны и была направлена на замену английского влияния американским. Так, советский автор М. С. Иванов пишет, что он был тесно связан с американскими нефтяными компаниями и до приезда в Тегеран в государственном департаменте США занимался вопросами нефтяной политики. Данный автор считает: «Миссия Мильпо стремилась подготовить почву для более широкого проникновения американского капитала в Иран. Мильпо пытался прежде всего обеспечить захват американскими нефтяными компаниями северной иранской нефти. С этой целью он пытался подорвать английские позиции в Иране. Он вмешивался в дела Англо-персидской нефтяной компании и создавал препятствия развитию ее деятельности. В то же время Мильпо занимал открыто антисоветские позиции; он стремился сорвать развитие нормальных советско-иранских отношений и в частности развитие советско-иранской торговли»³⁶⁶. Указанный автор не видит никаких положительных моментов в деятельности американской финансовой миссии.

Несколько иной выглядит позиция другого советского исследователя – З. З. Абдуллаева, уделившего анализу рассматриваемого вопроса пристальное внимание. Он не отрицает, что деятельность миссии имела положительные результаты, позволившие значительно увеличить поступления в государственный бюджет и стабилизировать финансовую систему, однако считает, что «рост доходов государства происходил главным образом за счет прямых и косвенных налогов, которые ложились тяжелым бременем на плечи трудящихся масс»³⁶⁷. Также автор приводит вполне обоснованные примеры того, что деятельность А. Мильпо тормозила развитие советско-иранских экономических отношений, а Реза-хана обвиняет в том, что львиную долю средств он тратил на армию, полицию и жандармерию³⁶⁸. Оценивая результаты работы миссии, он пишет: «Вся деятельность

³⁶⁶ Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М., 1965. С. 59–60.

³⁶⁷ Абдуллаев З. З. Начало экспансии США в Иране. М., 1963. С. 67.

³⁶⁸ Там же.

миссии доктора Мильспо свидетельствует о том, что она служила американскому империализму важным средством укрепления позиций в Иране. Мильспо считал миссию эффективным орудием стабилизации, имеющим «воспитательное значение» (выражение самого А. Мильспо – *прим. авт.*) в Иране. <...> США через миссию оказывали давление на правящие круги Ирана. <...> Вопреки всем демагогическим и хвастливым заявлениям американских советников об экономическом подъеме и процветании Ирана экономическая жизнь страны все еще была в упадке»³⁶⁹.

Вопрос о том, какую роль сыграли американские финансисты в Иране в 1922–1927 гг., представляется крайне важным и нуждается в рассмотрении на конкретном материале. Лучшим средством для этого могут стать данные о состоянии государственного бюджета Ирана в период деятельности американской финансовой миссии по сравнению с предшествовавшими годами. Ниже приводятся данные о структуре государственного бюджета на 1912–1913 гг., составленные бельгийскими экспертами под руководством Морнара.

Таблица 1

**Структура доходной части
государственного бюджета Ирана в 1912/13 г.**³⁷⁰

Статьи доходов	Млн туманов ²	Удельный вес (%)
Прямые налоги в денежном и товарном виде ¹	4,1	41
Таможенные сборы	4,2	42
Доходы от государственной собственности	0,6	6
Акцизы	0,8	8
Прочие	0,3	3
Всего:	10,0	100

¹ Традиционно в Иране налоги собирались не только деньгами, но и товарами, которые для государства имели стратегическое значение, например, пшеницей, овсом, сеном и пр.

² Туман являлся золотой монетой, равной 10 серебряным кранам. 5,5–6,0 туманов были эквивалентны 1 фунту стерлингов.

³⁶⁹ Абдуллаев З.З. Начало экспансии США... С. 84, 85, 91.

³⁷⁰ Составлено и подсчитано по: Архив внешней политики Российской империи. Ф. 144. Оп. 489. Ед Хр. 14. Ч. I. Л. 146 об.

Таким образом, основными источниками поступлений государственного бюджета были прямые налоги и таможенные сборы. При этом следует отметить, что большая часть сборов южных таможен уходила на погашение долгов Англии, а северных – царской России.

Государственный бюджет на 1924–1925 гг., т. е. через два года после начала работы американской миссии, был уже существенно иным:

Таблица 2

**Структура доходной части
государственного бюджета Ирана в 1924/25 г.³⁷¹**

Статьи доходов	Млн туманов	Удельный вес (%)
Прямые налоги в денежном и товарном виде	6,3	26,9
Косвенные налоги	3,3	14,1
Таможенные сборы	7,0	29,9
Доходы от почт и телеграфа	1,8	7,7
Доходы от АПНК	2,4	10,3
Прочие	2,6	11,1
Всего:	23,4	100,0

Есть основания полагать, что данные о доходной части бюджета за 1912–1913 гг. недостаточно полные, поскольку бельгийские эксперты были первопроходцами в деле составления регулярных государственных бюджетов Ирана, а сама система учета и контроля за финансовыми потоками на национальном уровне еще только формировалась. Однако даже с учетом того, что какие-то доходы государства могли оказаться не отраженными в данных за 1912–1913 гг., очевидно, что доходная часть бюджета в 1924–1925 гг. была не менее чем в два раза больше.

При этом нет оснований связывать такой рост, например, с обесценением иранской национальной валюты, поскольку в то время и туман, и кран по-прежнему оставались золотым и серебряным, а рост цен был крайне незначительным:

³⁷¹ Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 64. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 43–44.

Таблица 3

**Динамика индекса оптовых цен в Иране
в 1913–1928 гг. (1965 г. = 100%)³⁷²**

Год	Индекс	Год	Индекс
1913	6,0	1921	5,7
1914	5,7	1922	6,5
1915	6,2	1923	6,0
1916	6,6	1924	6,4
1917	7,0	1925	6,4
1918	7,0	1926	6,5
1919	6,9	1927	6,0
1920	6,0	1928	5,7

Разумеется, изменения розничных цен могут отличаться от динамики оптовых, но, как правило, эти отличия минимальны. Приведенные данные показывают, что максимальным рост цен был в годы Первой мировой войны, вызвавшей расстройство экономической жизни Ирана и его внешнеторговых связей, и особенно во время голода 1917–1919 гг. В последующие годы индекс цен стал постепенно возвращаться к довоенному уровню, а в 1928 г. упал ниже его. Соответственно, приписать рост бюджетных поступлений инфляции и обесценению денег нельзя.

Основными источниками роста бюджетных поступлений стали улучшение сбора прямых налогов, косвенные налоги, доля которых возросла с 8 до 14,1%, хотя в денежном исчислении сбор косвенных налогов вырос в 4 раза, а также доходы государства от нефтяной промышленности, которые А. Мильспо, как отмечалось выше, удалось удвоить. Примечательно, что из последнего источника в 1912–1913 гг. Иран еще ничего не получал³⁷³.

Не менее интересна и расходная часть иранского бюджета, достоверные данные о которой доступны автору только по 1924/1925 гг.:

³⁷² Bharier J. Economic Development in Iran 1900–1970. London, New York, Toronto, 1971. P. 46.

³⁷³ Ibid. P. 114.

**Структура расходной части
государственного бюджета Ирана в 1924/25 г.³⁷⁴**

Статьи расходов	Млн туманов	Удельный вес (%)
Национальная оборона	9,2	39,3
Министерство финансов	3,1	13,3
Министерство внутренних дел	2,1	9,0
Министерство почт и телеграфов	1,6	6,8
Министерство общественных работ	0,8	3,4
Министерства просвещения и здравоохранения	0,8	3,4
Погашение государственного долга	1,6	6,8
Пенсии, пособия и учебные расходы	0,8	3,4
На содержание американских советников	0,1	0,4
Прочие	3,3	14,1
Всего:	23,4	100,0

Оценивая структуру расходов государственного бюджета, следует признать справедливость упреков З.З. Абдуллаева в том, что он был крайне милитаризирован. Действительно, в 1924–1925 гг. на эти цели отводилась почти половина всех расходов. Однако необходимо рассматривать данный «перекос» в контексте исторического момента, переживаемого Ираном, и тех задач военно-политического характера, которые стояли перед Реза-ханом. В это время он проводил политику централизации, собирая воедино страну из разрозненных и плохо управляемых, едва связанных с центральным правительством районов. Шла борьба с восстаниями больших и малых ханов, желавших быть полновластными правителями в своих областях. Многие из них ориентировались на иностранные державы, прежде всего на Англию. Осенью 1924 г., бюджетные параметры которого представлены выше, иранская армия предприняла военный поход в Арабестан (Хузистан) для того, чтобы покончить со своеволием опиравшегося на англичан шейха Хаззаля. Такого рода экспедиции требовали больших по иранским масштабам средств.

³⁷⁴ Подсчитано по: АВП РФ. Ф. 64. 1925. Оп. 18. П. 125. Д. 50855. Л. 44–45.

Централизация страны была невозможна без создания современной национальной армии, которой у Ирана до этого не было. Реза-хан только формировал ее из имевшихся и зачастую управлявшихся иностранными инструкторами разрозненных вооруженных частей: персидской казачьей дивизии, жандармерии, южно-персидских стрелков, остатков старых полуфеодалных фоджей (полков). В последних солдаты и офицеры даже не несли службу постоянно, примерно полгода проживая в своих домах, занимаясь торговлей, ремеслом или нанимаясь охранниками к какому-то богатому человеку, а то и промышляя воровством и грабежами. В армии с большими задержками выплачивали жалованье, что вызывало недовольство и бунты. В такой ситуации выделение почти половины бюджетных расходов на реформирование и содержание вооруженных сил и спецслужб, оснащение их современным по тем временам оружием было не только оправданным, но и неизбежным.

Приведенные материалы показывают, что еще одной важной особенностью бюджета на 1924–1925 гг. стала сбалансированность доходов и расходов. Доходы правительства полностью покрывали расходы, и имелся даже символический профицит в размере 4 тыс. туманов, который при округлении параметров бюджета в таблицах показать невозможно. При этом значительные средства уходили на выплату государственного, прежде всего внешнего, долга (почти 7% бюджета).

Такие изменения в государственных финансах страны, которая за несколько лет до того не могла сверстать бюджет без внешних заимствований, произошли благодаря нескольким факторам. Первый – деятельность миссии А. Мильспо, сумевшего реорганизовать систему сбора налогов, сбора таможенных пошлин, увеличить сборы с АПНК и других иностранных держателей концессий.

Другим фактором стал отказ Советской России от всех выплат в свою пользу по царским долгам и безвозмездная передача имущества России иранскому правительству. Это позволило пустить на нужды страны все доходы от северных таможен, которые ранее шли на погашение долгов России. На эти цели в разные годы уходило от 1 до 1,5 млн туманов. Казне стали прино-

силь доход и телеграфные линии на севере страны, ранее принадлежавшие России или находившиеся под русским управлением, равно как и сборы за грузовые перевозки по дорогам, построенным русским капиталом. Все указанные преимущества были дарованы Советской Россией Ирану еще в 1918 г., однако одни они не смогли изменить ситуацию в финансовой сфере к лучшему.

Это обстоятельство, как ни странно, может помочь найти ответ на обвинения советских авторов в том, что, увеличивая прямые и косвенные налоги, повышая таможенные пошлины и пр., А. Мильспо обирал трудящиеся и эксплуатируемые слои иранского общества, которые из-за своей многочисленности являлись основными покупателями товаров народного потребления. Разумеется, такая тенденция имела место, но, возможно, в большей степени было и другое. А. Мильспо сумел пустить в государственную казну те налоги и сборы, которые и раньше уплачивало население, однако их львиная доля не попадала в государственный бюджет, а оседала в карманах местных губернаторов, ханов, племенных вождей и прочих лихоимцев. Неслучайно настоящим бедствием для страны была система откупов, с которой правительство начало бороться только в 1920 г.

Насколько разорительной была такая практика, видно из следующего примера. В 1920 г. в г. Кашан был направлен специальный контролер, который сообщал, что лица, взявшие на откуп налоги с табака за 12 тыс. туманов в год, за 4 месяца заработали по 25 тыс. туманов. В Курдистане контролер по табачным сборам сообщал, что правительство рассчитывало получить из этого источника 70 тыс. туманов, но находятся богатые люди, которые готовы уплатить 400 тыс. туманов за право в течение трех лет взять на откуп доходы от продажи табака и табачных изделий³⁷⁵. Правительство Мошира од-Доуле пыталось бороться с этим уговорами и разъяснениями о том, что в столь тяжелое время необходимо исправно платить налоги, и это может спасти страну, что никаких новых налогов, кроме утвержденных Меджлисом, не будет³⁷⁶. Однако

³⁷⁵ Рахнема. 30.12.1920.

³⁷⁶ Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 5. Оп. 3. Д. 609. Л. 35.

это не давало нужного эффекта. Вот почему столь существенные финансовые перемены, связанные с деятельностью американских экспертов, следует главным образом связать не с изъятием средств у бедных слоев общества, а с тем, что эти деньги из карманов откупщиков и прочих ловких людей перекочевали в государственный бюджет.

Оценивая деятельность А. Мильспо в целом, особенно в свете вполне очевидных его усилий по продвижению интересов США, вытеснению англичан и препятствованию налаживанию советско-иранского экономического сотрудничества, следует отметить следующее. Одним из основных рычагов давления Великобритании на иранские правительства была долговая кабала, в которую они загнали Иран, и неспособность государства выплатить взятые ранее кредиты и займы. Для того чтобы ослабить английское влияние, было необходимо создать такую финансовую систему, которая позволила бы, не прибегая к новым английским займам, постепенно выплачивать долги. Укрепившись таким образом, страна могла бы в значительной степени открыться для американских компаний и заключать с ними концессионные договоры, а то и брать кредиты у банков США. Иначе говоря, на данном кратковременном этапе исторического развития интересы США и Ирана совпадали, а А. Мильспо, работая на американские экономические и геополитические цели, невольно одновременно содействовал финансово-экономическому укреплению Ирана.

Такие ситуации в истории нередки. Например, в конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. американский капитал существенно помог провести индустриализацию в СССР, поскольку в условиях Великой депрессии и закрытия рынка Британской империи³⁷⁷ от США он остро нуждался в сбыте своих товаров и осо-

³⁷⁷ Традиционно английские финансисты, экономисты и политики выступали против торгового протекционизма и придерживались принципа свободной торговли (фритрейдерство), что позволяло более дешевым и качественным английским товарам завоевывать рынки различных стран. В свою очередь и иностранные товары поступали в Англию без взимания пошлин. Однако после Первой мировой войны Англия начала сдавать позиции, уступая США. В связи с этим в 1932 г. управляющий Банка Англии Монтегю Норман провел решение о взимании торговых пошлин с иностранных товаров на территории всей Британской империи, составлявшей тогда более 25% мирового рынка. Эта мера сильнее всего ударила по американскому капиталу как главному конкуренту английской промышленности.

бенно комплектного оборудования. Продвигая свои интересы и в погоне за прибылями он вольно или невольно, осознанно или неосознанно помогал своему идеологическому и в перспективе геополитическому противнику обрести экономическую мощь. Примерно в таком плане следует оценивать и деятельность миссии А. Мильспо в Иране в 1922–1927 гг., которая создала финансовую основу для проекта модернизации Ирана, осуществлявшегося Реза-шахом во второй половине 20-х – 30-х гг. XX в.

Возвращаясь к высказыванию Ф. Энгельса о том, что государственная власть может оказывать воздействие троякого рода на экономическое развитие страны, следует отметить, что в случае с приглашением американских экспертов и проведением ими рассмотренных выше преобразований это воздействие было положительным и ускоряло экономическое развитие Ирана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В декабре 1925 г. завершился процесс трансформации политической власти в Иране. Формально он принял форму ее передачи от старой выродившейся династии Каджаров Резахану – полному сил и энергии основателю новой династии Пехлеви. При этом опять-таки внешне ничего в принципиальном плане не должно было измениться: и старый, и новый государь были конституционными монархами, Основной закон оставался неизменным, а поправки в нем касались лишь изменения названия царствовавшей династии и иных второстепенных моментов. Меджлис по-прежнему оставался высшим законодательным органом с огромными полномочиями во всех сферах, в т. ч. в области финансов, утверждения государственного бюджета и контроля за его исполнением и пр. Между тем за относительно короткий (1921–1925 гг.) период политической трансформации в обществе произошли большие перемены.

Необходимость перемен в общественно-политической жизни Ирана проистекала из весьма своеобразных результатов Конституционной революции 1905–1911 гг., в результате которой формально произошла замена абсолютистской монархии на монархию конституционную. Но в действительности произошло следующее: самодержавная монархия сменилась монархией олигархической³⁷⁸. В каком-то смысле можно полагать, что революция, решив одни проблемы, породила множество других. Борьба феодальных группировок за власть и собственность, которая в восточных обществах, как правило, является производной от власти, принимала самый острый характер и грозила

³⁷⁸ Если приводить исторические аналогии, то иранскую монархию до Конституционной революции можно сравнить с самодержавным правлением Московской Руси, а после – с польской монархией, когда король был критически зависим не только от польских магнатов, но даже от воли любого шляхтича, участвовавшего в работе сейма. Если хотя бы один участник на его заседании говорил: «Не дозволяю», то решение не принималось.

суверенитету, территориальной целостности и даже самому существованию страны.

Противоречия в элите усиливались и объективным процессом развития производительных сил общества, нарождавшимися капиталистическими отношениями и противостоянием традиционного феодально-клерикального лагеря новым социальным группировкам, пестрым по составу и политическим настроениям: торгово-промышленной буржуазии, помещикам, часть которых старалась вести хозяйство на новый манер, либеральной интеллигенции. Особую роль в распространении буржуазных идей в обществе сыграли иранские масонские и квазимасонские структуры, членами которых являлись очень многие представители политической элиты³⁷⁹. Другим фактором, дестабилизировавшим ситуацию в стране, являлась колониальная экспансия Англии и царской России. Даже после Октябрьской революции, когда советская власть отменила все неравноправные договоры с Ираном, списала все долги и безвозмездно отказалась от всех концессий и имущества на иранской территории, ситуация не улучшилась, и страна полностью оказалась в руках Великобритании.

В такой ситуации Меджлис как атрибут буржуазной демократии, на которую возлагались огромные надежды, не оправдал ожиданий. Он оказался бессилён перед процессами, протекавшими в стране, хотя мог сменять и сменял правительства в любой момент по своему усмотрению. Но в 1921 г. был запущен процесс смены парадигмы исторического развития Ирана. Произошло это как бы случайно, никто и не планировал осуществить крутой поворот. Но в том-то и состоит «коварство истории», что за сиюминутными задачами, игрой политических амбиций и страстей кроются объективные процессы, выразителями которых, зачастую сами того не подозревая, становятся политические лидеры. В нашем случае «кроту истории» и объективным законам общественного развития было угодно делать свое дело руками незнатного малообразованного казачьего полковника Реза-хана, обладавшего, правда, природной сметливо-

³⁷⁹ Подробно об этом см.: Арабаджян З. А. История иранского масонства в XX веке (от зенита до заката). М., 2020.

стью, железной волей, упорством и честолюбием. Как мы показали, сильные мира сего нашли его почти случайно, вытащили из безвестности, а после исполнения им своей миссии предполагали отодвинуть в сторону. Однако неожиданно этот националистически ориентированный военный оказался нужен самым разным, даже полярным политическим силам. Его первые шаги по реформированию и унификации национальной армии поддерживались и социалистами, и националистами, и клерикалами, и шахским Двором. Его деятельность на посту военного министра в области военной реформы и борьбы с сепаратистами оказалась востребована обществом.

Ликвидировав казачьи части и части жандармерии, он создал иранскую национальную армию и поставил во главе ее дивизий своих сослуживцев по казачьей бригаде, что позволило надежно контролировать войска. Уже в 1921–1922 гг. ему удалось подавить не лишённые демократической направленности восстания в Мешхеде и Тавризе, возглавлявшиеся жандармскими офицерами – полковником Песианом (Мешхед) и майором Лахути (Тавриз). Мешхедское выступление начиналось как протест против политики Кавама ос-Салтане и назначения бахтиарского вождя Самсама ос-Салтане правителем Хорасана. Оно быстро приняло социальную направленность и было поддержано прокоммунистическими ячейками этой провинции³⁸⁰. Примечательно, что одной из причин восстания Лахути стала именно армейская реформа и увольнение из армии демократически настроенных офицеров, которых в жандармских частях всегда было немало. Еще больше авторитет Реза-хана и новой национальной армии укрепил разгром дженгелийского движения и Гилянкой Советской Республики (осень 1921 г.)³⁸¹. В итоге преобразований численность иранской армии составила 40 000 человек, из которых были сформированы пять дивизий, в то время как ранее вооруженные силы состояли из 7000 казаков и 12 000 жандармов³⁸².

³⁸⁰ Подробнее о восстании полковника Песиана см.: Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М., 1996. С. 87–95.

³⁸¹ Подробнее о Гилянкой Республике см.: Там же. С. 72–87.

³⁸² Abrahamian E. *Iran Between Two Revolutions*. Princeton. New Jersey, 1983. P. 120.

Несмотря на то что к середине 1922 г. реформатор стал проявлять большую строптивость и возникли первые разногласия с Двором и Ахмед-шахом, хотя с последним сильно завуалированные, сложилась следующая ситуация: при частых сменах правительств должность военного министра неизменно оставалась за Реза-ханом. Сколь мощным ни был бы политик, для успешной реализации своих целей он неминуемо должен выражать интересы определенных классов, социальных и политических групп, чтобы заручиться их поддержкой. До конца октября 1923 г. его авторитет рос исключительно за счет успехов в деле создания национальных вооруженных сил и политики централизации Ирана. В рамках последней проводилась борьба с различными сепаратистскими силами на окраинах страны, не признававшими власти центрального правительства, от разгрома Гилянской Советской Республики до подавления вольницы племенных вождей, больших и малых ханов, крупных феодалов. После того, как Реза-хан в жесткой борьбе с лидером феодального лагеря Кавамом ос-Салтане и лидером националистов Моширом од-Доуле заставил Ахмед-шаха назначить себя премьер-министром и покинуть Иран, как оказалось навсегда, его реформаторская деятельность постепенно стала распространяться на самые различные сферы: государственный аппарат, юриспруденцию, образование и пр.

Разумеется, сам он не мог разрабатывать проводимые реформы, а только задавал им общее направление. Однако у Реза-хана было много контактов, встреч и совещаний с высокообразованными людьми. Он создал специальный Консультативный кабинет, куда входила группа крупных политиков-интеллектуалов: Мошир од-Доуле, Мостуофи уль-Мамалек, доктор Мосаддык, Сеид Хасан Тагизаде и др., и обсуждал с ними различные вопросы, касающиеся развития страны. Те идеи, которые соответствовали его представлениям о благе, он принимал и начинал реализовывать. Примечательно, что по мере нарастания диктаторских устремлений Сардар Сепаха все эти люди в той или иной степени стали отходить от него, но на первый план вышли иные – Зока уль-Мольк Форуги, Носрет од-Доуле, Давер, Теймурташ и пр. Каждый из них был опытным

политиком, профессионалом в той или иной области или администратором. Долгое время политическую поддержку в парламенте Реза-хану оказывала и Социалистическая партия, во главе которой стоял Сулейман Мирза. Некоторые ее члены, включая самого лидера партии, в разное время входили в правительство в качестве министров.

Примечательно, что почти все из перечисленных выше лиц, кроме Теймурташа и Тагизаде, относились к родовой аристократии, а некоторые (Носрет од-Доуле, Сулейман Мирза и доктор Мосаддык) имели прямое или косвенное отношение к династии Каджаров. Однако данные политики по разным причинам поддерживали Сардар Сеха, считая его деятельность крайне важной для страны. Постепенный отход группы аристократов-интеллектуалов от него объяснялся, в первую очередь, их принципиальным несогласием с диктаторскими методами руководства и попранием новым правителем буржуазных прав и свобод, стойкими приверженцами которых они являлись.

Большую роль в успешности начатых преобразований играли увеличивавшиеся финансовые возможности государства. В огромной степени это произошло благодаря исключительно успешной деятельности группы американских финансовых советников во главе с доктором А. Мильспо. Хотя указанная миссия была приглашена осенью 1922 г. Кавамом ос-Салтане, в то время возглавлявшим кабинет министров, у Реза-хана установились хорошие рабочие отношения с А. Мильспо, и он почти всегда получал необходимые для нужд армии средства.

В советской литературе было принято крайне отрицательно оценивать результаты деятельности американских финансистов, все успехи которых объяснялись увеличением прямых и косвенных налогов на трудящиеся слои, в первую очередь, акцизов на товары народного потребления: сахар, соль, табак и пр. В действительности рост налогообложения имел место. Однако ограничиваться только этим было бы совершенно ошибочно. Политика А. Мильспо была направлена в очень большой степени против традиционной для Ирана системы откупов, разорвавшей государство и сказочно обогащавшей откупщиков.

Всех правителей, имевших огромные многолетние задолженности перед бюджетом, заставили их погасить. Причем иногда для этого использовалась если не сила, то угроза ее применения. Для каждой провинции были установлены жесткие нормы налоговых платежей, основанные на учете земельного фонда, состоянии производительных сил, объемах торговых операций и пр. В результате если раньше деньги, которые трудящиеся и эксплуатируемые массы отдавали в виде налогов и податей, в большей своей части оседали в карманах правителей и откупщиков, то теперь они начали идти по прямому назначению в государственную казну. Порочная практика невозможности сверстать бюджет без внешних заимствований (до 1917 г. у Англии и России, а после исключительно у Англии) была прекращена. Разумеется, действия финансовой миссии США были мотивированы не чрезмерной любовью к Ирану, а желанием ослабить британские финансовые пути, чтобы облегчить проникновение американских компаний в его экономику и финансы. Однако отрицать большую позитивную роль американских финансов было бы ошибочно.

Изначально Реза-хан не намеревался овладеть иранским престолом. Находясь под впечатлением Мустафы Кемаля и его кемалистской революции, он решает совершить нечто подобное в Иране и стать пожизненным президентом республики. Республиканская, организованная сторонниками премьер-министра по его указанию, кампания (январь – март 1924 г.) заканчивается провалом. Причиной такого исхода стала не столько приверженность населения и политической элиты вырождавшейся династии Каджаров, сколько слишком прямолинейные и примитивные действия республиканцев, желавших получить результат немедленно и совершенно не учитывавших менталитет и традиции иранского народа. Большую роль сыграла позиция шиитского духовенства, политическим лидером которого выступал аятолла Модаррес, ставший центральной фигурой в борьбе с идеей республики.

Однако неудача не обескуражила Реза-хана, о чем свидетельствует провалившаяся попытка Ахмед-шаха сместить его с поста премьер-министра сразу после провала республиканской

кампании. Такой ее исход свидетельствовал о прочности позиций премьер-министра, которые во многом базировались на контроле за ситуацией в стране со стороны военных губернаторов в провинциях, верных своему командующему. Однако сводить все к военному диктату и полицейщине было бы неверно. Среди значительной части господствующего класса и в массах у Реза-хана также появлялась сильная поддержка. Бизнес получил послабления для своей деятельности: активно строились дороги, транспортные пути стали безопасными, разбой шаек племенных вождей почти прекратились, на таможнях был наведен порядок, простора для вымогательств со стороны таможенных чиновников стало гораздо меньше. Улучшилось положение населения деревень и мелких городов, всегда, а особенно с начала Конституционной революции, страдавших от набегов кочевых племен и феодалов. У простого человека появилась хоть какая-то возможность подать жалобу на местного чиновника, и если она оказывалась обоснованной, то добиться справедливости.

Воспользовавшись неудачей своих противников, Реза-хан стал зачищать от них общественно-политическое пространство. Это в первую очередь коснулось парламентского меньшинства. Поскольку члены Меджлиса, сторонники аятоллы Модарреса, были защищены депутатским иммунитетом, основной удар пришелся на прессу и главных редакторов издававшихся парламентским меньшинством газет. Пострадали многие представители феодального лагеря и части националистов, разделявших позиции Модарреса. Беспощадное наступление премьер-министра не могло не вызвать ответной реакции, которая осенью 1924 г. выразилась в выступлении шейха Хаззаля и «Комитета восстания счастья». Однако ряд факторов, прежде всего позиция англичан, которые сначала подбивали шейха и бахтиарских ханов на мятеж, а потом бросили их на произвол судьбы, позволили Реза-хану легко ликвидировать эту угрозу. Кроме того, поражению восстания способствовала и выжидательная позиция, занятая Ахмед-шахом.

Восхождение Сардар Сепеха на политический Олимп имело и еще одну особенность. В Иране первой половины 20-х годов XX в. политику для прихода к власти было недостаточно

иметь поддержку определенных политических сил и социальных групп внутри страны. Следовало иметь поддержку или, по крайней мере, лояльное отношение к себе со стороны двух мощных соседей: Британской империи и СССР. В конечном итоге Реза-хану удалось этого добиться. Британцы постепенно пришли к выводу о том, что после провала Англо-персидского соглашения 1919 г. именно этот человек сможет служить их интересам лучше, чем ханы и вожди южных племен, что политика централизации соответствует их интересам. Она предотвращает развал Ирана на части. В случае же распада страны весь ее север, опасались англичане, неминуемо окажется под властью большевиков, которые существенно приблизятся к Индии – жемчужине Британской колониальной империи и районам добычи нефти, где оперировала АПНК.

В свою очередь и советское руководство весьма благосклонно относилось к Сардар Сепаху, поскольку считало его деятельность объективно направленной на борьбу с феодальными пережитками, а значит, так или иначе приближающей Иран к социализму. Политическое руководство СССР также опасалось распада Ирана и установления над многими его частями прямого владычества англичан. С учетом деятельности Коминтерна и надежд, в свое время возлагавшихся на кемалистскую революцию в Турции, какое-то время и с Ираном могли быть связаны смутные надежды на революционизацию Востока. Кроме того, если по отношению к англичанам Реза-хан периодически допускал резкие высказывания, как видно из приведенных в настоящей работе материалов, совершенно неискренне, то в отношениях с советской стороной он всегда был внешне дружелюбен и склонен к взаимодействию.

Говоря о роли внешнего фактора в приходе Реза-хана к власти и успешном проведении им политики централизации страны, следует особо подчеркнуть, что во многом благоприятная для Ирана позиция двух держав определялась коренными формационными изменениями, происшедшими в России. Оставаясь она по-прежнему буржуазной, правящие круги Великобритании и России (неважно, царской или февралистской) сумели бы прийти к соглашению и в очередной раз поделить

Иран. Но то, что в 20-е гг. они принадлежали к разным общественно-экономическим формациям и их разделяла идеологическая пропасть, давало стране и ее новому лидеру шанс сыграть на непримиримых противоречиях и добиться своих целей.

После поражения шейха Хаззала старая династия стала стремительно терять своих сторонников, многие из которых открыто или неявно переходили в лагерь побеждавшей стороны. Несмотря на это, Сардар Сепех, извлекший уроки из неудачи республиканского движения, действовал крайне осторожно и даже предложил союз Модарресу, введя в правительство людей, рекомендованных им. Но эти лица лишь внешне и по своему происхождению могли считаться представителями феодально-клерикального лагеря – они уже были полностью готовы служить новому иранскому исполину. Наиболее ярким примером может служить Носрет од-Доуле (принц Фируз), который еще за несколько лет до того рассматривался дворцовыми кругами как возможный соперник Реза-хана, а в последующем стал одним из его ключевых министров и вошел в триумвират реформаторов, продвигавших модернизационные проекты в стране³⁸³.

В результате действий Сардар Сепеха, последовательно проводившихся в течение нескольких лет, политическая арена оказалась полностью зачищенной от любых оппозиционных сил. Поэтому, когда в конце октября 1925 г. вопрос об отрешении Каджаров и временной передаче всей власти в его руки был вынесен на рассмотрение Меджлиса, то сопротивляться такому решению было уже практически некому. Модаррес и несколько его сторонников поняли, что оказались жестоко обманутыми последними реверансами Реза-хана в их сторону, но сделать ничего не могли. Во многом столь прочные позиции премьер-министра в высшем законодательном органе были подготовлены еще за два года до исторического заседания в ходе выборов в Меджлис пятого созыва, куда ему удалось всеми правдами и неправдами провести своих сторонников, составивших парламентское большинство.

³⁸³ Принц Фируз – министр финансов, Али Акбар Давер – министр юстиции и Абдул Хосейн Теймурташ – министр двора.

Согласие некоторых политических сил на временный переход власти в руки Реза-хана, в частности социалистов, обеспечивалось не только поддержкой его реформаторской деятельности, но и имевшимися договоренностями о том, что он будет объявлен пожизненным, но не наследственным шахом Ирана. Однако, получив желаемое, временный правитель страны отбросил все соглашения и взял курс на провозглашение себя первым монархом новой династии. Это и было утверждено в декабре 1925 г. Учредительным собранием, представители которого формально были избраны народом, а фактически назначены по спискам, составленным в Тегеране сторонниками нового правителя и военными губернаторами на местах.

Таким образом, транзит власти в Иране от феодально-клерикальных кругов во главе с династией Каджаров к буржуазно-помещичьим, лидером которых стал Реза-хан, оказался завершенным. Этот процесс можно считать подготовительным этапом в буржуазной модернизации страны. Как показано в настоящем исследовании, в ходе него начали происходить серьезные прогрессивные изменения. Но они сопровождались ужесточением политической системы и целым рядом совсем недемократических шагов: ущемлением буржуазных прав и свобод, давлением на оппозицию и ее прессу, вплоть до закрытия газет, арестов редакторов, политических убийств, репрессий и пр. По сравнению с эпохой, наступившей после Конституционной революции 1905–1911 гг., положение с либеральными ценностями эпохи модерна определенно ухудшилось. В связи с этим следует отметить, что иранская ситуация не была уникальной: многим странам приходится проходить через исторические периоды, когда ограничение прав и свобод (и даже диктатура) оказываются неизбежной платой за прогресс и развитие. Достаточно вспомнить опыт Китая (события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г.) или Сингапура (диктатура Ли Куан Ю).

Как известно, для того чтобы произошла революция, необходимо сочетание объективного и субъективного (возможно, точнее сказать субъектного) факторов. Для проведения глубокой модернизации общества соединение этих факторов во вре-

мени и пространстве также жизненно важно. И это случилось в Иране в первой половине 20-х гг. XX в. Объективные предпосылки для революционных изменений в стране имелись уже давно. Но субъект политического действия появился лишь в это время. Им стали Реза-хан и спектр политических сил, поддержавших его. Это не исключает того, что разные группы внутри указанного спектра имели отличную друг от друга мотивацию и интересы. Кто-то действовал осознанно, по своему глубокому убеждению во имя блага страны и народа, кто-то жаждал славы и чинов, но результирующий вектор привел к тому, что, казалось бы, безнадежное дело модернизации Ирана сдвинулось с мертвой точки. Все зигзаги, крутые повороты и отступления на этом пути (в т. ч. движение за республику, идея регентства, объявление пожизненным, но не наследственным шахом, и, наконец, основателем новой династии) лишь показывают, сколь непростым был указанный путь и сколь изворотлив должен был быть реформатор, чтобы не оказаться раздавленным другими участниками исторического процесса, в т. ч. внешними игроками.

Кроме того, иранский опыт показывает, что для проведения успешных преобразований сверху (реформ, модернизации и пр.) было жизненно необходимо, чтобы фигура реформатора/модернизатора и фигура верховного носителя власти в стране соединились в одном человеке, одной персоне. Без этого все попытки реформирования в Иране терпели неудачу. Рано или поздно между реформатором и монархом возникали противоречия, монарх начинал считать, что реформатор замышляет против него, и избавлялся от своего слишком энергичного и талантливого подданного с разной степенью жестокости³⁸⁴. В лице Реза-хана эти две роли соединились, что дало стране шанс на позитивные качественные перемены в разных сферах. Но будет ли он использован и в какой степени?

³⁸⁴ Подробнее см.: Арабаджян З.А. Иран: власть, реформы, революции (XIX–XX вв.) М., 1991.

ПРЕМЬЕР-МИНИСТРЫ ИРАНА (С АВГУСТА 1918 ПО ДЕКАБРЬ 1925 г.)

Деятель	Изображение	Годы жизни	Период нахождения в должности	Партийная принадлежность
<i>Хасан Восуз-од-Доуле</i>		1873– 1950	08.08.1918 – 03.07.1920	Демократическая партия (до 1919 г.), независимый, член масонской ложи «Пробуждение Ирана»
<i>Хасан Мошир-эд-Доуле Пирния</i>		1871– 1935	03.07.1920 – 27.10.1920	независимый, член масонской ложи «Пробуждение Ирана»
<i>Мохаммад Вали-хан Тонекабон (Сепакдар-Азам)</i>		1878– 1967	27.10.1920 – 22.02.1921	независимый
<i>Сеид Зия-эд-Дин Табатабаи</i>		1889– 1969	24.02.1921 – 04.06.1921	независимый

Окончание табл.

Ахмед Кавам-эс- Салтане		1873– 1955	04.06.1921 – 21.01.1922	Партия реформаторов, член масонской ложи «Пробуждение Ирана»
Хасан Мошир-эд-Доуле Пирния		1871– 1935	21.01.1922 – 22.06.1922	независимый, член масонской ложи «Пробуждение Ирана»
Ахмед Кавам-эс- Салтане		1873– 1955	22.06.1922 – 15.02.1923	Партия реформаторов, член масонской ложи «Пробуждение Ирана»
Хасан-хан Мостоуфи ол-Мемалек		1875– 1932	15.02.1923 – 15.06.1923	Партия Возрождения, член масонской ложи «Пробуждение Ирана»
Хасан Мошир-эд-Доуле Пирния		1871– 1935	15.06.1923 – 26.10.1923	независимый, член масонской ложи «Пробуждение Ирана»
Реза-хан Сардар Сенах		1878– 1944	26.10.1923 – 12.12.1925	военный

БИБЛИОГРАФИЯ

На персидском языке

1. Агели Б. Нохоствазиран-е Иран аз Мошир од-Доуле та Бахтийар (Премьер-министры Ирана от Мошира од-Доуле до Бахтияра). Тегеран: Джавидан, 1371. 1350 с.
2. Агели Б. Носрет од-Доуле Фируз: аз руйа-йе падшахи та зендан-е Реза-шах (Носрет од-Доуле Фируз: от мечты о падишахстве до тюрьмы Реза-шаха). Тегеран: Амир Кябир, 1373. 384 с.
3. Бахар М. Т. (Малек ош-Шоара). Тарих-е мохтасар-е ахзаб-е сийаси-йе Иран (Краткая история иранских политических партий). Тегеран: Шеркят-е сахамии-йе кетабха-йе джиби, 1357. Т. 1–2. 382 и 418 с.
4. Дашти А. Панджах ва пандж (Пятьдесят и пять). Тегеран: Амир Кябир, 1354. 320 с.
5. Джами. Гозаште чераг-е рах-е аянде аст (Прошлое – фонарь, освещающий путь в будущее). б. м. 1359. 503 с.
6. Дуги И. Тарих-е равабет-е сийаси-йе Иран ба годратха-е бозорг 1900–1925 (История политических связей Ирана с великими державами 1900–1925). Тегеран: Эльм, 1367. 493 с.
7. Завош М. Х. (Малеки Х.) Нахш-е фарамасонха дар тарих-е моассер-е Иран (Роль франкмасонов в современной истории Ирана). Тегеран: Эшаре, 1387. 600 с.
8. Зендеги-йе туфани. Хатерат-е Сеид Хасан Тагизаде (Бурная жизнь. Воспоминания Сеида Хасана Тагизаде). Тегеран: Эльми, 1368. 421 с.
9. Зохур ва согут-е салтанат-е Пехлеви. Хатерат-е артешбод Хосейн Фардуст (Восход и закат династии Пехлеви. Воспоминания генерала армии Хесейна Фардуста). Тегеран: Эттелаат, 1370. 712 с.
10. Каземи М. М. Рузгар дарандише (Время в раздумьях). Тегеран: Ибн Сина, 1350. 332 с.
11. Кермани Н. Тарих-е бидари-йе ираниан (История пробуждения иранцев). Тегеран: Амир Кябир, 1392. 595 с.
12. Мааш. Альмас ва риг (Алмаз и бульжник). Нью Йорк, 1989. 512 с.

13. Макки Х. Модаррес гахреман-е азади (Модаррес – герой свободы). Тегеран: Бонгах-е тарджоме ва нашре кетаб, 1358. 875 с.
14. Макки Х. Тарих-е бистале-йе Иран (Двадцатилетняя история Ирана). Тегеран: Амир Кябир, 1362. Т. 1–3. 616, 640 и 684 с.
15. Макки Х. Мохтасари аз зендегани-йе сийаси-йе солтан Ахмад-шах (Краткое рассмотрение политической жизни Солтана Ахмед-шаха). Тегеран: Амир Кябир, 1381. 552 с.
16. Махмуд М., Тарих-е равабет-е сийаси-йе Иран ва Энглис дар гарн-е нуздахом-е милади (История политических связей Ирана с великими державами в XIX в.). Тегеран: Эгбаль, 1378. 403 с.
17. Мехдиния Дж. Зендеги-йе сийаси-йе Кавам ос-Салтане (Политическая биография Кавама ос-Салтане). Тегеран: Амир Кябир, 1366. 492 с.
18. Мостоуфи А. Тарих-е эджтемай ва эдари-йе доуре-йе Каджар. Шарх-е зендегани-йе ман (Социальная и управленческая история Ирана эпохи Каджаров. История моей жизни). Тегеран: Завар, 1343. Т. 1–3. 569, 515 и 674 с.
19. Мохтари Х. Тарих-е бидари-йе Иран (История пробуждения Ирана). Тегеран: Бина, 1347. 923 с.
20. Нежат А. Сазманхе-йе серри ва фарамасонери (Тайные и франкмасонские организации). Los Angeles: Кетаб корп., 2010. 397 с.
21. Раен Э. Хогутбегиран-е Энглис дар Иран (Английские наимиты в Иране). Тегеран: Амир Кябир, 1347. 479 с.
22. Раен Э. Фарамушхан-е ва фарамасонери дар Иран (Фарамушхане и франкмасонство в Иране). Тегеран: Амир Кябир, 1357. Т. 1–3. 714, 755 и 775 с.
23. Реза-шах. Хатерат-е Сулейман Бехбуди, (Реза-шах. Воспоминания Сулеймана Бехбуди). Тегеран: Тахр-е ноу, 1372. 607 с.
24. Рузшомар-е тарих-е Иран. Аз маршруте та энгелаб-е эслами (Исторический ежедневник Ирана. От Конституционной до исламской революции). Агели Б. Тегеран: Гофтар, 1372. Т. 1. 482 с.
25. Сасани Хан-Малек. Сийасатмадаран-е доуре-йе Каджар (Политики эпохи Каджаров). Тегеран, 1338. 610 с.
26. Сепехр Моваррах од-Доуле. Иран дар джанг-е бозорг 1914–1918 (Иран в большой войне 1914–1918). Тегеран, 1336. 512 с.
27. Тахмасб А. Тарих-е шахиншахи-йе алахазрат Реза-шах Пехлеви (Шахиншахская история его величества Реза-шаха Пехлеви). Тегеран, 1305. 295 с.
28. Теймури Э. Аср-е бихабари (Эпоха безвременья). Тегеран: Эгбаль, 1332. 411 с.

29. Толуи М. Базигяран-е аср-е Пехлеви (Игроки эпохи Пехлеви). Тегран: Амир Кябир, 1372. 1260 с.
30. Фатех М. Панджах сал-е нафт-е Иран (Пятьдесят лет иранской нефти). Тегран: Амир Кябир, 1335. 417 с.
31. Хатерат-е сийаси-йе Ардешир Аванесиан. Бе кушеш-е Али Бехдаши. Тегран: Сохан, 1378. 508 с.
32. Хатерат-е Халиль Бозоргмехр аз доктор Мохаммад Мосаддык (Воспоминания Халиля Бозоргмехра о докторе Мохаммеде Мосаддыке). Тегран: Нахид, 1373. 419 с.
33. Хедаят Мохбер ос-Салтане. Хатерат ва хатарат (Воспоминания и опасности). Тегран, 1329. 391 с.

На русском языке

1. Абдуллаев З. З. Начало экспансии США в Иране. М.: Восточная литература, 1963. 97 с.
2. Агаев С. А. Иран в период политического кризиса 1920–1925 гг. М.: Восточная литература, 1970. 209 с.
3. Алентьева Н. Борьба Реза-хана за власть // Очерки по новой истории стран Среднего Востока. М.: Изд-во Московского университета, 1951. С. 211–232.
4. Арабаджян А. З. Социально-экономические корни монархии Реза-шаха и реакционная сущность ее экономической политики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1952. Т. 1. 204 с.
5. Арабаджян З. А. Иран: власть, реформы и революции, М.: Восточная литература, 1991. 125 с.
6. Арабаджян З. А. Иран: противостояние империям (1918–1941). М.: ИВ РАН, 1996. 225 с.
7. Арабаджян З. А. Иран от революции до революции (история в лицах), М.: Товарищество научных изданий КМК, 2018. 157 с.
8. Арабаджян З. А. История иранского масонства в XX веке. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. 169 с.
9. Арабаджян З. А. Иран в годы Первой мировой войны. М.: URSS, 2021. 236 с.
10. Арабаджян З. А. Незвестные страницы Конституционной революции 1905–1911 гг. в Иране. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021. 239 с.
11. Асадулаев К. Свержение династии Каджаров в Иране (1920–1925). Душанбе: Дониш, 1966. 168 с.

12. Атабаки Т., Раванди-Фадаи Л. Жертвы времени. Жизнь и судьба иранских политических деятелей и трудовых мигрантов в межвоенный период. М.: ИВ РАН, 2020. 531 с.
13. Балаян Б. П. Восстания племен на юге Ирана (1922–1930). Ереван: Изд-во Ереванского университета, 1974. 112 с.
14. Башкиров А. В. Экспансия английских и американских империалистов в Иране, М.: Госполитиздат, 1954. 284 с.
15. Бобынин Н. Н. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля 1901–1923. Тифлис: Нар. ком. по внешней торговле З.С.Ф.С.Р., 1923. 557 с.
16. Годс М. Реза. Иран в XX веке. Политическая история, М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 353 с.
17. Гурко-Княжин В. А. Краткая история Персии. М.: Прометей, 1925. 99 с.
18. Иванов М. С. Новейшая история Ирана. М.: Мысль, 1965. 255 с.
19. История Ирана. М.: Изд-во Московского университета, 1977. 487 с.
20. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. М.: Госполитиздат, 1965. 882 с.
21. Меликов О. С. Установление диктатуры Реза-шаха в Иране. М.: Восточная литература, 1961. 123 с.
22. Новая эпоха в истории Персии и англо-персидский договор. Баку, 1920. 32 с.
23. Павлович М. П. Персия в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедения при ЦИК СССР, 1925. 182 с.
24. Пальгунов Н. Г., Тридцать лет (воспоминания журналиста и дипломата). М.: Политиздат, 1964. 351 с.
25. Раванди-Фадаи Л. М. Прерванный полет доктора Мосаддыка (биографический очерк) // Иран: история и современность / Под ред. Л. М. Кулагиной, Н. М. Мамедовой; Сост. И. Е. Федорова, Л. М. Раванди-Фадаи. М.: ИВ РАН; Центр стратегической конъюнктуры, 2014. С. 105–115.
26. Сеидов Р. А. Иранская буржуазия в конце XIX – начале XX вв., М.: Наука, 1974. 245 с.
27. Советско-Иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М.: МИД СССР, 1946. 216 с.
28. Султанзаде А. Персия. М.: Народный комиссариат по делам национальностей; Всероссийская научная ассоциация востоковедения, 1924. 66 с.
29. Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. К истории «политики силы». М.: Изд-во иностранной литературы, 1956. 424 с.

На английском языке

1. Abrahamian E. Iran between to revolutions. N. J.: Princeton Studies on the Near East, 1982. 561 p.
2. Abrahamian E. Tortured Confessions. Prisons and public recantations in modern Iran. Berkeley Los Angeles, London: University of California Press, 1999. 279 p.
3. Arfa H. Under five Shahs, London: William Morrow and Co., 1964. 457 c.
4. Balfour J. Recent happening in Persia. Edinburgh and London: William Blackwood and sons, 1922. 307 p.
5. Banani A. The Modernization of Iran. 1921–1941. Stanford University Press, 1961. 191 p.
6. Bharier J. Economic Development in Iran 1900–1970. London: Oxford University Press, 1971. 380 p.
7. Browne E. The Persian Revolution of 1905–1909. Cambridge: at the university press, 1910. 470 p.
8. Cottam R. W. Nationalism in Iran. Pittsburg: University of Pittsburgh Press, 1967. 332 p.
9. Elwell-Sutton Modern Iran. London: G. Routledge & Sons, 1941. 264 p.
10. Essad-Bay M. Reza Shah. London: Hutchinson & Co., 1938. 272 p.
11. Fatemi N. S. Diplomatic History of Persia 1917–1923. New York: Russell F. Moore, 1952. 331 p.
12. Fatemi N. S. Oil Diplomacy. New York: Whittier Books, 1954. 405 p.
13. Halliday F. Iran: Dictatorship and Development. 2d ed. New York: Penguin Books, 1979. 348 p.
14. Keddie N. Iran: Religion, Politics and Society. London: Yale University Press, 1980. 288 p.
15. Lambton Ann K. S. Landlord and peasant in Persia. London, New York: Oxford University Press, 1953. 459 p.
16. Lenczovski G. Russia and the West in Iran. Ithaca. New York: Cornell University press, 1949. 383 p.
17. Millspaugh A. C. The American task in Persia. New York: The Century Co, 1924. 322 p.
18. Rezun M. The Soviet Union and Iran. Soviet Policy in Iran from the Beginning of the Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941. Boulder: Westview Press, 1988. 435 p.

19. Sabahi H. British Policy in Persia 1918–1925. London: Frank Cass, 1990. 299 p.
20. Sykes P. A History of Persia. London: Macmillan and Co., Limited, 1930. 565 p.
21. Szyliowicz J. S. Education and Modernization in the Middle East. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1973. 447 p.
22. Wilber D. N. Reza Shah Pahlavi: The Resurrection and Reconstruction of Iran. Hicksville, New York: Exposition Press, 1975. 301 p.
23. Wright D. The Persians Amongst the English. London: I. B. Tauris and Co., 1985.
24. Zonis M. The Political Elite of Iran. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1971. 389 p.

Архивные материалы

1. АВ РИ (Архив внешней политики Российской империи).
2. АВП РФ (Архив внешней политики Российской Федерации).
3. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
4. Papers Relating to the Foreign Affairs of the United States. 1919. Vol. 11. Washington, 1934.

Периодические издания

1. Бакинский рабочий. 11.03.1923.
2. Гийам. 23.01.1923.
3. Кушеш. 25.02.1924.
4. Рахнема. 30.12.1920.
5. Сетаре-йе Иран. 15.06.1923.
6. Туфан. 04.02.1923.

Научное издание

Арабаджян Завен Артемович

ОТ РЕЗА-ХАНА ДО РЕЗА-ШАХА

Истоки иранской модернизации 1921–1925 гг.

Монография

Ответственный редактор *Н. М. Мамедова*

Редактор *Д. А. Сарабьева*

Верстальщик *Н. В. Макеева*

Оформитель *П. А. Трошина*

Корректор *Н. А. Сидоркина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано 13.07.2022. Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 18,13. Тираж 300 экз. Заказ № 2272-22.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *Ш. Р. Кашаф*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте <https://book.ivran.ru>

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах,
изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии ООО «Амирит»

410004, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 88

Тел.: +7(800)700-86-33, +7(8452)24-86-33

E-mail: zakaz@amirit.ru. Вебсайт: <http://amirit.ru>